

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского.

Выпускъ II

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. П. Лопухина, Телѣжный пер., 3—5

1897

Оглавлениe.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюдѣнія, разсужденія.

	Стран.
1. Объ эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырскаго округа. (На основаніи матеріаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти). <i>Всев. Фед. Миллера</i>	133—159
2. Отчетъ о поѣздкѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества. Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытъомъ киргизъ. Чл.-сотр. <i>С. Г. Рыбакова</i>	160—217

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырскаго округа, собранные Н. Л. Гондатти. <i>Всев. Миллера</i>	218—229
2. Дѣтскія и женскія болѣзни. (Продолженіе). <i>А. Макаренка</i>	230—246
3. Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губ. <i>А. Макаренка</i>	247—253
4. Миѳологические отрывки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября). <i>П. К. Краучунаса</i>	254—261

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Narodopisný Sborník českoslovanský. Svázek první. Vydává narodopisná Společnost' českoslovanská a národopisné Muzeum českoslovanské. Redactor prof. Fr. Pasternek. Ve Praze. 1897. <i>Н. В. Ястrebова</i>	262—265

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Этнографическія изысканія въ Восточной Сибири.	265—266

Печатано съ разрешения Совета Императорского Русского Географического Общества.

Отдѣлъ I.

Объ Эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырскаго округа.

(На основаніи материаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти).

Неутомимый изслѣдователь Анадырского округа Н. Л. Гондатти, уже третій годъ среди всякихъ лишеній энергично изслѣдующій во всѣхъ отношеніяхъ эту негостепріимную съверо-восточную окраину Сибири, прислалъ мнѣ въ концѣ 1895 года лингвистический материалъ для опредѣленія нарѣчій жителей нѣкоторыхъ инородческихъ поселковъ, расположенныхъ по берегу Великаго океана. Матеріалъ этотъ состоить изъ списка словъ, расположенныхъ въ четырехъ рубрикахъ съ русскимъ ихъ значеніемъ. Въ первой помѣщены слова Чукчей, преобладающаго населенія Анадырского округа. Во второй — соответствующія слова жителей поселка Вутээнъ, въ третьей — поселка Унынъ, въ четвертой — поселка Нууканъ. Изъ помѣщенного дальше предисловія, предписанного г. Гондатти сборнику словъ, видно, что жители этихъ и нѣкоторыхъ другихъ поселеній къ съверу отъ залива Св. Креста и до Восточнаго мыса различаютъ себя отъ Чукчей и говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ эскимосскаго языка, нарѣчіяхъ, притомъ на столько различающихся между собою, что жители названныхъ поселковъ не понимаютъ другъ друга. Приводимъ цѣликомъ интересныя свѣдѣнія объ этихъ нечукотскихъ племенахъ, сообщаемыя г. Гондатти.

«Кромѣ сидячихъ Чукчей, про которыхъ оленные рассказываютъ, что они говорять «настоящимъ» языкомъ (ліы йилиэтъ), по берегу Великаго Океана, къ съверу отъ залива Св. Креста, сидятъ еще совершенно чуждыя имъ народности, переселившіяся сюда безусловно съ близлежащихъ острововъ и съ Американскаго материка, причемъ среди нихъ можно различить три народности: самую многочисленную послѣ Чукчей, живущую въ четырехъ поселкахъ (Ианъ, Эунмонъ, Унынъ и Нэпекху-

тэнъ) ¹⁾ Айгуанатъ или Аивуанатъ, какъ ихъ называют Чукчи. Это небольшое племя состоитъ изъ 318 лицъ мужскаго и 349 женскаго пола (я переписалъ всѣхъ осѣдлыхъ по берегу Великаго океана въ предѣлахъ округа). Айгуанатъ, по всей вѣроятности, эскимосы, давнишніе переселенцы съ острова Св. Лаврентія (называемаго Чукчами Эйгоэнъ или Айгоэнъ), съ жителями котораго у нихъ и въ настоящее время продолжаются сношения. Говорять они съ ними однимъ языкомъ и имѣютъ общіе обычай и обряды. Нерѣдко здѣшніе берутъ оттуда себѣ женъ, а въ былое время, даже лѣтъ двадцать тому назадъ, привозили оттуда молодыхъ мужчинъ и женщинъ и продавали ихъ Оленнымъ. Случается, что выѣхавшихъ на промыселъ изъ Унынъ (главный ихъ поселокъ), вѣтромъ относить къ острову св. Лаврентія и на обратъ.

Вторую народность представляютъ жители поселка Вутээнъ съ 34 лицами муж. и 45 жен. пола; говорять они своимъ нарѣчіемъ, только отчасти схожимъ съ Унынскимъ, такъ что другъ друга они не понимаютъ и говорятъ обыкновенно между собою на чукотскомъ языкѣ, здѣсь весьма распространенному ²⁾). Тоже надо сказать и про жителей поселка Нууканъ, лежащаго у Восточнаго мыса. Здѣсь живеть 157 лицъ муж. и 142 женск. пола. Кромѣ того, въ поселкахъ: Ймтунъ и Чечинъ — (въ первомъ 20 л. м. и 23 жен. пола, во второмъ 67 и 73) живеть населеніе смѣшанное: въ первомъ Вутээнцы съ Унынцами, а во второмъ — послѣдніе съ Чукчами.

Поселки, занятые этими народностями, идутъ, начиная съ юга по направлению къ сѣверу, въ такомъ порядкѣ: Вутээнъ, Ймтунъ (верстъ 8), Ианъ (верстъ 50), Эунмонъ (верстъ 10), Чечинъ (верстъ 60), Унынъ (верстъ 60), Напекхутэнъ (на островѣ Эттыгрэнъ, верстъ 30 отъ Унынъ), затѣмъ идетъ много чукотскихъ поселковъ и верстъ четыреста отъ Унынъ лежитъ совершенно отдельно поселокъ Нууканъ, такъ какъ справа и слѣва (по берегу Ледовитаго моря) сидятъ Чукчи. Жители ближайшихъ двухъ острововъ — Ратманова и Крузенштерна, — а также и противоположнаго берега Американскаго материка говорятъ нарѣчіемъ, схожимъ съ говоромъ жителей Нууканъ, но все таки на столько отъ него отличающимся, что они другъ друга не понимаютъ и говорятъ при помощи переводчиковъ. Интересно, что зимою въ тихую погоду жители этихъ двухъ острововъ имѣютъ съ жителями Нууканъ постоянныя сношения, или на собакахъ, или, при боль-

¹⁾ Эти названія поселеній — чукотскія.

²⁾ Ср. ниже наши замѣчанія о чукотскихъ заимствованныхъ словахъ въ нарѣчіи поселка Вутээнъ.

шомъ торосъ, пышкомъ, такъ какъ эта часть пролива замерзаетъ (восточная нѣть) и только сильными вѣтрами ломаетъ ледъ, почему сношенія обыкновенно и происходить въ тихую погоду. Въ остальное же время сообщеніе съ островами и противоположнымъ берегомъ сосѣдняго материка происходитъ при помоши байдаръ, причемъ съ послѣдняго жители ежегодно прѣѣзжаютъ ради мѣновой торговли въ Ункынъ, а въ прошломъ году впервые даже въ Эунмонъ.

Чукчи смотрѣть на остальныхъ сидячихъ свысока, считаютъ себя гораздо выше и хотя иногда женъ у нихъ берутъ, но своихъ девушекъ имъ не даютъ. Название Айгуйанатъ или Айвуанатъ они распространяютъ и на остальныхъ сидячихъ, говорящихъ не «настоящимъ» языкомъ; жителей же поселка Нууканъ, какъ и жителей острововъ и противоположнаго берега, они зовутъ еще Пээkitъ, производя это название отъ своего слова «нэпээакынъ» — «завистливый». Кроме того, жителей острововъ и въ особенности противоположнаго берега они зовутъ «Екыргаулеть» отъ «екыргынъ» — «роть», такъ какъ большинство изъ нихъ, по крайней мѣрѣ прежде, носили нѣсколько ниже угловъ рта, обыкновенно съ обѣихъ сторонъ, по воткнутой палочкѣ, косточкѣ или камешку. Но названія Пээkitъ и Екыргаулеть и даже Айгуйанатъ или Айвуанатъ даются только за глаза, такъ какъ считаются оскорбительными; обыкновенно (при нихъ) мѣстныхъ зовутъ или по поселкамъ, или «Ромыльвать» — «сидячие», или «Анкалэть» — «приморскіе», а жителей острововъ и противоположнаго берега Америки «Росхилэть» — «зарѣчные, съ той стороны» или «Нэнкукэлэть» — «нездѣшніе», хотя послѣднее название — болѣе общее и прилагается ко всѣмъ прѣѣзжимъ особенно издалека, даже и къ чукчамъ...

«Въ настоящее время сношенія чукчей и другихъ сидячихъ на нашемъ берегу съ жителями острововъ и противоположнаго берега исключительно мирнаго характера — торговья; но еще очень недавно они были и иныя: наши инородцы часто дѣлали набѣги на тотъ берегъ (островные, по словамъ чукчей, были обыкновенно на ихъ сторонѣ) и уводили оттуда плѣнныхъ, въ особенности женщинъ. Не надо упускать изъ виду, что изъ поселка Нууканъ совершенно отчетливо въ ясную погоду виденъ не только островъ Ратманова, но и мысъ принца Валдайскаго, что мнѣ пришлось наблюдать самому. Тоже самое, говорять Чукчи, замѣчается и съ того берега, такъ что сношенія нашихъ инородцевъ съ инородцами съверо-западной Америки, вѣроятно, начались съ глубокой древности».

Что касается точности помѣщаемой ниже записи г. Гондатти, то вотъ

что онъ говорить о способѣ записыванія инородческихъ словъ: «При записываніи словъ я пользовался не однимъ человѣкомъ, а нѣсколькими, которые другъ друга провѣряли. Выбиралъ я людей, говорящихъ ясно и отчетливо, но тѣмъ не менѣе записываніе словъ, особенно счета, требовало немало времени и повтореній; я старался быть какъ можно точнѣе, переспрашивалъ по нѣсколько разъ и добился того, что въ посылаемой редакціи слова были повторямы совершенно тождественно разными лицами въ различное время. У меня единственная цѣль это — имѣть возможность получить болѣе точныхъ указанія, что это за народности, родственные эскимосамъ, такъ какъ эскимосы Америки изучены хорошо и, вѣроятно, ихъ языки уже разработаны и имѣются словари съ грамматиками. Чукотскія же слова я прилагаю для сравненія, такъ какъ иными изъ нихъ воспользовались всѣ сидячіе, сдѣлавъ только незначительныя измѣненія. Къ сожалѣнію за отсутствіемъ времени теперь не могу послать большихъ поясненій, но полагаю, что для той цѣли, съ которой посылаются собранныя слова, достаточно и написанного».

Н. Л. Гондатти не ошибся, полагая, что собранныхъ имъ словъ достаточно для характеристики отношенія трехъ нечукотскихъ нарѣчий (Вутээнъ, Унынъ и Нууканъ) къ нарѣчіямъ американскихъ Эскимосовъ. Пользуясь грамматическимъ очеркомъ эскимосскихъ нарѣчій въ извѣстномъ трудѣ вѣнскаго лингвиста Фридриха Мюллера (*Grundriss der Sprachwissenschaft*) и особенно книгой Генри Ринка (*The Eskimo Tribes*), содержащей сравнительный словарь эскимосскихъ нарѣчій¹), мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ, на сколько позволяетъ собранный г. Гондатти материалъ. Материалъ этотъ состоять изъ записи имѣнъ существительныхъ (названий рода, частей тѣла, животныхъ, бытовыхъ предметовъ, одежды и оружія, явлений природы, нѣкоторыхъ игръ, народностей и поселковъ), немногихъ имѣнъ прилагательныхъ, нѣсколькихъ короткихъ фразъ, списка числительныхъ количественныхъ отъ 1—200 и названий мѣсяцевъ. Для заключеній о морфологіи этотъ материалъ почти не даетъ данныхъ; но о фонетикѣ трехъ эскимосскихъ нарѣчій Анадырского округа можно составить себѣ, какъ мы увидимъ ниже, довольно полное понятіе. Несомнѣнно записывать слова и притомъ въ большинствѣ многосложныхъ неизвѣстнаго языка, совершенно отличного по словообразованію отъ языковъ индоевропейского типа, дѣло не легкое; но, насколько мы можемъ судить, г. Гондатти, обладая хорошимъ слухомъ, вообще удачно спра-

¹) Полное заглавіе: *The Eskimo Tribes. Their distribution and characteristics, especially in regard to language, with a comparative vocabulary and a sketch-map by Dr. Henry Rink. Copenhagen 1887 г.*

вился съ этой задачей. Его транскрипція довольно точно передает звуки эскимосскихъ диалектовъ, гораздо точнѣе нѣкоторыхъ записей американскихъ эскимосскихъ словъ, которыхъ находимъ у нѣкоторыхъ американскихъ путешественниковъ, прибѣгавшихъ къ англійской орѳографіи.

Прежде чѣмъ уяснить отношеніе анадырскихъ эскимосскихъ нарѣчій къ американскимъ, скажемъ нѣсколько словъ о распределеніи эскимосскихъ нарѣчій въ Америкѣ.

На основаніи своихъ изслѣдованій и трудовъ предшественниковъ (Боаса, Петитѣ, Клейншмидта, Фабриціуса, Эрдманна, Далля, Краузэ и друг.) Ринкъ различаетъ 5 группъ эскимосскихъ племенъ на крайнемъ сѣверѣ Америки. Таковы, во 1-хъ, Гренландскіе эскимосы, которыхъ языкъ распадается на говоры западный и восточный. Въ 1880 г. число западныхъ эскимосовъ въ Гренландіи доходило до 9752 душъ, въ 1884 восточныхъ эскимосовъ, жившихъ на югѣ отъ 68° с. ш., числилось всего 548 человѣкъ. Встрѣчались эскимосы отдѣльными семьями и выше 68°, но число ихъ, вѣроятно незначительное, точно не опредѣлено. Въ вторую группу представляютъ эскимосскіе поселки на Лабрадорѣ. Общее число всего эскимосского населенія Лабрадора не превышаетъ 2000—2200 душъ. Языкъ ихъ представляетъ и фонетическія, и морфологическія отличія отъ гренландскаго и можетъ считаться нарѣчіемъ¹⁾). Въ третью группу входятъ эскимосскія племена центральныхъ частей сѣверной Америки. Свѣдѣнія объ отдѣльныхъ поселкахъ и числѣ этихъ эскимосовъ еще скучны. Нѣкоторые материалы для изученія ихъ языка собраны гг. Шватка и Боасъ. Общее число центральныхъ эскимосовъ, по мнѣнію Ринка, едва ли доходитъ до 4000 душъ²⁾). Четвертую группу составляютъ эскимосы Чиглітъ или поселенцы области Мэкензи, преимущественно устья этой рѣки. Французскій миссіонеръ о. Петито, составившій словарекъ нарѣчія этихъ эскимосовъ различаетъ между ними 2 племени: Тарэрмють и Крамалитъ, не превышающихъ численностью 2000 душъ³⁾). Наконецъ, пятую группу составляютъ западно-эскимосскія племена, среди которыхъ различаютъ южныхъ, сѣверныхъ и азіатскихъ. Южные, въ количествѣ около 8300 душъ,

¹⁾ *Eskimoisches Wörterbuch gesammelt von den Missionären in Labrador, revidirt und herausgegeben von Friedrich Erdman. — Baudissin 1864. Kleinschmidt. — Grammatik der grönlandischen Sprache mit theilweisem Einschluss des Labradordialekts.* Berlin 1851.

²⁾ *Schwatka — Search in quest of the Franklin records 1879 — 80. E. Boas — статья о Баффиновой землѣ въ „Mittheilungen aus Justus Perthes geogr. A. 1885.*

³⁾ *Vocabulaire Français-Esquimaux, dialecte des Tchiglit des bouches du Mackenzie et de l'Anderson par le R. P. E. Petitot. Paris 1876.*

носять, по изслѣдованіямъ Далля, нѣсколько мѣстныхъ названій, каковы: Угалахмутъ, Каніагмутъ (Кадыякъ), Огульмутъ, Нушагагмутъ, Кусквомутъ, Магемутъ и Экогмутъ. Ихъ поселки разсѣяны въ юго-западной части Аляски и на нѣкоторыхъ Алеутскихъ островахъ. Сѣверные племена, носящія названія: Уналигмутъ, Малемутъ, Кавіагмутъ, Океоѓмутъ, Селавигмутъ, Ковагмутъ, Нунатогмутъ, Нурукмутъ, живутъ въ сѣверо-западной части полуострова и не превышаютъ 2900 душъ¹⁾). Число азиатскихъ эскимосовъ, по мнѣнію Краузе²⁾), доходитъ приблизительно до 2000 душъ. Согласно съ подсчетомъ населенія въ эскимосскихъ поселкахъ, сдѣланнымъ Н. Л. Гондатти, число анадырскихъ эскимосовъ доходитъ приблизительно до 1300 человѣкъ. Итакъ общее число этого племени, разбросанного островами на огромной территории, отъ Гренландіи до Чукотского полуострова, и представляющаго въ языкѣ значительную діалектическія разниція, не превышаетъ вѣроятно 30,000 душъ.

Для уясненія отношенія эскимосскихъ нарѣчій Анадырскаго округа къ нарѣчіямъ Америки мы воспользовались сравнительнымъ словаремъ, составленнымъ г. Ринкомъ. Его глоссарій содержитъ всѣ основы гренландского языка, причемъ приведены известные автору параллели изъ другихъ діалектовъ. Если основное слово известно въ другихъ діалектахъ, но не встрѣчается въ гренландскомъ, г. Ринкъ выводить его предполагаемую гренландскую звуковую форму, отмѣчая такое слово звездочкой. Просмотрѣвъ словарь г. Ринка, мы нашли въ немъ соотвѣтствія для 102 словъ (кромѣ числительныхъ), изъ числа 360, вошедшихъ въ списки г. Гондатти. Прежде всего, сравненіе анадырскихъ эскимосскихъ словъ съ американскими подтверждаетъ фактъ, который можно было предположить a priori. Анадырскія нарѣчія ближе къ западно-американскимъ эскимосскимъ, чѣмъ, напр., къ гренландскому. Прежде, чѣмъ войти въ фактическія подробности, сдѣлаемъ простое сопоставленіе ряда словъ.

Человѣкъ: в. ³⁾ juk, у. н. ⁴⁾ jukh. Въ гренланд., центр. лабрадор., мэкэнз. нарѣчіяхъ iñuk. Но въ Wn. ⁵⁾ при iñuk употребительна и форма yuk, мн. ч. iñuet и yuet; въ Ws. ⁶⁾ мн. ч. innuit, juggut, yuet.

¹⁾ W. H. Dall—Alaska and its resources 1870.

²⁾ Die Bevölkerungsverhältnisse der Tschuktschen-Halbinsel von Dr. Aurel Krause. Deutsche Geograph. Blätter. 1883.

³⁾ в. = нарѣчіе Вутзэнъ.

⁴⁾ у. = нарѣч. Унынъ; н. = нарѣч. Нууканъ

⁵⁾ Wn = сѣв. отдѣлъ западныхъ эскимосовъ.

⁶⁾ Ws = южн. отд. западныхъ эскимосовъ.

Мальчикъ: *в.* тáна, *у.* тарнáрак¹⁾. Въ гренланд. нéть, въ М.²⁾ tunutsuk—народъ; но въ Ws. tan—человéкъ, tennuhak—мальчикъ, tannujak—юноша.

Дѣдушка: *в.* аинáка, *у.* аинакá, *и.* аиý. Въ гренл. нéть, Wn. apang—отецъ.

Шея: *в.* уjékaka, *у.* уjакók, *и.* уjáконка. Въ гренл. нéть; Wn. weeak-kote (чит. ūiakkoté?) — горло; weeakuk (чит. ūiakuk) — шея.

Животъ: *в.* акýка *у.* аксáка³⁾, *и.* акéхка. Въ гренл. aqaag, но въ Ws. aksiak.

Нога: *в.* ирýка *у.* и. эрýхка. Въ гренл. нéть; Wn. erukhga, Ws. erukha.

Зубы: *в.* кыýта, *у.* хутынкá, *и.* вутээт. Во всѣхъ нарѣчияхъ иначе, только въ Wa. ⁴⁾ chutit, uutinka; Wn. kigu, kigutik.

Языкъ: *в.* утлá⁵⁾, *у.* улúка *и.* улú. Въ гренл. нéть; Ws. ulu, ulju.

Средний палецъ: *в.* кылкóситака, *у.* атхýлка, *и.* аткýшнин — только въ Wn. akolinek — second finger.

Байдара: *у.* аинјак, *и.* аинјак — гренл. umiaq, Ws. aniaq.

Кости: *в.* нынах, *у.* нахкуак, *и.* нынрат. Въ гренл. нéть. Ws. nunokut, nenoet.

Куклянка двойная⁶⁾: *у.* аткúка, *и.* аттыкúк. Въ гренл. и., Wn. atige.

Бусы: *в.* чўнах, *у.* чўнак, *и.* чунák. Въ гренл. нéть; С.⁷⁾ shoongo-wyat (чит. шунговјат); Wn. tshungaunik, Ws. tshunagtook (чит. чунагтук).

Луна: *у.* танкé, *и.* иѓалёк⁸⁾ = Ws. igaluk, Wn. takkuk, Ws. tangik. Другія нарѣчія не представляютъ сходныхъ словъ. Впрочемъ въ С. tatkuk.

Вѣтеръ: *у.* анóка, *и.* аноќ. Въ гренл. только въ языкѣ Ангакоковъ (шамановъ), Ws. amioq, aneg.

Берегъ: *в.* чйнчах, *у.* спак, *и.* кэмчýнинак. Въ гренл. нéть; Ws. tschnag.

Югъ: *у.* бхка, *и.* ахкóк; только въ Ws. vagak, Wn. uakak.

¹⁾ М. = нарѣч. мэкэнай.

²⁾ Буква р выражаеть р съ придыханіемъ.

³⁾ С = палатализов. с или съ.

⁴⁾ Wa = нарѣч. запад.-азіатское.

⁵⁾ Одежда.

⁶⁾ С. = центральн. эскимоское нарѣчіе.

⁷⁾ й выражаеть европейскій l, средній между нашими лъ и ль.

⁸⁾ г выражаеть русс. г въ словахъ: Бога, Господь, тоїда.

Этихъ примѣровъ специального сходства анадырскихъ эскимосскихъ словъ съ американскими достаточно, чтобы подтвердить высказанное г. Гондатти въ предисловіи мнѣніе, что наши эскимосы являются потомками переселенцевъ изъ западной Америки.

Переходимъ къ ближайшему разсмотрѣнію фонетики нарѣчій В. У. и Н.

Гласные: Система гласныхъ во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ представляетъ слѣдующіе звуки: а, е, и, о, у, ы и ѿ. Послѣдній звукъ встрѣчается, впрочемъ, крайне рѣдко: въ нарѣчіи *в.* мы нашли его въ слѣдующихъ 6 словахъ: милоталхерај (игра въ мячъ), лохтыбаах (толстый), маныич (ситцевая куклянка), уокомра (ожерелье), ѿграј—заговорщикъ, заклинатель и пэлбта (рѣчной бобръ). Нарѣчія *у.* и *и.* имѣютъ ѿ также въ названіи рѣчного бобра: *у.* пэлбхтак, *и.* пэлбктак. Въ виду того, что послѣднее слово чукотского происхожденія (ср. чукот. пэлбтэн), можно сдѣлать предположеніе, что звукъ ѿ перешелъ въ данномъ случаѣ въ вокализмъ рассматриваемыхъ нарѣчій вмѣстѣ съ заимствованнымъ чукотскимъ словомъ. Другія слова съ ѿ въ нарѣчіи *у.:* каѣк (чай), причемъ гласному ѿ въ нарѣчіи *в.* соотвѣтствуетъ звукъ, выражаемый г. Гондатти посредствомъ *и* (je ?): каѣх, и таржок (разсоль). Въ нарѣчіи *и.,* кроме слова таржо (разсоль), ѿ встрѣчается лишь въ словахъ: арнарат маѣхтут (заря), тахмѣорак (птица), кабахлобкукут (спимъ). Изъ собственныхъ дифтонговъ встрѣчаются: ai, ay, ui; изъ несобственныхъ (б. м. сочетаній гласныхъ) мы отмѣтили: оы (*у.* койт—лебедь), oa (*и.* каличба—куница) ua (*и.* читуак—бѣлуха), уо (*в.* уруох—ремень лахтачій). Но вообще перечисленныя сочетанія гласныхъ, кроме собственныхъ дифтонговъ, крайне рѣдки.

Согласные: Въ консонантизмѣ всѣхъ трехъ нарѣчій входятъ слѣдующіе звуки: задненебные: к, Ӯ, х, ӈ; небно-зубные: т, с, ѿ, (з) ч, ӈ; губные м, п; плавные л, р, Ӯ и звукъ ѡ, который мы выводимъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ въ транскрипціи г. Гондатти я, ю образуютъ слогъ. Такимъ образомъ въ консонантизмѣ нашихъ эскимосскихъ нарѣчій отсутствуютъ согласные д, ф, ш, которые, какъ увидимъ ниже, извѣстны нѣкоторымъ американскимъ эскимосскимъ нарѣчіямъ.

Разсмотримъ нѣкоторые гласные и ихъ соотвѣтствія въ другихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ.

Гласный *a* обычно соотвѣтствуетъ тому же звуку въ другихъ нарѣчіяхъ. Примѣры: *у.* и. арнаак — (женщина)=arnaq LCMWnsa¹⁾, *в.* аппака *у.* аппака, *и.* апи (дѣдь)=Wn. apang—отецъ; *в.* *у.* паніка, *и.*

¹⁾ L=Labrador, C=Central. M=Mackenzie.

пани́а (дочь) = panik LCMWnsa; *y.* на́скок, *n.* наяжкокá (голова) = naskok LCMWnsa, *y.* таслихка, *n.* тахлика (рука) = taleq LCMWnsa; *n.* каблúт (брови) = C. kabloot (т. е. каблут), Wn. kabloon (т. е. каблун) и друг. Иногда звуку *a* соответствует въ другихъ нарѣчіяхъ *e*: *y.* тыка; *n.* тыка́к (указательный палецъ) = tikeq LCMWn; *y.* *n.* нахсáк (нерпа-мандарка) = natseq LCMWna; *y.* наккá (мясо) = neqe. Въ отдельныхъ словахъ въ аяндырскихъ нарѣчіяхъ *a* чередуется съ *o*: *v.* áках, *y.* *n.* акóк (корень), *y.* анóка, *n.* анокó (вѣтерь); *y.* óхка *n.* ахкóк (югъ); съ *э*: *v.* кенóк, *y.* катóка (лобъ); *v.* áмах, *y.* амэк (шкура старого оленя). Замѣтимъ, что особенно многочисленны случаи соответствія *y.* *a* звуку *ы* въ нарѣчіи *v.*: *v.* кумыка́ју, *y.* кумáкајуут (пароходъ), *v.* игáхпах (рыболовная сѣть), *v.* тáмпых, *y.* таншáк (моржовая кожа); *v.* тымынкых, *y.* тымкáк (нерпички мандарки), *v.* мых, *y.* ммак (вода), *v.* имых, *y.* ммах, *n.* иммáк (море); *v.* jáйбых, *y.* найбак (озеро), сюда же можно отнести *v.* йнáлих = *y.* йнлак (пологъ).

Гласный *e* (у Гондатти *e* и *ə*) соответствуетъ тому же гласному въ другихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ, напр.: *y.* ёрныка, *n.* эрнара (сынь) = ergneq; *y.* *n.* эрўхка (нога) = Wn. erukhga, Ws. erukha; *v.* ёкатлих, *y.* *n.* екаслук (рыба) = equaluk. Вѣроятно, на закрытое *e* указываетъ чередование его съ звукомъ *и* въ слѣдующихъ случаяхъ: *y.* икáхслупик *n.* экалушик (голепь), *y.* илўлика, *n.* илўлэк (куклянка нижняя); *y.* кик. *n.* кэк (лѣто); *v.* ёрыка, *y.* *n.* эрўхка (нога)¹). Чередование *e* съ *ы* мы отмѣтили въ словахъ *v.* трекусак, *y.* трекусак (звѣрь); *y.* мáттэн, *n.* мáттын (сегодня). Чередование *e* съ *у* въ словѣ *y.* ёнрак *n.* унráк (копье).

Гласный *и* соответствуетъ обычно тому же звуку другихъ нарѣчій: *v.* итчикá, *y.* ѫ́ска, *n.* ѫ́хка (глазъ) = isse; *v.* икáхка, *y.* икү́ска, *n.* икү́ик (локоть) = ikusik, *y.* чикик (евражка) = sigssik (т. е. сигшик), *v.* *y.* *n.* чабик (ножъ) = savik; *y.* кохлáтих (штаны нерпички) = qardlik; *v.* *y.* тáпсика, *n.* тапсй (поясъ) = tavsik²). По нарѣчіямъ *и* нерѣдко чередуется съ *ы* и, вѣроятно, съ *у*. Чередование *и* съ *ы* встрѣчается въ слѣдующихъ словахъ: *v.* ѫ́кыка, *y.* ѫ́кыка, *n.* ѫ́кыка (тесть); *v.* ѫ́кыимка, *y.* ѫ́кымака (грудь); *v.* кахлáбык, *n.* кахлúбик (женская одежда). Чередование *и* съ *у* мы видимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣ *л* и *ө* находимъ въ нарѣчіи *y.* въ транскрипціи г. Гондатти буку *ю*, которую мы

¹) Въ *y.* *n.* кэкмéк (собака) э соответствуетъ гласному *i* въ другихъ нарѣчіяхъ: qingmeq LCMWn.

²) Въ словѣ *y.* таслихка, *n.* тахлика (рука) і соответствуетъ гласному *e* въ другихъ нарѣчіяхъ: taleq LCMWns.

читаемъ какъ мягкий согл. + у: срав. *в.* ѿтлинчикá *у.* утхлюмáка (т. е. утхлумака) — щека; *в.* тámлика, *у.* тамлóка (подбородокъ); *в.* кúмлика, *у.* кумлóка (большой палець); *в.* имáхлик, *у.* имахлóк (волна); *в.* єкатлих *у.* екаслюк (рыба); *в.* єкальпíх, *у.* икахслöпик (голець); *в.* си-тúхлиги, *у.* стухлóук (оленъ штаны); *в.* тумсикá, *у.* тунусlóка (затылокъ). О чередованіи *i* и *e* по анадырскимъ нарѣчіямъ см. выше. Отмѣтимъ случаи выпаденія *u* въ нарѣчіи унынъ послѣ начального *c*: *у.* стухлóук — *в.* ситúхлиги (оленъ штаны), *у.* снáгmit, *в.* синráгмагай (береговой житель), *у.* стухлóук, *в.* читúхлиги (оленъ торбасы). Отпаденіе начального *u* въ словахъ: *у.* имак, *н.* иммáк. *в.* ѻмых (море), *в.* лу (домъ)=lgdlo LCMWn.

Гласный *o*, встрѣчающійся вообще въ корняхъ рѣдко, соотвѣтствуетъ въ словѣ *у.* кохлýгих (штаны нерпичьи) гласному *a* другихъ эским. діалектовъ: qardlík LCMWns, а въ словѣ *у.* анóка *н.* анокó (вѣтеръ) не только *o*, но и *u*: аноге и апик. О чередованіи *o* съ *a* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ было сказано выше. Въ нѣкоторыхъ словахъ, повидимому въ суффиксѣ, *o* въ нарѣчіяхъ *у.* и *н.* соотвѣтствуетъ звуку *u* въ нарѣчіи *в.:* *у.* *н.* јхбок (кить)=*в.* јхбык; *у.* *н.* айбок (моржъ)=*в.* јйбык, *у.* кујахок (жила оленя)=*в.* кујахъх. Діалектическое чередованіе *o* съ *u* находимъ въ словахъ: *у.* койнéк *в.* кўрнах (олень); *у.* кўйна *в.* кўйнин (трубка); *н.* пинехтóк, *у.* пинéхтук (хорошій).

Гласный *u* соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ нарѣчій: *в.* ѿтлинчикá *у.* утхлюмáка (щека)=uluaq; *в.* ѿтла *у.* улўка, *н.* улў (языкъ)=ws. ulu; *у.* нўјака, *н.* нўјат (волосы)=nujaq; *у.* тў́ска, *н.* тўјé (плечо)=wa. tuixka., *у.* икў́ска, *н.* икуйк (локоть=ikusik; *в.* чўнах, *у.* *н.* чўнак (бусы)=sungaq, Ws. čunagtook (т. е. чунаѓтук); *в.* кўмлика, *у.* кумлóка, *н.* кумлў (большой палець)=kuvdloq; *в.* тухкаѓый, *у.* туўтык, *н.* тухкафáк (моржовый клыкъ)=tugaq и друг. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы отмѣтили чередованіе *у* нарѣчій *у.* и *н.* съ звукомъ *ы* въ нарѣчіи *в.:* *у.* *н.* ёрўхка *в.* ёрыка (нога); *у.* путўна, *в.* пўтўнэй (палочка пропѣтая въ подбородкѣ); *у.* чаујак, *в.* сяѓўјах (бубень), *у.* абаѓнытўк, *в.* абаѓнитўх (нѣть т. е. не имѣется). Въ словѣ *у.* уjўрахка, *н.* уjўфи (брать младший) второй *у* соотвѣтствуетъ *o* другихъ діалектовъ: цjогиkLCM, ojoara Ws. Суффиксу — ук въ словѣ *у.* *н.* кахлóук (громъ) отвѣчаетъ *e* въ прочихъ нарѣчіяхъ; kagdleq.

Гласный *ы* всего чаще соотвѣтствуетъ звуку *u* въ американскихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ, причемъ можетъ возникнуть предположеніе о неточности транскрипціи: быть можетъ, эскимосс. *ы*, чуждый вокализму иностранныхъ наблюдателей (англичанъ, французовъ, немцевъ) не быть

ими графически отмѣченъ и слился съ гласнымъ i. Примѣры: *в.* кынка (носъ)=qinqaq; *в.* тыкыка, *у.* тыкака, *и.* тыкак (указательный палецъ)=tikeq; *и.* аттыкүк (куклынка двойная)=Wn. atige; *в.* эбых, *у.* бык, *и.* эбѣк (трава)=ivik. Въ словѣ *и.* аткылнин (средний палецъ) и соотвѣтствует звуку *o* въ Wn. akolinek; въ словѣ *в.* нынах, *и.* нынѣрат (кость, кости) *ы*, можетъ быть, отвѣчаетъ гласному *u* въ Ws, если транскрипція точна: nukut. О чередованіи *ы* и *о* было упомянуто выше.

Слова, имѣющиа рѣдкій гласный ё, были перечислены выше.

Относительно собственныхъ дифтонговъ, ограничимся замѣчаніемъ, что въ соотвѣтствіе съ *ai* въ *и* кайрулэк мы видимъ *a* въ *у* кафулэн (нерпа крылатая); подобно этому дифтонгу *au* въ словахъ: *и.* каувяк (дресва) и *в.* накау (нѣть) соотвѣтствует *a* въ *в.* каби и *у.* нака.

Переходимъ къ разсмотрѣнію согласныхъ.

Задненебныe: Зрукъ *к*. Въ консонантизмѣ гренландскаго языка Ринкъ различаетъ два звука *к*. Первый, выражаемый имъ буквой *k*, звучить, по его словамъ, какъ с въ англ. «*can*» или *ck* въ англ. «*lack*», слѣдовательно это нашъ *к* передъ твердымъ гласнымъ. Второй *к*, передаваемый имъ посредствомъ *q*, произносится, по его словамъ, какъ «очень гортанный *к*, нѣчто среднее между *g*, *rk* и *rkr*» (стр. 41). Конечно, судить о природѣ этого звука по слишкомъ поверхностному описанію г. Ринка невозможно. Въ записяхъ г. Гондатти мы находимъ только одинъ *к*. Что касается передачи обоихъ *к* транскрипціей разныхъ наблюдателей, то нѣкоторые вовсе не различаютъ ихъ, другіе передаютъ второй буквами *к*, *kr* *rk*. Звукъ *к* всѣхъ трехъ анадырскихъ нарѣчій соотвѣтствует обоимъ *к* гренландскаго, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: а) *к=k*: *у.* *и.* тарнѣрак (мальчикъ)=Ws. tennuhak; *в.* *у.* паника (дочь)=panik; *в.* *у.* *и.* сакыка (тесть)=sake LCM: *у.* *и.* нынѣака (зять)=ningauk MWn. *у.* наскок *и.* најахкокá (голова)=naskok; *в.* сакымка, *у.* сакымка (грудь)=sakiak, *у.* *и.* кумык (вошь)=кумак; *у.* уирак, *и.* уихак (камень)=çjarak и друг. б) *к=гренл. q:* *у.* *и.* арнак (женщина)=argaq; *и.* нулака (жена)=nuliaq; *у.* ёрныка (сынъ)=erneq; *у.* *и.* каныјака (племянникъ)=qangiaq; *у.* *и.* кахкака (макушка) срав. çafaq (гора); *у.* каїбка (лобъ)=qaq; *в.* кынка, *у.* кэнак, *и.* кнак (носъ)=qinqaq; *и.* иjýjака (волосъ)=pijaq; *у.* *и.* кэкмек (собака)=qingmeq; *у.* *и.* опынрак (весна)=ipernâq и друг.

Анадырскій *к* изрѣдка (если можно довѣряться точности транскрипціи) соотвѣтствует звуку *г* (*g*) въ другихъ діалектахъ: *и.* аклак (бурый медвѣдь)=agdlaq; *и.* аттыкүк (куклынка двойная)=Wn. atige. Возможность соотвѣтствія *к* звуку *r* въ словѣ *у.* анока, *и.* анокб (вѣтеръ)=

аногеLCMWns, может быть, выяснится изъ дальнѣйшаго. Интересны для характеристики и его чередованія въ самихъ анадырскихъ нарѣчіяхъ. Такъ, однимъ изъ отличій нарѣчія вутээнъ отъ нарѣчія унѣмынъ, а иногда и нуukanъ является то, что суффиксальному и постѣднихъ нарѣчій соотвѣтствуетъ х въ нарѣчіи в.: *у. и. јук* (человѣкъ), *в. јух*; *у. мамак* (женская грудь) *в. мамых*; *и. канак* (роть) *в. канах*; *у. капсик* (росомаха) *в. капсих*; *у. и. ахбок* (китъ) *в. ахбых*; *у. и. чунак* (бусы) *в. чунах*; *и. иммак* (море) *в. имых*; *и. эбик*, *у. бык* (трава) *в. эбих*; *и. унувак* (вечеръ) *в. унувах*; *у. екаслук* (рыба) *в. екатлих*; *у. инлак* (полоть въ жилищѣ) *в. инглих*; *у. таннак* (моржов. кожа) *в. танпих*; *у. кујахок* (жила оленя) *в. кујахых* и мног. друг.

Въ началѣ слова передъ гласнымъ тоже чередованіе находимъ въ словѣ: *у. хутынка* (зубы) *в. кыкта*. Въ серединѣ въ словахъ: *и. аткылнин* (средній палецъ) = *у. атхилка*, *и. маклак* = *у. махлак* (лахтакъ), *и. амактү* (горбуша) = *у. амахтү* — находимъ тоже чередованіе въ нарѣчіяхъ нуukanъ и вутээнъ. Въ трехъ словахъ, повидимому, въ суффиксѣ, мы отмѣтили соотвѣтствіе вутээнскаго и группѣ *хк* другихъ нарѣчій: *в. йрыка* (нога) *у. и. эрѣхка*; ¹⁾ *в. аїлика* (нижняя челость) *у. аїлухка*; *в. акѣка* (животъ) *и. акѣхка*.

Переходимъ къ анадырскому звуку г. По словамъ г. Гондатти, г произносится какъ напѣ г въ словахъ Бога, благо. Слѣдовательно, это звонкій задненебный спирантъ, соотвѣтствующій малорусскому г и новогреч. γ. Ринкъ не отмѣчаетъ этого звука въ гренландскомъ и другихъ американскихъ эскимосскихъ языкахъ, говоря, что звукъ *g* произносится какъ англійскій въ словѣ *good* (стр. 40), но въ данномъ случаѣ мы увѣрены, что наблюденіе г. Гондатти точно и, быть можетъ, звукъ γ рядомъ съ г существуетъ въ нѣкоторыхъ amer. эскимосскихъ нарѣчіяхъ, хотя и неотмѣченъ транскрипціей. Впрочемъ, самъ г. Ринкъ (стр. 43) указываетъ, что буквѣ *g* (его транскрипціи) соотвѣтствуетъ въ транскрипціи другихъ (неизвѣстно какихъ) эскимосскихъ нарѣчій иногда буквы: *g'*, *gh*, *ch*. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь попытки къ передачѣ звука γ незнакомаго путешественникамъ неспециалистамъ. Какъ бы то ни было, изъ нашихъ немногихъ параллелей видно, что анадырскій г соотвѣтствуетъ звуку, выражаемому буквой *g* въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ: *в. аїлика*, *у. аїлухка*, *и. аїлакбок* (нижняя челость) = *agdleroq LCM*; *и. иғлбок* (луна) = *Ws. igaluk*; *в. аныга* (снѣгъ) = *anigo* (стар. гренл.).

¹⁾ Который звукъ здѣсь древнѣе, сказать трудно: Срав. *Wn. erukhga*, *Ws. erukha* (legs), *Ws. jeroga* (feet).

Ws. *aneg* и *aniok*. Въ самихъ анадырскихъ нарѣчіяхъ г изрѣдка чередуется съ х, т. е. переходитъ изъ звонкаго въ глухой спирантъ, напр. *у. најаѓа* (сестра) н. најаћа-ка; *у. койлгик* (оленный чукча) в. коралхій. Въ виду этого чередованія можно предположить, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы замѣщаемъ соотвѣтствіе анадырскаго х буквой г въ американскихъ нарѣчіяхъ, послѣдняя неточно передаетъ звукъ г: срав. в. *йлхуа* (лисица)=Ws. *ilguik*; *у. н. каслук* (громъ)=*kagleq* LCMWns; *у. мытысслук* (воронъ)=Wa. *metagdlo*. Звуковая близость г къ звуку, выражаему г. Гондатти буквой ф (см. ниже), повела къ ихъ соотвѣтствію въ словѣ: в. *тухкагый*=н. *тухкафак* (моржов. зубъ). Срав. также: н. *игалэкатак* (звѣзда) и Wa. *iralikatoch*, *eradlekatak*. Быть можетъ, поэтому не слишкомъ смѣло сопоставить слово *у. чигис-кока* (колѣно) съ *sér-доq* LCMWnsa (О соотвѣтствіи съ звуку г [русс.] см. ниже). Для характеристики г слѣдуетъ еще замѣтить, что онъ иногда выпадаетъ въ томъ же словѣ въ разныхъ анадырскихъ нарѣчіяхъ: срав.: н. *игалэкатак* (звѣзда), *у. эаликытѣ*; в. *кага*, *у. кагы* (бурунь) н. *кѣ*; в. *саѓыах* (бубенъ), *у. чаујак*, н. *чаяк*; в. *кабығилнұх* (красный), *у. ка-* *билинұк*; *у. абағынтық* (нѣть=неимѣется), в. *абанытыхъ*; *у. кағоқа* (лобь)=*даq* LCMWns; в. *чиғытықа* (ухо), *у. сїjутхა*, н. *чытыхка*=*siut* LCMWns.

Встрѣчающееся изрѣдка чередованіе г въ н объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не зубное, но задненебное н (либо неотмѣченное транскрипціей, либо перешедшее впослѣдствіи въ зубное, что менѣе вѣроятно). Срав. *у. кағоқа* (лобь) и в. *кэнок* (вм. *кэнок*); *у. чи-* *чыскока* (колѣно) и в. *чинискыка*. Близки къ этимъ случаи діалектическаго соотвѣтствія н г одному н (т. е. н): н. *танғырға* (черный), *у. та-* *нырға*; в. *йнглих* (пологъ въ жилищѣ) *у. йнлак*.

Можетъ явиться вопросъ, существуетъ ли рядомъ съ г въ анадырскихъ нарѣчіяхъ звукъ ı. Просмотрѣвъ всѣ записанныя г. Гондатти слова, въ поискахъ за этимъ звукомъ, мы нашли букву ı только въ слѣдующихъ трехъ словахъ: н. *јакираг* (аутка — инструментъ, которымъ скоблять шкуры), *у. койлғағэт* (сидячий чукча) и *у. англутка* (брать), причемъ, въ виду ничтожнаго количества примѣровъ, готовы предположить, что въ запись г. Гондатти вкрались неточности. Такъ, если въ словѣ н. *јакираг* (аутка) — раг есть суффиксъ, то обычная его форма въ нарѣчіи и у-у-ка-нъ — р-а-к (опын-р-ак — весна, нахап-р-ак — арканъ [ср. *у. нахп-йн*]) или — ғ-ак (арнá-ғ-ак — дѣвшка, анука-ғ-ак — старикъ, аралкоа-ғ-ак — старуха, манта-ғ-ак — домъ и проч.); ı въ *койлғағэт* м. б. описка вм. г; что же касается *у. англутка* (брать), то сравненіе его съ н. *анылхұтықа* — показываетъ, что н г вѣроятно выражаетъ задненебный н. Въ виду

этого существование въ анадырскихъ нарѣчіяхъ представляется намъ недоказаннымъ. Можетъ быть, задненебный н слышится или слышался прежде въ слѣдующихъ словахъ, какъ показываетъ сравненіе: н. ана́ка (дядя) = angak LMWn.; у. н. каны́јака (племянникъ) = qangiaq L.; у. н. анјак (байдара) = a. angiaq; н. ану́арун (весло) = anguar-pok (pulls with a one bladed oar); у. н. чунак (бусы) = sungaq*; н. ину́лук (волна) = ingiliu CWn., у. н. пина́јут (три) = pingajuat (третій).

Переходимъ къ звуку х, глухому спиранту, соотвѣтствующему звонкому г. Примѣры діалектическаго чередованія г и х приведены выше, такъ же, какъ соотвѣтствія у. и н. к звуку х въ нарѣчіи вутээнъ. Соотвѣтствіе х въ языкахъ американскихъ эскимосовъ установить трудно. Тамъ, гдѣ х въ самихъ анадырскихъ нарѣчіяхъ чередуется съ к, ему соотвѣтствуетъ въ американскихъ нарѣчіяхъ, какъ мы видѣли выше, звукъ k, изрѣдка g (в. йіхуа (лисица) = Ws. uliguik). Изъ исторіи х въ анадырскихъ нарѣчіяхъ отмѣтимъ слѣдующіе факты. Съ одной стороны есть случаи чередованія х съ ф, что указывается на энергическое (м. б. сопровождаемое хрипомъ, произношеніе х: сравн. н. уихак (камень) у. уирак; у. тарнбжак (ребенокъ) в. танарах. Съ другой стороны х можетъ по нарѣчіямъ выпадать, причемъ болѣшій архаизмъ въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ нарѣчіе вутээнъ, сохранившее х въ нѣкоторыхъ словахъ утратившихъ этотъ звукъ въ другихъ нарѣчіяхъ: срав.: в. анильхутыка (двоюродный братъ) н. анутэл-утыка; в. нынішка у. н. ныніака (зять); в. пнэхэк (дикий баранъ), у. пнэк; въ одномъ случаѣ, впрочемъ, нарѣчіе вутээнъ утратило х вмѣстѣ съ нарѣчіемъ нуу坎ъ: в. экалипихъ, в. экалипихъ, н. экагушик (голецъ), у. икахслупик. Случай исчезновенія х, повидимому, говорять въ пользу предположенія, что въ нѣкоторыхъ словахъ х произносился (раньше выпаденія) близко къ латин. h.

Интересно также чередованіе х съ съ такоѣ же, какое извѣстно въ консонантизмѣ славянскихъ нарѣчій. Нужно думать, что въ такихъ словахъ съ былъ болѣе древнимъ звукомъ. Срав. н. тахлика (рука) у. таслыхка; в. икіхка (локоть) у. икуска, н. йхка у. йска (глазъ)ср. в. имчикá и isse LCMWns; н. најахкока (голова) у. на́скок=naskok LCMWns. При этомъ х, вышедшее изъ съ, можетъ и совсѣмъ исчезнуть: у. каслика (верхняя кукланка) н. калик¹). Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ данныхъ словахъ съ (мягкое) или передъ смягченнымъ же звукомъ л, то могли бы считать мягкость съ условиемъ его перехода

¹⁾ Можетъ быть, въ словѣ: н. туѣ (т. е. тује), срав. у тү́ека (плечо), звукъ ё перешелъ сначала въ х и затѣмъ въ ѿ. Срав. Wa. tuixka.

въ я. Впрочемъ, къ этому условію не подходитъ слово: *н.* чиглѣкъ (ко-
лѣно) *у.* чиглѣсека, *ч.* чиглѣсъка, такъ что условія перехода съ въ я
остаются не ясными.

Переходимъ къ нѣбно-зубнымъ согласнымъ: *т*, *с* и африкатъ *ч*. Со-
гласный тъ обычно соответствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ
языковъ: *в.* таңа (мальчикъ), *у.* тарнафак = Ws. tan (человѣкъ), ten-
pihak (мальчикъ), таппакъ (юноша); *у.* аттака, *н.* аттій (отецъ) = atata;
у. таслікка, *и.* тахліка (рука) = taleq; *в.* тамліка, *у.* тамлұка, *н.* таммұу
(подбородокъ) = tavdloq LWN; *в.* тымкыла, *у.* тымака, *н.* тымжак (указатель-
ный палецъ) = tilqe; *у.* туитү арнák (важенка дикая) = tugto; *в.* *у.* тап-
сика, *н.* тапсý (поясь) = tavsik; *н.* тұтак (палочка въ подбородокъ) = tutaq,
Wn. tootuk, tutu; *у.* тарjö, *и.* тарjók (разсоль) = tarajok и друг.

Въ словѣ *н.* чиглўак (бѣлуха) *т* соответствуетъ западно-эскимосскому
д и т: Wn. tsedooak (т. е. чидуак) и seetuuq (т. е. ситуук). Дialectическое
исчезновеніе *т* передъ я имѣеть въ словѣ *в.* ўтлା, *у.* уллұка, *н.* уллý
(языкъ)¹⁾; чередованіе *т* съ съ передъ л въ словѣ: *в.* ёкамлых, *у.* *н.*
екамлук (рыба).

Существование звука *ð* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ представляется
намъ маловѣроятнымъ. Въ нарѣчіяхъ вутээнъ и нуukanъ мы не
нашли ни одного примѣра съ *ð*; въ нарѣчіи уныни оказалось только
одно слово съ этимъ звукомъ: ахбиндлик—«шесть». Въ виду того, что
въ томъ же словѣ другихъ анадырскихъ и вообще эскимосскихъ нарѣчій
имѣть *ð*, (срав. *в.* йнглик, *н.* ахбиндлик = aghwinnak, Ws. ahvinilin) и
что въ словѣ ахбиндлик звукъ *ð* стоитъ передъ *л*, можно думать, что
г. Гондатти въ данномъ случаѣ передалъ чрезъ *ндол* какой то оттенокъ
звука *н* (можетъ быть *н* срав. *в.* йнглик) или звука *и* (см. ниже).

Анадырский *с* соответствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ
нарѣчій: *у.* *н.* аттасж (одинъ) = atauseq; *в.* сїтымы, *у.* стамат (четыре) =
sisamat; *в.* *у.* тапсика, *н.* тапсý (поясь) = tavsik; *у.* аксақа (жиготь) =
Ws. aksiak, *у.* *н.* нахсак (нерпа-мандрка) = natseq; *в.* сакымка *у.* са-
кымака (рудь) = sakiak; *у.* наскок (голова) = naskok и друг.

Самое выдающееся явленіе въ судьбахъ звука *с* въ анадырскихъ на-
рѣчіяхъ представляетъ его dialectическое чередованіе съ звукомъ *ч*. При-
мѣры: *в.* кáпсих (росомаха), *н.* кáпчик; *в.* сїтымы (четыре) *н.* читамат,
у. асáга (тетка) *н.* ачика; *в.* апсинах (мышь) *н.* абиначафак (съ пере-
становкой чи въ нч); *у.* стухлук изъ *н.* сїтухлук (оленни торбасы) *в.*
читлхиғи; *у.* мисуна (гребень) *н.* мичунан, *в.* мичунана; *у.* сијутха (ухо),

¹⁾ См. впрочемъ далѣе въ отдѣль обѣ я.

в. чигытыка, *и.* читыхка; *у.* снак изъ синак (берегъ) *в.* чинчах. Такое чередование составляет свойство только с, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, но въ двухъ случаяхъ и с: *у.* арнам сабіак (женскій ножъ) *и.* чабіа; *у.* сакара (сахарь), *в.* чакара, *и.* чакар. Впрочемъ, твердость с въ послѣднемъ словѣ не убѣдительна. Название сахаръ перешло къ эскимосамъ оть чукчей, которые передѣлали русское слова въ сахар (у Гондатти сахарь); поэтому либо транскрипція унынскаго слова (сакара вм. сакара) у г. Гондатти не точна, либо унынцы искусственно въ данномъ случаѣ повторяли произношеніе русскаго человѣка. Но, напримѣръ, русс. слово чай, перешедшее въ чукчамъ въ формѣ с яй, правильно сохранилось въ томъ же видѣ въ нарѣчіи *и.* сай. Въ нарѣчіяхъ *в.* и *у.* другое слово: *в.* каѣхъ (т. е. кајех) *у.* каёк. Унынскій с въ соотвѣтствіи съ с въ вутаэнъ находимъ въ словѣ: *у.* сакымака *в.* сакымка (грудь), срав. *и.* чайнка. Если передача унынскаго слова г. Гондатти точна, то оно, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ *у.* сабіак, составляетъ исключеніе, ибо во всѣхъ другихъ случаяхъ діалектическое ч восходитъ не къ твердому с, а къ мягкому с'. О случаяхъ перехода діалектическаго с въ х и о выпаденіи было упомянуто выше.

Для существованія звука з въ анадырскихъ нарѣчіяхъ можно привести изъ матеріаловъ г. Гондатти только два или три примѣра. Такъ, чукотское название бѣлухи пурас является въ нарѣчіи *в.* почти въ томъ же видѣ: пурас, но въ нарѣчіи *у.* находимъ пузак (у г. Гондатти: пузякъ) причемъ з (если передача г. Гондатти точна) выпадаетъ изъ р. Другой примѣръ на з въ томъ же нарѣчіи является въ переводѣ русской фразы: «говори громче»: кабахлутын акузи, въ которой акузи значить «говори» (срав. у г. Гондатти унынское слово кабыхлутын, какъ переводъ русскаго слова «громко»). Въ томъ же нарѣчіи въ соотвѣтствіи съ *в.* катчіяхъ (нерпа пестрая) находимъ казигіак, такъ что звуку з отвѣчаетъ въ нарѣчіи *в.* звукъ тч (вероятно геминированное ч)¹⁾. Подобное же соотвѣтствіе встрѣтилось намъ въ названіи поселка Унынъ, которая унынцы называютъ Инадзэх, а вутаэнцы Унынъ. Такимъ образомъ получается нѣкоторая параллель между с и з: какъ с' чередуется съ и, такъ з (дз) чередуется съ ч (тч). Но съ другой стороны мы видѣли соотвѣтствіе з съ р. При недостаточности фактовъ, вопросъ о звуки з не можетъ быть разъясненъ. Мы должны ограничиться лишь выводомъ, что этотъ звукъ, а также и дз (если передача г. Гондатти точна) встрѣчается изъ трехъ

¹⁾ Въ словѣ *в.* итчика (глазъ) однако тч чередуется съ унынскимъ с, а не з: *у.* иска.

андырскихъ нарѣчій только въ унынскомъ, и то весьма рѣдко. Существование же его въ другихъ нарѣчіяхъ пока не засвидѣтельствовано.

О звукѣ *ч*, кромѣ вышеуказанныхъ наблюдений, можно еще сдѣлать замѣчаніе, что онъ соотвѣтствуетъ звуку *s* и *sh* другихъ эскимосскихъ діалектовъ: *в.* *и.* *чабік* (ножь)=*savik* и *šavik*; *в.* чунах, *у.* *и.* чунах (бусы)=*sungaq*; *в.* ўучик (лахтакъ)=*ugšuk* (*Phoca barbata*).

Зубной *н* соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ языковъ: *в.* нынѣхка, *у.* *и.* нынѣака (зять)=*ningauk*; *в.* нахсик, *у.* нуліхка, *и.* нуліака (жена)=*nuliaq*; *у.* ёрныка, ёрнара (сынъ)=*erneq*; *в.* унўах, *у.* унўва, *и.* унўвак (вечеръ)=*unuk*, *unuaq*; *у.* *и.* нунна (земля)=*nuna* и друг. О соотвѣтствіи въ некоторыхъ случаяхъ *и* (вѣроятно изъ *и*) звукамъ *ng* другихъ эскимосскихъ языковъ (напр., пишут—«три»=*pingajoq*) упомянуто выше. Любопытное явленіе представляютъ случаи отпаденія начального *и* въ нарѣчіи вутээнъ: срав. *у.* никхапак (рыболовная сеть) *в.* игыхых; *у..* иэпбук (дождь) *в.* ипих; *у.* наїбак (озеро) *в.* яйбых (гдѣ звуку *и*=*j*), *у.* наскок, *и.* наяхкок (голова) *в.* ачеках; *у.* нујака (волость) *в.* јујех (въ транск. г. Гондатти юхъ). Такое же отпаденіе въ одномъ случаѣ замѣтили мы въ нарѣчіи унынъ: *и.* нынілу (землянки, въ которыхъ прежде жили) *и.* ёнлу. Чѣмъ вызвано отпаденіе *и* въ перечисленныхъ случаяхъ затрудняемся сказать, такъ какъ передъ тѣми же гласными *и* въ другихъ случаяхъ сохраняется равно во всѣхъ анадырскихъ нарѣчіяхъ: срав. *в.* напахак (старая кость кита) *в.* напакак, *и.* напахты; *в.* Нука (имя поселка), *у.* иэбокак, *и.* нубука; *в.* нынах (кость), *у.* нахкуак, *и.* нынѣрат (множ. ч.) и друг. Впрочемъ, если начальный *и* въ транскрипціи г. Гондатти употребленъ по русской графикѣ вместо *ji* (какъ въ нашихъ словахъ: ихъ, ихній), то и въ вутээнскихъ словахъ игыхых, ипих слѣдуетъ видѣть не отпаденіе *и* а переходъ его въ *j*, какъ въ словахъ: яйбых и јујех.

Переходимъ къ губнымъ согласнымъ: п, б, (в) м.

Звукъ п соотвѣтствуетъ звуку п другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *в.* пинїух, *у.* *и.* пинајут (три)=*pingajoq* (три), *pingajuat* (третій); *в.* *у.* паника (дочь), *и.* паніа=*panik*; *в.* аппака, *у.* аппака, *и.* апі (дѣдъ)=*Wn. apang* (отецъ). Но не менѣе обычно соотвѣтствіе анадырскаго п звуку w, въ американскихъ нарѣчій; сравн.: *в.* кáпсих, *у.* капсик, *и.* кáпчик (росомаха)=*Ws kawčak*; *в.* *у.* тапсика, *и.* тапсій (поясь)=*tavsič*.

Звукъ б, насколько можно заключать изъ одиночныхъ примѣровъ, соотвѣтствуетъ звукамъ *b* и *v* другихъ діалектовъ: *в.* каби, *и.* каувіак (дресва)=*Ws. kubuehuk* (firewood); *в.* эбых, *у.* бык, *и.* эбык (трава)=

·ivik; *y.* ахбіндлик, *n.* ахбинілік (шесть) = aghwinnak; *n.* кабігут (брюки) = C. kabloot. Родство другихъ словъ, имеющихъ *n* или *b* нами не установлено, такъ что мы должны ограничиться приведенными примѣрами. Четрдование *n* и *b* отмѣчено нами въ словахъ: *v.* *y.* апсинах (мышь) *n.* абичнарак; *y.* *v.* ублава (мука) *n.* эшлавак. Звукъ ф, повидимому, отсутствует въ консонантизмѣ всѣхъ трехъ анадырскихъ нарѣчий и, судя по одному примѣру, американско-эскимосскому *f* отвѣчаетъ въ анадырскихъ нарѣчияхъ *b*: Срав. arfeq (кить) *v.* ахбых, *y.* ахбок. Только въ нарѣчіи унынъ въ одномъ и притомъ культурномъ словѣ, вѣроятно заимствованномъ, мы нашли въ записи г. Гондатти букву ф: чуфлұак (ружье). Въ другихъ нарѣчияхъ название ружья взято съ чукотского.

Относительно буквы *e*, встрѣчающейся вообще рѣдко въ словахъ, записанныхъ г. Гондатти, можетъ возникнуть сомнѣніе, скрывается ли подъ ней спирантъ *e* или полугласный ў (англ. w) или и тотъ, и другой звукъ въ разныхъ словахъ. Разсмотримъ всѣ слова съ буквой *e*. Между ними, во 1-хъ, намѣчаются во всѣхъ трехъ дialectахъ слова несомнѣнно заимствованныя съ чукотского; таковы: *y.* элтувбка (внукъ), *v.* элтыка, *n.* элтбрака, чукот. элтлұвокай; *v.* вуалкалірғыка (борода), чукот. вуалкалхбрыт; *v.* эчвѣгјах (важенка дикая), чукот. эчвѣгјах (тоже слово въ нарѣчіи *n.*); *v.* тәләнвѣна (пила), *y.* тланвуэнак, чукот. тнәлвынна; *v.* рәлїквка (кольцо), чукот.райткун; *v.* *y.* *n.* вуилїнкакун (благодарю), чукот. вуилїнкакун; *n.* кајетвук (вельботь), чукот. хајетвут¹⁾. Сюда же слѣдуетъ отнести название «табака»: *v.* тавака, *y.* тавака, *n.* тавакэн, вѣроятно полученное отъ американцевъ вмѣсть съ этимъ продуктомъ (англ. tobacco). Во 2-ю группу входятъ слова, повидимому, эскимосскія: *y.* кѣйвук (рѣка) *n.* кўик = kûk LCMWns, *y.* эрнувуафынка (палець), *y.* акбвjak (кожаные торбасы) *v.* акбвка; *y.* тәвомтә нақот (борьба); *y.* камвак (савка); *y.* аттунак увјек (лахтачій ремень); *v.* вутлактах (нитка); *v.* унұвах (вечерь), *y.* унұва, *n.* унұвак (но срав. безъ *v.*: *n.* унұаку = «завтра»); *n.* интлұвак (вчера); *n.* вуттѣт (зубы), но въ *y.* хутынка), въ *v.* кынта = Wa. chutit, шитinka; *n.* антлұвок (большой), срав. другую форму суффикса — ғок въ словѣ *n.* сиitлұбок (толстый), *n.* таватына (довольно). Приведенные примѣры, которыми исчерпываются слова съ *e* въ глоссаріи г. Гондатти, не рѣшаютъ поставленного выше вопроса. Мы видимъ, что *e* всюду предшествуетъ либо гласному (причемъ отличие между *e* и *w* не всегда можно уловить

¹⁾ Можетъ быть, иноzemнымъ слѣдуетъ считать и название «муки», въ виду привоза этого продукта: *v.* *y.* ублава, *n.* эшлавак.

неопытному слуху), либо согласному j. — Въ названіи поселка в. Нуука (сравн. н. Нубукак, у. Нэбокак) вѣроятно б перешло въ ў или в. и затѣмъ выпало, если только транскрипція г. Гондатти точна и имя не звучить какъ Núwka (Нўука).

Звукъ м въ анадырскихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуетъ не только и другихъ эскимосскихъ нарѣчій, какъ видно изъ выше приведенныхъ словъ, но и звуку v (спиранту в): срав.: в. тамлика (подбородокъ), у. тамлұка, н. тамлұ = taydloq LWN; в. кумлика, у. кумлұка, н. кумлұ (большой палецъ) = kuvdloq LCMW. Иарѣдка діалектически м чередуется съ н: у. мыкырж (мальчикъ - подростокъ), в. нукылышах, н. нукашіјараж; в. тумсика у. тунусыка (затылокъ); в. ўмка, у. унахынка, н. уныт (усы); в. алэмајакыка, у. аланкока [м. б. аланкока] (безыменный палецъ); в. сакымка, у. сакымака, н. чайнка [м. б. чаинка] (грудь). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что м предпочтительнее нарѣчіе Вутәэнъ.

Переходимъ къ согласнымъ плавнымъ р, ր и л.

Плавный р соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ нарѣчій: у. әрника, н. эрнара (сынь) = erneq; у. н. эрұхка (нога) = Wn. erukhga, Ws. erukha; н. анұарун (весло) = anguar (pok); у. тай-жирутыт [plur.] (браслетъ) = Wn. taجاجанеге (?); у. н. опырлак (весна) = ipernaq; у. тарjб, н. тарjб (разсоль) = tarajoq.

Другой ր, произносимый, по словамъ г. Гондатти, «съ придаханіемъ», вѣроятно, близокъ къ картавому р, акустически напоминающему звукъ γ (f). Какъ и первый р, онъ соотвѣтствуетъ въ другихъ эскимосскихъ языкахъ звуку, выражаемому буквой г, хотя въ произношеніи обоихъ р и въ другихъ нарѣчіяхъ, вѣроятно, существуетъ различие. Такъ, звукъ анадырского ր передается разными собирателями эскимосскихъ словъ какъ ғ, gh, ch, x, р, ғ. Г. Ринкъ (стр. 42), замѣчая, что ғ произносится какъ глубоко-нѣбный нѣмецкій ch, прибавляетъ неожиданно, что для его выраженія можетъ служить r [r like a deeply palatal german ch; a simple r may also suffice]. Примѣры ր = ғ: у. н. арнák (женщина) = arnaq; у. уjýрахка, н. уjурý (брать младшій) = LCM ujoruk, Ws. ojoaga; в. йрыка (нога) = Wn. erukhga. Въ записяхъ г. Гондатти мы отмѣтили нѣсколько случаевъ діалектическаго чередованія р и ր, которые, если нѣть неточности или описокъ, указываютъ на близость обоихъ звуковъ. Срав.: в. йрыка (нога), у. н. эрұхка; у. сакырака (шуринъ), в. сакырчека, н. сакырака; у. кафұлән (нерпа крѣлагая), н. кайрұләк; н. тантылфә (черный) у. танылрә. — Въ словѣ у. в. тарнáрак (мальчикъ) = Ws. ten-nu-hak, Wa. tanpojak — мы имѣемъ случай ассимиляціи ր передъ н и м. б. соотвѣтствія второго ր звукамъ h и j. Чередованіе р съ j (или неслогомъ)

говимъ і ?) можетъ быть наблюдается въ словахъ: *в.* кўрнах (олень) *у.* койнэк; *в.* кўрах (рѣка) *у.* кэйвук; *в.* корылхій *у.* койлгик (оленний чукча). Близостью ръ къ х и гъ вѣроятно объясняются чередованія: *у.* ујирак (камень) *и.* ужихак (изъ ујигак?)=цјагак (точнѣе цјагак?) LMCWns; *у.* кохлігих (штаны)=qardlik (м. б. qагdlik?); *и.* иғалоک (луна)=Wa. iralliuک; *и.* иғалекатак (звѣзда)=Wa. iralikatoch, eradlekataک.

Звукъ l въ анадырскихъ діалектахъ выражается г. Гондатти передъ согласнымъ постоянно черезъ лъ и въ видѣ . являемся въ его записи только передъ: я, ю, е, ё, и, изъ чего мы заключаемъ что въ нашихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ слышится обще-европейскій l средній между обоими русскими, открытымъ и закрытымъ. Только въ одномъ словѣ у г. Гондатти мы находимъ лъ передъ ы; *в.* канлыра (волкъ) и въ виду того, что въ соответствующемъ словѣ Ws. kanagat* (wolf, Ринкъ стр. 118) нѣть l мы склонны видѣть въ передачѣ вуттэнского слова г. Гондатти нѣкоторую неточность. Анадырскій . (этимъ знакомъ мы выражаемъ обще-европейскій l, такъ какъ устранили въ нашей транскрипції такъ наз. ютированные гласные я, ю) соответствуетъ, съ одной стороны, l другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *и.* нуліака (жена)=nuliaq; *у.* тасліхка, *и.* тахліка (рука)=taleq; *и.* каблут (брови)=С. қablood; *у.* атхілка, *и.* аткылнин (средній палецъ)=Wn. akolinek; *в.* йлхуа (лисица)=Ws. uliguik; *и.* улáхак (песецъ)=ukaleq (заяцъ). Но съ другой стороны, онъ соотвѣтствуетъ какому то особенному l, существующему въ гренландскомъ и нѣкоторыхъ другихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ и выражаемому г. Ринкомъ буквами dl. По его словамъ (стр. 41), dl произносится какъ англ. tl въ словѣ «softly»: «это только болѣе обостренный l послѣ согласного» [is merely an l sharpened after a consonant]. Такое описание акустического свойства звука безъ наблюденія его артикуляціи слишкомъ недостаточно, и мы не можемъ себѣ составить о немъ надлежащаго понятія: можетъ быть, подобный l имѣемъ въ кавказскихъ языкахъ въ звукѣ нѣсколько напоминающемъ tl и представляющемъ цѣльный звукъ, а не группу. Какъ бы ни произносился гренландскій dl можно констатировать фактъ, что въ анадырскихъ нарѣчіяхъ ему соотвѣтствуетъ лъ; срав.: *в.* тамлика (подбородокъ), *у.* тамлúка, *и.* тámly=tavdloq; *в.* кумліка, *у.* кумлúка, *и.* кумлú (большой палецъ)=kuvdloq; *и.* махлак, *и.* маклак (лахтакъ)=magdlaq*; *в.* лу (домъ)=igdlo; *у.* кохлігих (штаны)=qardlik; *у.* и. кахлук (громъ)=kagdleq; *у.* и. талімат (пять)=tadlimat. Можетъ быть, особый лъ подобный гренландскому скрывается въ транскрипції г. Гон-

датти подъ буквами *тл* въ словахъ: *в.* утлинчика (щека)=*uluaq*; *в.* ўтла (языкъ), срав. *у.* улӯка, *и.* улӯ, Ws. *ulu*, *ulji*; *в.* ёкатлих (рыба)=*eqaluk*.

Переходимъ къ звуку *j*, отсутствующему въ транскрипції г. Гондатти. Анадырскій *j* соответствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *в.* *juh* (человѣкъ), *у.* *i. juk*=Wn. *juk*; *у.* *ujúrahka* (брать младшій) *и.* *ujúry*=LCM. *ciogik*; *у.* *ujakók* (шея), *и.* *ujákonka*, *в.* *ujékaka*=M. *ujak*; *у.* *niújaka*, *и.* *niújat* (волосы)=*pijaq*; *у.* *ujírák*, *и.* *ujíhák* (камень)=*ujarak*; *у.* *i. pingájut* (три)=*pingajoq*, *pingajuat*. Предположеніе возможнаго чередованія *j* съ *и* сдѣлано нами выше. Въ иѣуканскихъ словахъ: *ukjúak* (осень) и *ukjumé* (зима) звукъ *j*, повидимому, отвѣчаетъ съ въ нарѣчіи *уныни*: *ukcák* (осень), *ukcúk* (зима); сравн. также *в.* *ípjih* (дождь) съ *у.* *ínpéúk*. Подтвердить это чередованіе можно аналогіей лабрадорскаго діалекта, въ которомъ, по словамъ Ринка (стр. 44) «*j* соответствуетъ не только гренландскому *j*, но и звуку *ss* (т. е. *ии*) нѣсколько смягченному».

Ограничиваю этимъ свои наблюденія надъ отдельными звуками трехъ рассматриваемыхъ эскимосскихъ нарѣчій, скажемъ нѣсколько словъ объ исходахъ и началахъ словъ, насколько они уясняются материалами г. Гондатти. Относительно гренландскаго языка г. Ринкъ замѣчаетъ, что въ немъ не допускается группа согласныхъ ни въ началѣ, ни въ исходѣ слова. Относительно исхода этой законъ вполнѣ прилагается къ словамъ всѣхъ трехъ анадырскихъ нарѣчій: на группу согласныхъ въ исходѣ мы не нашли ни одного примѣра. Что касается начала словъ, то здѣсь мы встрѣтили исключенія, но въ самомъ ничтожномъ числѣ. Считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть всѣ случаи: начальная группа *тл* встрѣтилась въ вуттээнскомъ названіи «землянокъ, въ которыхъ прежде жили», «тлайбыхъ»; если въ этомъ словѣ слогъ *lu*=слову *в.* *lu* (домъ), то въ тѣ можно видѣть какую нибудь приставку, нарушившую законъ; начальная группа *pr* встрѣчается только въ заимствованныхъ названіяхъ *табакерки*: *в.* *проткообсха*, *у.* *прутку*, *и.* *прѣткук*, срав. *чукот.* *проткообсхин*, чѣмъ и объясняется нарушеніе закона; въ начальныхъ *mm* *у.* *mмык* (вода, море), срав. *и.* *иммак*, находимъ собственно не группу изъ двухъ разныхъ согласныхъ, но геминацію *m*, вызванную, повидимому, отпаденіемъ *и*; группа *mn* въ словѣ *мна* (*я*) во фразѣ: *мна тамрнекси*=«я ѿмъ» вѣроятно объясняется выпаденіемъ гласнаго между *m* и *n*: срав. мн. ч. *мыкытା*=«мы»; такое же выпаденіе гласнаго можно предположить въ словахъ *в.*

търыкусák, у. трекусák (зывърь), если сопоставить ихъ съ и. тарык, и вѣроятно въ вутээнскомъ странномъ начальномъ трифтонгѣ (!) слово «трхѣхъ» (песець), если оно передано точно. Наконецъ для объясненія послѣдняго исключенія, отмѣченаго нами, начального *r* въ у. ирлана (быть), гдѣ имѣемъ, цакъ будто, второй случай начального трифтонга, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ: можетъ быть и здѣсь вопросъ разъяснился бы болѣе точной передачей. Впрочемъ, нельзя оставить безъ вниманія тою обстоятельства, что, въ обоихъ случаяхъ, начальныхъ трифтонговъ за первымъ согласнымъ слѣдуетъ плавный *r* (можетъ быть слоговой ?):¹⁾.

Далѣе, въ преинландскомъ, по словамъ Ринна, слово не можетъ начинаться согласными *l*, *r*, *g*, *v*, *гнг* или *вг* (н), всѣ же прочіе согласные и всѣ гласные допускаются въ началѣ слова. Изъ этого закона въ нашихъ нарѣчіяхъ мы находимъ исключенія, но въ ничтожномъ числѣ, именно, есть нѣсколько словъ, начинающихся согласными *л*, *р* и *в*. Разсмотримъ эти случаи. Звукомъ *л* начинаются: *в.* лу (домъ), но форма этого слова въ другихъ нарѣчіяхъ *igdlo* показываетъ, что оно раньше начиналось гласнымъ *i*; на отпаденіе гласнаго въ *в.* словахъ: ланъ (онъ), лакъ (они), повидимому, указываютъ формы этикъ мѣстоименій въ нарѣчіяхъ *у.* и *и.*: элтна, элснит; можетъ быть, отпаденіемъ слога объясняется начальный *л* въ *в.* лох-тыбаахъ (толстый), если это слово родственно съ *у.* сліх-ылрэ и *и.* ситлуг-бк. Этими словами, и притомъ принадлежащими только нарѣчію вутээнъ, ограничиваются случаи начального *л*. Начальный *r* имѣемъ въ нѣкоторыхъ словахъ, заимствованныхъ съ чукотскаго, каковы: *в.* и. раулэн (бѣлка), *у.* раулэн, срав. чукот. ráулэн; *и.* рээтвуаá (ножъ мужской), ср. чукот. рээтуаáл; *у.* рыпа, *и.* рышэ (молотокъ), чук. репэнá; *в.* рэлгыквা (кольцо), чукот. рэлгыквун; *и.* Рамагыла (сидячій чукча), чукот. Рамалган; *у.* Русимаңј, *и.* Рүсигмит (Русскій). Можетъ быть, заимствованное и слово *у.* ратамираќ (ситцевая куклянка). Наконецъ послѣднее извѣстное намъ слово съ начальнымъ *r* название «передовой собаки въ нарѣ» ралиг-гавы въ нарѣчіи нуу坎ъ. Въ виду того, что слова на *r* почти всѣ заимствованныя, можно думать, что такое начало было прежде чуждо анадырскимъ нарѣчіямъ, какъ и американскимъ эскимосскимъ. Для начального *v* имѣемъ только три случая: *в.* вуалкалирїника (борода), срав. чукот. вуалкалхырїйт, *в.* вутлактахъ (нитка) и *в.* вулгыналгы (шкура пыжика голаго), срав. чукот. вулгыналгын, всѣ три только въ нарѣчіи

¹⁾ Въ *у.* сліхылрэ (толстый) начальная группа объясняется позднимъ выпаденіемъ гласнаго послѣ *s*; срав. и. ситлугбк.

вутээнъ и въ заимствованныхъ словахъ. Итакъ обще-эскимосскій законъ начала словъ быть обязательенъ и для анадырскихъ нарѣчій. Что касается исхода словъ, то, кроме гласныхъ, въ немъ допускаются, по словамъ Ринка, только глухіе согласные q, k, r и t (стр. 43). Въ подавляющемся большинствѣ словъ находимъ тоже и въ анадырскихъ нарѣчіяхъ, но существуютъ и исключенія: такъ, мы выше видѣли, что въ нарѣчіи *в.* нерѣдко является конечный *x*, вместо *k* другихъ нарѣчій, которымъ также въ отдельныхъ случаяхъ не чуждъ исходъ на *x*: напр. *y. lâxlâk* (гусь-назарка), *и. lâkłak* [нѣть ли тутъ описки или ослышки у г. Гондатти?]; *y. akótaх* (весло рулевое) *в.* akótaх [въ *y.* мы ожидали бы akotak]; *y. iijúajkotah* (весло носовое), *y. anjávauх* (вельботъ); *y. an-sináх* (мыши), *в.* aissináх [въ *y.* ожидали бы aissinak]. Эти примѣры уныцкаго конечнаго *x* представляются намъ сомнительными. Въ нарѣчіи *и.* имѣемъ конечный *x* только въ заимствованномъ съ чукотскаго слова эчвѣѓах (важенка дикая)=чук. эчвѣѓах. Затѣмъ встрѣчается, хотя не часто, исходъ на носовые *m* и *n*. Исходъ на *r* встрѣтился намъ только въ *и.* iilir (островъ), заимствованномъ съ чукотскаго «илár»; исходъ на *t* въ *и.* jakýrag (аутка), гдѣ можно подозрѣвать описку изъ г. Такимъ образомъ и законъ исхода словъ, если не вполнѣ, то большей частью выдержанъ въ анадырскихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ.

Мы уже сказали выше, что для заключеній о мормологіи материаловъ г. Гондатти почти не даютъ данныхъ. Отмѣтимъ то немногое, чѣмъ можно воспользоваться. Признакомъ множ. ч., по Ринку (стр. 50), служить согласный *t*. Тотъ же суффиксъ, для точнаго опредѣленія котораго у насъ нѣть данныхъ, является повидимому въ анадырскихъ нарѣчіяхъ: напр., *и.* kablútъ (брови)=C. kabloot (brows); *и.* vut  t   (зубы), *в.* ky  ta=Wa. chut  t; *и.* nyn  t   (кости)=Ws. pinoet (bones); *y.* kum  gt   (оведь оленій) ср. *и.* kum  k   (един. ч. ?); *и.* un  t   (усы), *y.* Anj  xp  g  t   (американецъ) ср. *в.* Anj  xp  g  t   (един. ч. ?) и друг.

Личныя мѣстоименія 1-го лица значительно расходятся въ трехъ нарѣчіяхъ: *в.* мна (я), *y.* xuan  , *и.* u   (м. б. uji ?); изъ этихъ формъ вторую (*y.* xuan  ) не трудно сблизить съ гренланд. uvanga. Во множ. числѣ въ этихъ формахъ является, повидимому, суфф. *t* съ какими то добавленіями: *в.* myk  ta (мы), *y.* xuankut  , *и.* uankuta. Мѣст. 2-го лица почти тождественно во всѣхъ анадырскихъ дialectахъ, *в.* эл  p   (ты), *y.* эл  p  k  , *и.* эл  p  k   (въ гренландск. ivdlit); множ. образуется суффиксомъ—*ci*: *в.* *y.* *и.* эл  pis   (вы). Для 3-го лица служить указат. мѣ-

стоименіе: *в.* ланá (онъ), *у.* н. эйтнá; причемъ во множ. въ нарѣчіяхъ *у.* и *н.* находимъ обычный суф. т: *у.* н. эйснйт (они), въ нарѣчіи же *в.* какой то другой суффиксъ: *в.* лакé (они).

Что касается спряженія, то въ таблицѣ г. Ринка (стр. 54) для 1-го лица ед. ч. изъявительного наклоненія показанъ исходъ — *inga*, которому, можетъ быть, соотвѣтствуетъ — ана (изъ *на*) въ нарѣчіи *у.*: хуанá ирлáна (я ъмъ); исходъ этого лица въ обоихъ другихъ нарѣчіяхъ не представляеть ничего сходнаго. Исходу — *ugut* для 1-го л. мн. ч. соотвѣтствуетъ въ нарѣчіи *у.* — укат, въ *н.* — укут. Гренландскому исходу 2-го л. ед. ч. изъяв накл.— *utit*, можетъ быть, отвѣчаетъ въ *в.* — ыты (или — тыты?). Исходъ того же лица во мн. ч. въ трехъ нарѣчіяхъ почти тожественъ: *в.* *у.* — ыси, *н.* — иси: въ гренл.— *use*. Исходу 3 л. ед. ч. — оо соотвѣтствуютъ: *в.* — ых, *у.* — ук, *н.* — ок; исходу множ. ч. 3 л. гренланд.— *ut* отвѣчаютъ: *у.* — ут, *н.* — ут; въ нарѣчіи *в.* совершенно другой исходъ.

Вообще изъ немногихъ морфологическихъ данныхъ можно сдѣлать заключеніе, что нарѣчіе вутээнъ значительно расходится съ обоими другими, которыхъ довольно близки между собою.

Переходимъ къ вопросу о взаимномъ отношеніи анадырскихъ эскимосскихъ нарѣчій.

Просматривая списокъ словъ г. Гондатти, мы немедленно убѣждаемся, что въ словарномъ отношеніи нарѣчія *у.* и *н.* ближе между собою, чѣмъ оба они съ нарѣчіемъ *в.* Около 40 словъ въ обоихъ нарѣчіяхъ тожественны¹⁾; а въ значительномъ числѣ случаевъ разлиchie между ними только въ удареніи. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ: *у.* саккáка *н.* саккáка (тесть), *у.* кахкáка, *н.* кахкакá (макушка), *у.* наноќ, *н.* наноќ (блѣлый медвѣдь), *у.* ахбок, *н.* ахбок (китъ), *у.* лахлáх, *н.* лаклак (гусь-назарка), *у.* ánjak, *н.* анјак (байдара), *у.* хóхкак, *н.* хохкák (свинецъ), *у.* чабýк, *н.* чабик (ножъ), *у.* чунак, *н.* чунак (бусы), *у.* сикок, *н.* сикок (игла), *у.* кэйпак, *н.* кэйпак (нитка), *у.* тыкак, *н.* тыкак (наперстокъ), *у.* амэк, *н.* амэк (шкура старого оленя), *у.* анóка

¹⁾ Сравн. въ таблицахъ г. Гондатти слова: человѣкъ, женщина, мужъ, дѣвочка, мальчикъ, племянникъ, зять, молоко, нога, ность, олень, быкъ дикий, важенка, собака, нерпа-мандрарка, рыба, горбуша, морская капуста, дрова, лахтачья кожа, громъ, калъ, огонь, корень, ночь, жупанъ, весна, Ратманова остр., Лаврентія остр., хорошо, ты, онъ, вы, они, одинъ, два, три, пять.

и. аңокоб (вътеръ), у нунна, и. нүнна (земля) и друг. Въ большинствѣ случаевъ, какъ будто, и. предпочитаетъ удареніе на конечномъ слогѣ. Затѣмъ въ значительномъ числѣ случаевъ (до 30) однозначащія слова нарѣчій *у.* и *и.* родственны между собою по корню и по звуковому составу ближе между собой, чѣмъ со словами нарѣчія *в.* Но при этихъ чертахъ специального родства нельзя не напомнить и нѣкоторыхъ фонетическихъ отличій обоихъ нарѣчій. Ограничимся лишь наиболѣе выдающимися, отмѣченными нами выше: а) случаи, гдѣ унѣйскому съответствуетъ въ нарѣчіи *и.* звукъ *х*, иногда исчезающій: срав. *у.* таслиха *и.* тахлика; *у.* каслика *и.* калик; б) случаи, гдѣ унѣйскому *и* соответствуетъ въ нуукамскѣхъ *э*: *у.* умѣлик (начальникъ), *и.* умѣлэк; *у.* кик *и.* кѣк (лѣто); *у.* илўлика, *и.* илўлэк (куклянка нижняя); *у.* унахсик, *и.* унахсѣк (наносный лѣсь); в) случаи, гдѣ въ *у.* является съ въ соответствіемъ съ нуукамскимъ *и*: *у.* асѣга *и.* ачика (тетка), *у.* сакимака *и.* чайнка (грудь), *у.* сѣмна *и.* чѣмнак (быкъ домашній), *у.* коимыси *и.* хулумчи (котель), *у.* стамат, *и.* читамат (четыре) и друг. Въ словообразованіи отмѣтимъ, что въ нѣсколькихъ случаяхъ въ нарѣчіи *у.* находимъ суффиксъ-ка, отсутствующій въ *и.*: *у.* аппака *и.* апій (дѣдъ), *и.* аттака *и.* атті (отецъ), *у.* улўка, *и.* улў (языкъ), *у.* тамлўка *и.* тамлў (подбородокъ), *у.* тўска *и.* тўје (плечо), *у.* кумлўка *и.* кумлў (большой палецъ) и друг.

Что касается нарѣчія Вутзэнъ, то въ лексическомъ отношеніи оно, повидимому, ближе къ нарѣчію Унѣйнъ, чѣмъ къ нарѣчію Нууканъ. Мы нашли болѣе сходство нарѣчія *в.* съ *у.* въ слишкомъ 30 словахъ¹⁾, между тѣмъ, какъ съ нарѣчіемъ *и.* оно сближается только въ 5—6 словахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя равно заимствованы съ чукотскаго. На нѣкоторыя специальные фонетическія особенности вутзенскаго нарѣчія (напр. *х* вместо *к*) было указано выше. Во всякомъ случаѣ *в.*, *у* и *и.* не могутъ считаться только говорами одного нарѣчія. Это—говоры, уже настолько разошедшіеся въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношеніи, что къ нимъ можетъ быть примѣненъ терминъ нарѣчій или діалектовъ одного языка. Если мы примемъ во вниманіе, что число словъ, записанныхъ г. Гондатти (кромѣ числительныхъ)

¹⁾ Срав. въ таблицахъ г. Гондатти слова: старикъ, ребенокъ, дѣдушка, бабушка, мать, дочь, грудь, груди женскія, брови, щека, звѣрь, дикий баранъ, мышь, штица, весло носовое, пароходъ, пологъ, аутка, морковая кожа, штаны олены, кожаные торбасы, олены торбасы, мука, спички, чай, вода, волна, мысь, островъ, озеро, нѣть, американецъ.

не превышает 360, что слова эти наибольше употребительны бытовыи и что во множествѣ случаевъ корневого родства слова трехъ нарѣчій значительно различаются въ суффиксахъ, что, наконецъ, есть немало однозначащихъ словъ неродственныхъ другъ другу во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ, то убѣдимся въ правдивости утвержденія г. Гондатти, что вутзенцы не понимаютъ нарѣчія унынцевъ, а послѣдніе нууканцевъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о замѣтномъ вліяніи чукотскаго языка на анадырскія эскимосскія нарѣчія. Вліяніе это объясняется численнымъ преобладаніемъ чукчей надъ эскимосами въ Анадырскомъ округѣ и, повидимому, большей культурностью первыхъ. Мы привели выше показанія г. Гондатти, что для взаимныхъ сношеній анадырскіе эскимосы разныхъ поселковъ пользуются чукотскимъ языкамъ. Немудрено, что при такихъ условіяхъ могли войти въ оборотъ эскимосовъ чукотекія слова и даже цѣлые фразы изъ повседневныхъ сношений. Такъ, напримѣръ, во всѣ эскимосскія нарѣчія вошли чукотскія общія обращенія: «прощай», «благодарю»: ч. «тағамъ» и «вүилійнакунъ». Общихъ всѣмъ тремъ нарѣчіямъ чукотскихъ словъ, по нашему счету, оказывается 16. Интересно, что, кроме названий нѣкоторыхъ культурныхъ предметовъ, каковы: молотокъ, о столъ, гребень, трубка, табакерка, сахаръ, табакъ, и нѣкоторыхъ названий животныхъ (олень - быкъ домашній, бѣлка, куница, рѣчной бобръ), эскимосы заимствовали у чукчей даже нѣкоторыя названія родства, каковы: в ну къ (ч. элтлувокай, в. элтыка, у. элтувока, и. элторака), свояки (ч. та-кальин, в. такайын, и. таакайыка). Большее число чукотскихъ заимствованныхъ словъ находимъ въ нарѣчіи вутзенцевъ (по нашему счету 37) наименьшее число въ нарѣчіи унынцевъ (21). Число чукотскихъ словъ въ трехъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ доходитъ до 60.

Резюмируя выводы по главнымъ вопросамъ, разсмотрѣннымъ нами въ изслѣдованіи, можемъ выставить слѣдующія положенія:

1. Эскимосскія нарѣчія Анадырского округа представляютъ специальное родство съ эскимосскими нарѣчіями западной Америки (Аляски).
2. Говоры Бутзенъ, Унынъ и Нууканъ настолько различаются

другъ отъ друга въ фонетическомъ, морфологическомъ и лекси-
ческомъ отношеніи, что могутъ быть названы нарѣчіями.

3. Изъ этихъ нарѣчій Унынское и Нуукансое болѣе близки между
собой, чѣмъ каждое изъ нихъ съ нарѣчіемъ Вутзэнскимъ.
4. Въ лексическомъ отношеніи на всѣ три нарѣчія (особенно на
нарѣчіе в.) оказалъ значительное вліяніе чукотскій языкъ.

Всев. Миллеръ.

Гунгербургъ.
25 июня 1897 года.

Отчетъ члена-сотрудника С. Рыбакова о поѣздаѣ къ кирги- замъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Геогра- фического Общества.

Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ.

По порученію Императорскаго Географического общества, я весною 1896 года отправился въ киргизскую степь съ цѣлью собиранія памятниковъ поэтическаго и музыкального творчества киргизъ. Въ началѣ мая я пріѣхалъ въ Оренбургъ. Я былъ на рубежѣ Европы и Азіи, и самая физіономія города говорила, что здѣсь встрѣчаются два міра.

I. Предварительная впечатлѣнія.

Прежде, чѣмъ пріѣхать въ Оренбургъ, мнѣ пришлось побывать на сѣверѣ Россіи — въ г. Вологдѣ. Изъ этого края путешественникъ выноситъ цѣльное впечатлѣніе: коренная, старинная Русь царить всюду, ничѣмъ не нарушаемая; постройки однообразныя, деревянныя, какъ издавна по всей Руси; среди нихъ церкви и церкви разнообразной, нерѣдко красивой архитектуры, — ничего другого, никакихъ постороннихъ чужихъ впечатлѣній... Деревянная и святая Русь господствуетъ здѣсь безраздѣльно.

Иной рядъ впечатлѣній сообщаетъ путешественнику г. Оренбургъ. Отъ желѣзнодорожного вокзала шоссированная дорога проводить въ улицы города, и путникъ встрѣчается здѣсь новые каменные дома, сады направо и налево, широкія улицы, усаженные аллеями. Впечатлѣніе новаго города, по своему происхожденію относящагося къ недалекой эпохѣ, — путникъ получаетъ тотчасъ же: одни казенные огромныя зданія, напр., пятиэтажные кадетскіе корпуса, предназначенные для военныхъ воспитанниковъ всей средней Азіи, говорять о современной почти эпохѣ.

О господствующей христіанской націи свидѣтельствуютъ церкви,

но не столь уже многочисленныя и не такія древнія, какъ напр., въ Вологдѣ, почему съ ними не связано почти никакихъ преданій.

Но что сообщаетъ особенную характерность городу, вносить совершенно новый, оригинальный тонъ въ сумму впечатлѣній отъ него, — это стройно высящіеся башни или минареты мечетей съ гордо поднятой луной.

Когда дорога отъ вокзала, проходя мимо расположенныхъ направо и нальво тѣнистыхъ садовъ — Каравань-Сарая, душистаго парка, губернаторскаго сада, приближается къ новому красивому православному собору, взоръ невольно приковывается неожиданнымъ зрѣлищемъ: нальво отъ дороги гордо и изящно возвышается надъ садами тонкая бѣлоснѣжная колона минарета Каравансарайской мечети, — лучшей въ городѣ, и однимъ своеобразнымъ видомъ своимъ открываетъ передъ свѣжими чувствами цѣлый новый міръ, міръ мусульманской Азіи, которая отсюда начинается, — міръ полный особаго содержанія, настроенія, грезъ и поэзіи. Этотъ изящный, своею луною теряющійся въ небесахъ минаретъ, какъ бы исполненъ меланхолической мечты или думы, въ которой сквозить скорбь о настоящемъ и надежда на будущее.

Черезъ нѣсколько саженей далѣе передъ взорами раскрывается покойный, величавый, превосходной архитектуры, православный соборъ, — представитель другого міра, съ которымъ столь непримиримъ и отъ котораго такъ сильно отличенъ міръ мусульманства.

Населеніе города не менѣе смѣшанно; здѣсь встречаются и русскіе и татары и башкиры и киргизы и мордва и пр.

Здѣсь, на Оренбургской площади, путникъ воочію видить встрѣчу двухъ мировъ — міра Европы, христіанства и міра азіатскаго ислама, — и это совпадаетъ и съ географическимъ сосѣдствомъ Европы и Азіи: городъ лежитъ на правой сторонѣ р. Урала, а тотчасъ за рѣкой, на лѣвой сторонѣ, географически уже начинается Азія.

Запасшись необходимыми справками въ Оренбургѣ въ Тургайскомъ Областномъ Правленіи, я въ сопровожденіи переводчика-ученика Оренбургской киргизской учительской школы (Юсупова) въ 20-хъ числахъ мая выѣхалъ въ Тургайскую и Уральскую Области къ киргизамъ.

Киргизскій народъ занимаетъ громадную территорію Азіатскаго материка приблизительно между 55° и 40° сѣв. широты и 20° и 56° восточной долготы, которая составляетъ такъ называемую Арало-каспійскую впадину, известную у Персовъ подъ названіемъ Турана.

Границами этой территоріи можно принять: на сѣверѣ — часть Алтайскихъ горъ, рѣку Иртышъ приблизительно до Омска, отсюда

линию до р. Тобола (при Звѣринооловской станицѣ Оренб. губ.), на западѣ — Тоболь, рѣки Уй и Уралъ въ Оренб. губ. почти до Оренбурга (до Нѣжинскаго поселка въ 18 в. отъ Оренбурга), отсюда граница переходитъ р. Уралъ и идеть по рѣчкамъ Бердянкѣ, Куралы, Илеку до устья послѣдняго и затѣмъ опять по р. Уралу до Каспійскаго моря; на югѣ съ киргизами граничатъ Аральское море, земли Туркменъ, Хивинцевъ, Бухара, Кокань, на востокѣ — Китайскія владѣнія. На югѣ и юго-востокѣ Киргизскія земли обрамляютъ слѣдующіе горные хребты: Алтайскія горы, хребты Нарымскій, Таргоботайскій, горы Ала-Тау, хребты Тянь-Шань, Кашгаръ-Даванъ и къ сѣверу отъ р. Сыръ-Дарьи — хребты Карагатау и Александровскій.

Вся Киргизская территорія въ административномъ отношеніи входитъ въ составъ слѣдующихъ областей: Уральской, Тургайской, Сыръ-Дарьинской, Ферганской, Семирѣчинской, Акмолинской и Семипалатинской.

Тургайская и Уральская области въ частности занимаютъ площади — первая въ 400,830 кв. верстъ, съ населеніемъ въ 386,300 душъ; вторая въ 460,000 кв. верстъ, съ населеніемъ до 500,000 душъ. Тургайская область почти исключительно населена киргизами-кочевниками, осѣдлыхъ русскихъ числится только 29,502 души. Въ Уральской области кромѣ киргизъ живутъ русские крестьяне и казаки.

Киргизы называютъ себя: «казакъ» и это очень странно слышать русскому человѣку, привыкшему думать, что название казаки существуетъ только у русскихъ, тогда какъ цѣлое огромное племя съ поконь вѣка называетъ себя этимъ именемъ и мы, русскіе, неправильно называемъ ихъ киргизы, взявъ это имя отъ одного племени, составляющаго лишь часть киргизскаго народа, живущаго близъ Алтайскихъ горъ у Китайской границы и называемаго Кара-Киргизы или Буруты.

Мой путь среди киргизъ имѣлъ слѣдующее направленіе: изъ Оренбурга я выѣхалъ на Илецкую Западу, знаменитую соляными копями, отправился на юго-востокѣ въ гор. Актюбинскъ Тургайской области; проживъ, нѣсколько дней въ этомъ послѣднемъ, я направился на югъ въ г. Темиръ, Уральской области, известный обширной ярмаркой для киргизъ. Изъ Темира я побѣжалъ на востокѣ къ Мугоджарскимъ горамъ, считающимся продолженіемъ Уральскаго хребта въ Азіатскихъ степяхъ. Начиная отъ Темира я уже простился съ дорогами иѣхалъ прямо степью, пролагая свой путь; приблизительно верстъ 150 пришлосьѣхать до Мугоджарскихъ горъ, путешествовать въ нихъ въ разныхъ направленіяхъ, и затѣмъ продолжать путь изъ Мугоджаръ па сѣверо-востокѣ все тѣмъ же полемъ безъ дорогъ по направленію къ селенію Карабутакъ, лежащему

на почтовомъ трактѣ къ Ташкенту. Такъ какъ въ этихъ мѣстахъ обыкновенно никто не проѣзжаетъ, то въ направленіи пути пришлось быть въ зависимости отъ киргизъ, которые изъ своихъ соображеній удлиняли путь и вмѣсто 80—100 верстъ отъ Мугоджаръ къ Карабутаку провезли меня верстъ 150.

Изъ Карабутака я ъѣздила въ разныхъ направленіяхъ по киргизскимъ кочевкамъ на рѣкѣ Иргизѣ и соленыхъ озерахъ.

По возвращеніи въ Карабутакъ направился по тракту къ Актюбинску и останавливался въ разныхъ аулахъ въ сторонѣ отъ дороги.

Провелъ вторично нѣсколько дней въ этомъ городѣ, затѣмъ на обратномъ пути къ Илецкой Защите останавливался какъ вдоль тракта, такъ и въ сторонѣ. Между прочимъ, въ окрестностяхъ Илецкой Защиты знакомился съ бытомъ киргизъ, находящихся уже подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, что выражается въ хорошемъ знаніи русского языка, появлениіи въ домашнемъ обиходѣ вещей русского издѣлія, напр., вилокъ, тарелокъ, знаніи русскихъ пѣсенъ и мелодій, употребленіи некиргизскихъ музыкальныхъ инструментовъ: гитары, скрипки, гармоніи и т. п.

Въ Оренбургъ возвратился отъ села Григорьевки русскими хуторами и нѣмецкими колоніями.

II. Русская власть въ степи.

Когда я весною выѣзжалъ изъ Оренбурга въ киргизскія степи, я думалъ, что въ ихъ необъятномъ просторѣ затеряется вскорѣ вліяніе русской власти и я останусь вѣнѣя покровительства, а знайное степное солнце испечетъ меня.

Но я ошибалася.

На всемъ пространствѣ степей, даже въ самыхъ глухихъ закоулкахъ, не переставало ощущаться присутствіе власти, крѣпкой, сильной и правильной административной организаціи; области раздѣлены на уѣзды, а уѣзды на волости; высшіе представители власти въ степи — уѣздные начальники — генераль-губернаторы въ миніатурѣ и облечены большими полномочіями: они и уѣздные исправники и головы, и завѣдуютъ хозяйственою частью и имѣютъ право ареста до 7 дней.

Уѣздный начальникъ для киргизъ — власть, съ которой шутить нельзя и къ которой они относятся съ почтеніемъ; въ волостяхъ существуютъ должности волостного управителя и при немъ волостного писаря, въ аулахъ — аульные старшины; должности волостного управителя (бо-

лы съ, какъ произносятъ киргизы) и аульныхъ старшинъ занимаютъ киргизы по выборамъ; волостными писарями бывають обыкновенно русскіе, при чмъ въ Тургайской области въ волостяхъ ближе къ центру управлениі—Оренбургъ и вообще въ тѣхъ, въ которыхъ русское населеніе значительно, — волостные писаря назначаются самыми волостными управляющими; въ далекихъ же горныхъ волостяхъ въ Иргизскомъ и Тургайскомъ уѣздахъ волостные писаря назначаются и получають жалованіе отъ казны и имѣютъ полномочія и даже нѣкоторое политическое значеніе: въ этихъ, совершенно лишенныхъ русскаго населенія волостяхъ съ дикимъ, незнающимъ удержу населеніемъ, волостные писаря представляютъ единственную русскую власть; безъ нихъ русское влияніе совершенно замерло бы въ такихъ далекихъ и дикихъ мѣстахъ степи. Но, конечно, въ такихъ глухихъ мѣстахъ не безъ того, что писаря злоупотребляютъ своимъ влияніемъ и эксплоатируютъ населеніе.

Съ водвореніемъ русской власти послѣдовало умиротвореніе киргизской степи, въ которой волненіе не прекращались въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія со времени принятія киргизами русскаго подданства.

Въ 1732 г. киргизы такъ называемой Малой Орды, по почину ихъ хана Абуль-Хаира, а вслѣдъ за ними въ 1740 г. киргизы Средней Орды приняли русское подданство. Это принятіе было въ сущности дѣломъ расчёта Абуль-Хаира: такимъ путемъ онъ надѣялся упрочить ханское достоинство въ своемъ родѣ на вѣчное время; и действительно, русскіе въ теченіе цѣлаго столѣтія выбирали хановъ изъ рода Абуль-Хаира, поступая въ этомъ случаѣ вопреки народнымъ обычаямъ. Ханы и ихъ органы—султаны были очень непопулярны среди народа за поборы и злоупотребленіе властью.

Особенно усиливалось неудовольствіе въ народѣ на правителей съ тѣхъ поръ, какъ въ 1824 году ханское достоинство среди Оренбургскихъ киргизъ было уничтожено; степь была раздѣлена на три части; управлениіе каждой частью было ввѣreno особому старшему султану, иначе султану-правителю. Султанамъ дана неограниченная власть и право наказывать подвѣдомственныхъ имъ киргизовъ за грабежи на линіи, для чего каждому изъ пихъ былъ приданъ отрядъ въ 200 казаковъ. Этотъ отрядъ далъ возможность султанамъ только преслѣдовать своихъ личныхъ враговъ, нисколько не обезпечивая нашихъ границъ и не водворяя спокойствія въ степи (Л. Костенко. Средня Азія. Спб. 1870, стр. 111).

Султаны па глазахъ народа становились все болѣе непопулярными и не имѣли никакого авторитета, возбуждая лишь смуты своимъ корыстолюбиемъ и честолюбиемъ; противоположность между султанами и на-

родомъ сказалась и въ томъ, что все населеніе дѣлилось у нихъ на два разряда: на бѣлую кость, къ которой принадлежали ханы и султаны, и черную кость—простой народъ. Лишь немногіе выдающіеся и радѣвшіе о народныхъ интересахъ султаны благодарно вспоминались народной памятью; одинъ за другимъ возникали бунты и появлялись мятежники, напр., въ 1837 г. султанъ Каипъ, къ которому вскорѣ присоединились два батыря: Исетай и Джуламанъ со своими шайками, въ 1838 г. и далѣе въ 40-хъ годахъ султанъ Касымъ и особенно сынъ его Кенесары.

Неспокойствіе въ степи продолжалось до времени введенія въ дѣйствіе «Временнаго положенія объ управлѣніи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» 1866 г., когда управление степью перешло непосредственно въ русскія руки, и ненавистное для народа правленіе султановъ было отмѣнено.

Съ 70-хъ годовъ въ степи водворилось полное спокойствіе, послѣ того, какъ киргизы увидѣли, что русскіе внесли лучшее управлѣніе, порядокъ, прекратили взаимныя распри ихъ изъ-за честолюбія правителей, положили конецъ поборамъ властей и обеспечили для каждого спокойное существованіе,—словомъ, проявили тѣ качества, благодаря которымъ они въ связи со своею военною силою пользуются такимъ престижемъ во всей средней Азіи.

Поэтому-то къ каждому русскому въ степи киргизы чувствуютъ осо-бое почтеніе какъ представителю высшаго, лучшаго порядка вещей, а если проѣзжающій заручится предписаніемъ отъ уѣзднаго начальника, то можетъ расчитывать прямо на почетный и широкій приемъ; предписаніе или открытый листъ отъ губернатора менѣе дѣйствительны: лимѣть открытые листы и отъ Императорскаго Географическаго Общества изъ Петербурга и отъ Тургайскаго губернатора, но они не производили такого дѣйствія, какъ предписанія уѣздныхъ начальниковъ, близкой и осязательной для киргизъ власти.

Такимъ образомъ крѣпкая русская власть уже водворилась среди кочевниковъ.

III. Характеръ степи лѣтомъ 1896 года.

Отправляясь въ степь, я съ нѣкоторою опасливостью относился къ лѣтнему степному солнцу, наслышавшись и пачитавшись о его знойности.

Но исключительное лѣто 1896 года, изобильное дождями спасало

меня отъ знойности южнаго солнца, а богатый травяной покровъ, во-преки обыкновеню все почти лѣто державшійся на поляхъ, сообщаль степи оживленіе и избавлялъ путешественника отъ тѣхъ унылыхъ и тяжелыхъ впечатлѣній, какія выносятся изъ степи въ сухія, знойныя лѣта, когда всякая травяная растительность выгораетъ, земля чернѣеть, и остается лишь высокій жесткій ковыль, а раскаленное солнце немилосердно палитъ, и негдѣ скрыться отъ него и нечѣмъ умѣрить его огненное дыханіе.

Благодаря многоснѣжной зимѣ и обильнымъ дождямъ на рѣкахъ было большое половодье, и во второй еще половинѣ мая я переправлялся на паромѣ черезъ рѣку Илекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно переѣзжаютъ бродомъ. Изъ Оренбурга я выѣхалъ въ почтовомъ экипажѣ и сдѣлалъ ошибку, какъ послѣ увидѣлъ, что не запасся собственнымъ экипажемъ. Покаѣхалъ я по почтовымъ трактамъ (до гор. Актюбинска, Тургайской обл. и гор. Темира Уральской обл.), на которыхъ установлены станціи съ 3-мя парами лошадей, однимъ тарапантсомъ и одной телѣгой, я еще кое-какъ могъ получать экипажъ, да и то не всегда: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ моимъ прїездомъ проходила почта и увозила тарапастъ, такъ что или приходилосьѣхать въ телѣгѣ или дожидаться возвращенія экипажа. Но когда отъ города Темира я взялъ направление на востокъ къ Мугоджарскимъ горамъ и приходилосьѣхать прямо полемъ, гдѣ не предстояло встрѣтить никакихъ станцій, мнѣ посовѣтовали въ городѣ непремѣнно пріобрѣсти экипажъ. Съ трудомъ розыскалъ я и купилъ послѣдній у одного Оренбургскаго татарина, прѣхавшаго въ гор. Темиръ на ярмарку, запасся и своею упряжью и не сожалѣлъ: въ южныхъ волостяхъ Тургайской и Уральской областей киргизы до сихъ поръ не усвоили никакого способа передвиженія, какъ только верхомъ, и ни экипажей, ни упряжи, ни обѣзжаныхъ лошадей тамъ и въ поминъ нѣть.

Въ первое время, когда я ѿхалъ оть Оренбурга въ открытыхъ почтовыхъ экипажахъ, я чувствовалъ удручающее вліяніе степного солнца: лицо сильно краснѣло, кожа трескалась, чувствовалось общее ослабленіе организма и тяжесть въ головѣ; безъ покрытія головы и лица чѣмъ нибудь бѣлымъ нельзя было и думать ѿхать: солнце начинало къ полуночи прямо жечь.

Но когда я продолжалъ путешествіе въ собственномъ крытомъ экипажѣ, тогда условія путешествія перемѣнились: бѣлый парусинный верхъ своеобразнаго татарскаго экипажа и въ самый полдень обезпечивалъ тѣнь и укрывалъ отъ солнца, не лишая благъ вѣтерка; впр-

чемъ и самое солнце истекшаго лѣта 1896 года не было такъ жгуче, какъ обыкновенно, и перепадавшіе дожди смѣняли полдневную духоту живительной прохладой, при чемъ какъ-то случалось такъ, что дожди чаще всего бывали по сторонамъ нашего пути, и намъ представлялись случаи любоваться живописными картинами степного неба во время дождя: большія дождевыя облака то направо, то налево, то впереди ходятъ по простору степного неба, во всей своей цѣлости раскрытаго для взора, и оживаютъ и точно разукрашиваются при близаніи молний и раскатахъ грома. А дождь полосами такъ и льетъ по сторонамъ.

IV. Станціи — кибитки.

Что прежде всего бросается въ глаза юдущему изъ Оренбурга, когда онъ оставляетъ предѣлы Оренбургской губерніи около Илецкой Защиты и вступаетъ въ настоящія земли киргизъ, — это своеобразныя станціи на трактахъ — тѣ же киргизскія кибитки, отличающіяся лишь тѣмъ, что внутри ихъ ставятся стулья и столы для проѣзжающихъ. Кромѣ станціонной кибитки и развѣ еще навѣса для лошадей и экипажей на такихъ станціяхъ ничего нѣть, и онъ одиноко стоять въ степи. Тракты и станціи учреждены стараніями, конечно, русской администраціи. Дороги въ степи прекрасныя, ровныя, конечно, не оттого, что ихъ устраиваютъ, а оттого, что поверхность ровная и грунтъ твердый.

Проѣздъ въ киргизскихъ областяхъ дешевый — $1\frac{1}{2}$ коп. съ версты и лошади, что особенно замѣтно по сравненію съ сосѣдней Оренбургской губерніи, где берутъ по 4 коп. съ версты. Это на томъ основаніи, что въ киргизскихъ степяхъ прокормъ лошадей дешевый, тогда какъ въ сосѣднихъ русскихъ губерніяхъ кормъ, напр., овесь дорогой; но говорятъ, что это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и въ Оренбургской губерніи могли бы возить дешевле.

Илецкая Защита (въ 60 в. отъ Оренбурга) — послѣдняя русская станція; слѣдующая станція по тракту въ гор. Актюбинскъ въ 21 верстѣ — Кызыль-Жаръ (Красный Яръ) уже киргизская и представляетъ одну, двѣ кибитки въ степи. Такимъ образомъ станціи первыя знакомятъ путешественника съ обычнымъ жилищемъ киргиза — кибиткой, которую они называютъ "уй" (домъ) и которая не разъ была описана другими путешественниками. Скажу только, что кибитка, тоже, что у башкиръ кошъ, представляетъ легкую куполообразную (уык-куполь) по-

стройку изъ деревянныхъ рѣшетокъ (керегѣ), покрытыхъ войлокомъ или кошмами (туырлыхъ), съ одною дверью (есык) изъ войлока и наверху съ отверстиемъ (шанграк-кругъ на верху); противъ двери находятся сундуки (сандык) съ имуществомъ, а около нихъ почетныя мѣста для гостей на разосланныхъ коврахъ (клем); по сторонамъ отъ входа — всячаго рода утварь, между прочимъ, принадлежности для приготовленія кумыса, а также кровати; послѣднія распространены почти повсемѣстно въ степи. Между тѣмъ А. Левшинъ, напечатавшій въ 1832 г. «Описаніе киргизъ — казачихъ ордъ и степей» въ трехъ частяхъ, описывая кибитку, о кроватяхъ не упоминаетъ, а говоритъ только: «На полу (разумѣется земляномъ), устланномъ коврами, или войлоками, стоять большія чапи, котлы, деревянныя изголовья, на которыхъ кладутъ подушки, и особаго рода ящики (съ разными украшеніями), въ коихъ держать мѣшки, наполненные кумысомъ». (Часть 3-я, стр. 21).

Такимъ образомъ до 30-хъ годовъ кроватей у киргизъ не было, а существовали только изголовья, слѣдовательно, распространеніе кроватей у киргизъ надо отнести ко времени послѣ 30-хъ годовъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ русскихъ. Также къ нововведеніямъ послѣдняго времени относится появленіе даже швейныхъ машинъ въ киргизскихъ кибиткахъ, но правда, только въ волостяхъ, недалекихъ отъ Оренбурга и другихъ русскихъ городовъ.

Киргизская кибитка — это подобіе той же степи и небеснаго купола, высящагося надъ ней; такое сравненіе само собою напрашивается и особенно рѣзко бросилось оно мнѣ въ глаза, когда я при первыхъ знакомствахъ съ киргизской жизнью вышелъ однажды ночью изъ кибитки наружу и взглянулъ на блиставшее звѣздами небо и ровную какъ полъ кибитки темную степь, надъ которой возвышался такой величавый куполъ, какъ небесный сводъ; кибитка — подобіе вселенной, какъ она раскрывается въ степи, и можетъ быть кочевники создали ее, подражая мірозданію, которое постоянно было передъ ихъ глазами.

Подобіе увеличивается, когда въ старой кибиткѣ дырявая крыша ея блещетъ звѣздами, и когда дождь идетъ и внутри самой кибитки, какъ это пришлось мнѣ испытать на одной станціи ночью.

V. Киргизскія орды и роды.

Мое путешествіе имѣло мѣсто въ земляхъ такъ наз. бывшихъ Малой и Средней киргизскихъ ордъ. Дѣло въ томъ, что киргизы раздѣлялись до водворенія русскихъ порядковъ на три орды: Большую,

Среднюю и Малую; первая занимала восточное положение и граничала съ Китаемъ, Коканомъ, Ташкентомъ и Бухарою; Средняя орда размѣщала свои кочевья оть Аральского моря на сѣверъ къ рѣкамъ Ишиму и Тоболу; Малая орда занимала земли между Мугоджарскими горами, Каспійскимъ моремъ, рѣкою Ураломъ и Оренбургомъ. Будучи ближе, чѣмъ другія орды, къ русскимъ, она больше всего имѣла сношенія съ послѣдними и подвергалась ихъ вліянію, особенно въ новѣйшее время.

Орды киргизскія раздѣлялись на роды, и родовое начало у киргизъ очень сильно до настоящаго времени: хотя русское правительство старается ослабить его, но и теперь еще случаются большія волненія, ссоры между родами; даже изъ-за частныхъ ссоръ цѣлые роды считаются своею обязанностью вступиться за своего обиженнаго или замѣшаннаго въ ссорѣ сочлена и устраиваютъ иногда цѣлымъ сраженія, при чѣмъ бываетъ много убитыхъ.

Киргизъ — вольный сынъ степей и до сихъ поръ не знаетъ еще удержу своимъ порывамъ особенно въ волостяхъ, далекихъ отъ русской власти. Киргизъ во всемъ обязанъ степи, ею живеть и движется, поэтому не знаетъ и не хочетъ знать другой зависимости.

VI. Скотоводство.

Главный источникъ существованія для него — скотоводство, которое существуетъ впрочемъ почти безъ всякихъ заботъ со стороны киргиза; скотъ самъ множится, самъ питаетъ себя не только лѣтомъ, но и зимою, самъ оберегаетъ себя, на сколько можетъ, отъ лютости выногъ, все даетъ киргизу и ничего не требуетъ отъ него.

Въ стадахъ все богатство киргиза, поэтому весь строй его жизни приноровленъ къ условіямъ существованія скота; между прочимъ послѣдній долженъ пастись, переходить съ мяста на място, отъ этого-то киргизъ создалъ себѣ такое легкое удобопереносимое жилище, какъ кибитка.

Для поддержанія благосостоянія необходимо, чтобы киргизъ могъ пользоваться приплодомъ, какъ процентами съ основного капитала, если же онъ начнетъ расходовать самыя стада, основной капиталъ, онъ быстро будетъ бѣднѣть, скотъ скоро исчезнетъ, и киргизу останется ити въ вѣчную кабалу къ какому нибудь богачу.

Такъ какъ киргизъ не заботится о скотѣ, то у послѣдняго является много враговъ, которые могли бы быть менѣе страшны, если бы че-

ловѣкъ прилагалъ какое нибудь стараніе объ источникѣ своего существованія.

Однимъ изъ самыхъ страшныхъ враговъ скотоводства среди киргизъ являются суровыя зимы и мятели или бураны.

Такъ какъ климатъ въ киргизскихъ степяхъ континентальный, то при нестерпимомъ зноѣ лѣтомъ, особенно въ горныхъ частяхъ, зимы бываютъ нерѣдко суровы, многоснѣжны и бураны.

Всѣ пастбища покрываются твердымъ глубокимъ снѣгомъ, который плотно придавливаетъ къ землѣ обледенѣлые травы и такимъ образомъ лишаетъ скотъ возможности «тебеневать». Въ поясненіе этого слова надо сказать, что скотъ самъ добываетъ себѣ пищу зимою, выбивая копытомъ изъ-подъ снѣга траву. Пастба скота на снѣжныхъ поляхъ и называется тебеневкой.

Напрасно лошади, разгребая снѣгъ, стучать копытами, — ледяной покровъ не поддается,... говорить г. Полферовъ въ книжѣ «Земледѣліе въ Тургайской области». Погибы скота въ это время достигаютъ иногда ужасающихъ размѣровъ. Такъ по отчету Тургайского военного Губернатора, въ зиму 1870—1880 гг. въ тургайскихъ степяхъ отъ гололедицы, бурановъ и глубокихъ снѣговъ погибло 1.528,679 головъ разнаго скота изъ общаго количества 3,652,737, т. е. почти 50%.

Лишь въ послѣднее время стараніями Тургайского областного правленія въ области стали производиться обязательныя заготовки сѣна, и положеніе скотоводства теперь болѣе обеспечено; вмѣстѣ съ тѣмъ для скота начали дѣлать изгороди и прикрытия отъ бурановъ. Надо сказать, что до настоящаго столѣтія киргизы даже для себя не устраивали зимовокъ и землянокъ, въ которыхъ они живутъ теперь зимою, а круглый годъ кочевали все въ тѣхъ же легкихъ и доступныхъ для бурановъ кибиткахъ, и зимою лишь прикрывали ихъ двойнымъ рядомъ войлока и засыпали снѣгомъ; но случалось, что порывы бурана сносили кибитку съ мѣста, и все населеніе ея съ малыми ребятами оставалось въ открытой степи на произволъ жестокаго вѣтра.

Кибитка вообще не выносить сильнаго вѣтра, и мнѣ лѣтомъ приходилось видѣть тревогу киргизъ, когда надвигались огромныя грозовыя тучи и налетали предвестники бури: киргизы въ торопяхъ бѣгали вокругъ кибитокъ и прикрепляли ихъ веревками къ запаснымъ коламъ вокругъ.

Стада для киргизъ такимъ образомъ въ смыслѣ заботъ обходятся почти ни во что, и въ степи говорятъ, что одинаково стоитъ содержать одну лошадь или цѣлый табунъ, т. е. ничего не стоитъ, пока

разольная степь одинаково въ состояніи обеспечить и одну лошадь и цѣлые табуны.

Киргизы содержать и разводятъ слѣдующихъ животныхъ: лошадей, крупный рогатый скотъ, верблюдовъ, овецъ и козъ. Лошадь и верблюдъ оказываются наиболѣе услугъ киргизу, они доставляютъ ему главныя перевозочныя средства; лошади неважной породы, но выносливы. Порода не улучшается оттого, что киргизы слишкомъ рано, на 3-мъ году, начинаютъ ими пользоваться, ъздить верхомъ, возить тяжести.

Лошадь по уму ставится обыкновенно выше, чѣмъ верблюдъ, по-сльднее животное считается глупымъ увальнемъ. Но если лошадь умнѣе, то верблюдъ безспорно способнѣе: въ тѣхъ случаяхъ, когда лошадь выбѣется изъ силъ, отказывается служить, верблюдъ преспокойно продолжаетъ работу или везетъ на себѣ и въ телѣгѣ огромныя тяжести какъ ни въ чемъ не бывало, и такъ послушно, спокойно идетъ себѣ по степи часто безводной, гордо и высоко неся свою голову и посматривая по сторонамъ взоромъ, исполненнымъ нѣкоторой трагичности. Собственно особенной глупости верблюдъ не обнаруживаетъ, и только то, что онъ вообще порядочный увалень, хотя въ экстренныхъ случаяхъ можетъ бѣжать и очень быстро, и что онъ такъ вседѣло предаляетъ себя къ услугамъ человѣка и такъ послушно исполняетъ всѣ его требованія, что онъ менѣе опрятенъ и благообразенъ, чѣмъ лошадь, — эти обстоятельства, вѣроятно и составили ему репутацію болѣе глупаго животнаго сравнительно съ лошадью. Между тѣмъ верблюдъ въ степи незамѣнимый спутникъ человѣка.

О скотоводствѣ въ Тургайской области составлена цѣлая обстоятельная книга г. А. И. Добромусловымъ и издана въ Оренбургѣ Тургайскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1895 г.

Такъ киргизъ главныя средства существованія получаетъ отъ скота, но нисколько не трудясь для этого, а все получая даромъ, живеть жизнью праздной.

VII. Земледѣліе.

Другой источникъ существованія у киргизъ — это земледѣліе, но имъ занимается лишь нѣкоторая часть киргизскаго племени преимущественно въ сѣверныхъ волостяхъ Тургайской и другихъ областей, тамъ, где оказывается плодородная земля.

Въ Пріаральскихъ и Прикаспійскихъ пескахъ едва ли когда будуть

заниматься киргизы земледѣліемъ, и кочевой образъ жизни надолго останется для нихъ единствено подходящимъ образомъ жизни. Но вообще говоря, киргизы, какъ это ни будетъ неожиданно, можетъ быть, для многихъ, не смотря на то, что кочевники, уже давно занимаются земледѣліемъ и обнаруживаютъ къ этому занятію большія склонности.

Возникновеніе земледѣлія среди киргизъ Тургайской области имѣть двоякій источникъ: земледѣліе появилось, во-первыхъ, подъ вліяніемъ, русскихъ, во-вторыхъ, но собственному почину киргизъ тамъ, где о русскомъ вліяніи не могло быть и рѣчи.

Подъ русскими вліяніями, со времени водворенія въ тургайскихъ степяхъ русскихъ поселенцевъ, земледѣльческая дѣятельность между кочевниками стала замѣтно развиваться въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ области—Актюбинскомъ и Кустанайскомъ, где мѣстныя условія ей благопріятствовали.

Тургайская область 50-ю параллелью дѣлится на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части—на сѣверную съ двумя уѣздами—Актюбинскимъ и Кустанайскимъ, и южную — съ уѣздами Тургайскимъ и Иргизскимъ.

Сѣверная часть области, благодаря отрогамъ Урала, носящимъ здѣсь название Мугоджарскихъ и Губерлинскихъ горъ, представляется возвышенной, съ большимъ числомъ рѣчекъ и озеръ, берега которыхъ покрыты тальникомъ или камышемъ. Общий видъ ея не такъ однообразенъ, какъ въ другихъ мѣстахъ средне-азіатскихъ степей: почва состоитъ преимущественно изъ глины и песку, покрытыхъ пластомъ чернозема, который ближе къ Оренбургской губ., составляющей сѣверо-западную границу области, дѣлается толще, и по мѣрѣ приближенія къ югу совсѣмъ исчезаетъ.

Съ 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, т. е. со времени появленія русскихъ поселенцевъ, и начинается собственно развитіе въ степи земледѣльческой промышленности. Русскіе скоро разсѣялись по ауламъ и, выбирая болѣе удобныя для земледѣлія мѣста, стали производить усиленные распашки земель, вызывая подражаніе со стороны киргизъ. И киргизы съ такимъ усердіемъ занялись новой промышленностью, что являются теперь даже болѣе значительными землепашцами по количеству засѣваемой земли, чѣмъ русскіе.

Изъ всеподданнѣйшаго отчета Тургайского губернатора за 1894 г. можно видѣть, что въ этомъ году собрано хлѣба на пашняхъ русскихъ 2.258,241 пудъ, а на киргизскихъ пашняхъ 6.051,363 пуда, т. е. почти въ три раза болѣе, хотя это не говорить еще объ обеспеченіи хлѣбомъ всего киргизскаго населенія, такъ какъ на одну русскую семью прихо-

дится пудовъ собранного хлѣба 383, а на кибитку киргизскую 86,1 пуда, тѣмъ не менѣе въ Кустанайскомъ, по крайней мѣрѣ, уѣздѣ самые крупные земледѣльцы-киргизы, и лучшею пшеницею считается киргизская. Въ интересахъ истины надо сказать, что киргизы не самостоятельно обрабатываютъ пашни, а съ помощью все тѣхъ же русскихъ поселенцевъ, которые изъ-за нужды идутъ къ нимъ часто въ работники или обрабатываютъ землю изъ-полу, при чёмъ зерно обыкновенно киргизское, а трудъ—русскій. Надобно къ этому добавить, что сильно эксплоатируютъ киргизы-богачи нужду и бѣдность русскихъ поселенцевъ.

Въ южной части области земледѣліе, напротивъ, возникло самосто-ятельно, по почину киргизъ.

По этому поводу рассказываютъ трогательную исторію, какъ одинъ киргизъ по имени Сейть-Кулъ претерпѣлъ большія страданія изъ-за идеи водворить земледѣліе среди соплеменниковъ (см. статью Сейдалина 2-го въ «Запискахъ Оренбургскаго Отдѣла Императ. Географ. Общ.», 1870 г.).

Киргизъ Сейть-Кулъ изъ Кипчагскаго рода, жившій отъ 1770 г. по 1830 г. былъ настоящимъ пionеромъ хлѣбопашества между киргизами въ бассейнѣ рѣки Тургая. По преданію онъ отличался умомъ и предпріимчивостью и съ дѣтства поражалъ своею изобрѣтательностью. Онъ не мирился съ зависимостью своего племени отъ чужеземнаго народа и за-дался мыслью сдѣлать свой народъ независимымъ. Когда онъ искалъ въ глубинѣ Азіи свободныхъ мѣсть для своего народа, онъ былъ пораженъ благосостояніемъ осѣдлыхъ жителей посѣщенныхъ имъ странъ благодаря занятію главнымъ образомъ земледѣліемъ, которое онъ и рѣшилъ ввести среди своихъ соплеменниковъ. Первые опыты увѣнчались успѣхомъ. Сейть-Кулъ основалъ нѣчто въ родѣ земледѣльческой колоніи и бодро отстаивалъ ее отъ нападенія кочевниковъ, занимавшихся взаимнымъ грабежемъ. Число его послѣдователей увеличивалось, а чтобы положить прочное основаніе осѣдлости, въ которой Сейть-Кулъ видѣлъ залогъ благополучія для киргизъ, онъ задумалъ устроить поселеніе въ видѣ торгового рынка для сбыта продуктовъ земледѣлія. Но преждевременная смерть помѣшала ему исполнить этотъ планъ. Сейть-Кулъ былъ убитъ мятежниками во время намаза, молитвы. Онъ могъ избѣжать опасности, но не хотѣлъ нарушить молитву, считая такой поступокъ малодушнымъ. Вотъ какой замѣчательный человѣкъ, носитель культуры появлялся среди киргизъ.

Его послѣдователи мысль о поселеніи оставили, но земледѣліемъ продолжали заниматься, и оно не прекращается въ бассейнѣ р. Тургая и до настоящаго времени, хотя, по первобытности своей и ограниченности мѣстностей удобныхъ для хлѣбопашества, нуждается во многихъ улуч-

шенияхъ. Но бесспорно, оно возникло и существует въ всякихъ русскихъ вліяній.

О земледѣліи у киргизъ упоминаетъ и Левшинъ въ соч. «Описаніе киргизь-кайсацкихъ ордъ и степей. Спб. 1832. (Ч. 3-я, стр. 199), не отмѣтая при этомъ никакихъ русскихъ вліяній. Хотя онъ говоритъ, что хлѣбопашествомъ занимается весьма малая часть сего народа, но вмѣстѣ прибавляетъ, что въ Большой ордѣ земледѣльцевъ много, особенно въ той ея части, которая кочуетъ около Ташкента и Туркестана.

VIII. Къ вопросу о русскихъ вліяніяхъ въ земледѣліи киргизъ.

Тотъ же авторъ приводить другое свидѣтельство, что въ XVIII стол. у киргизъ было земледѣліе,—свидѣтельство, устанавливающее уже русское вліяніе. Онъ сообщаетъ, что около 1764 г. «Султанъ (впослѣдствіи ханъ) Средней киргизской орды Аблай просилъ правительство русское о присылкѣ къ нему 10 человѣкъ хлѣбопашцевъ, которые бы могли выучить земледѣлію его киргизовъ. Екатерина повелѣла сию просьбу исполнить, взявъ однакожъ отъ Аблая надежныхъ аманатовъ, которые бы могли обеспечивать свободу посланныхъ къ нему Россіянъ» (Тамъ же часть 2-я, стр. 243).

Такимъ образомъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ киргизскихъ степей земледѣліе развивалось подъ вліяніемъ средне-азіатскихъ народовъ: сарговъ, таджиковъ, хивинцевъ и др. и съ точки зрѣнія русскихъ имѣло самостоятельное происхожденіе, въ съверныхъ уѣздахъ получило толчекъ и жизненную силу подъ русскими вліяніями.

Для тѣхъ, кто склонны отрицать положительное значеніе русскихъ вліяній въ этихъ мѣстностяхъ и признавать за киргизскимъ земледѣліемъ лишь естственно-историческое, органическое развитіе, можно привести рядъ фактовъ, которые значительно ослабляютъ правдоподобность этой точки зрѣнія.

Въ съверныхъ уѣздахъ Түргайской области еще недавно, 25 или 30 лѣтъ тому назадъ, киргизы не знали никакихъ сельско-хозяйственныхъ работъ; но въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія появились первые русские поселенцы въ Кустанайскомъ уѣздѣ Түргайской области, и съ этимъ временемъ совпадаетъ начало земледѣлія у киргизъ; если указываютъ на то, что киргизское земледѣліе развивается преимущественно въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ нѣть русскихъ поселенцевъ, то это не отрицаетъ вліянія русскихъ переселенцевъ, потому что все это совершается

въ одной и той же мѣстности; нѣкоторые утверждаютъ, что русскіе переселенцы не могли оказывать положительного влиянія на земледѣліе киргизъ, потому что вносили только хищнические пріемы обработки земли, беспорядочно засѣвали участки земли тамъ и сямъ, не заботились объ удобреніи ихъ, истощали въ конецъ и затѣмъ бросали и такимъ образомъ дѣлали безплодными болыпія площиади земли; эти же пріемы обработки усваивались будто бы и киргизами; но и это обстоятельство не имѣеть убѣдительной силы по занимающему насъ вопросу: ведя хищническое хозяйство, переселенцы во всякомъ случаѣ приносили съ собой знаніе лучшихъ пріемовъ и способовъ обработки земли, которые отсутствовали у киргизъ; затѣмъ хищничество въ земледѣльческомъ хозяйствѣ нельзя ставить всецѣло въ вину переселенцамъ,— оно въ значительной степени обусловливается характеромъ края, столь изобилующаго хорошими свободными землями, такъ что каждый могъ пахать, гдѣ и сколько хотѣлъ: какая надобность переселенцамъ удобрять землю, когда она и безъ того хорошо родитъ и когда всякой участокъ земли можно замѣнять другимъ, свѣжимъ? Хищническими инстинктами въ хозяйствѣ увлекаются здѣсь не только русскіе крестьяне, но и прославленные культуртргеры-нѣмцы: мнѣ известны около нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ Оренбургской губ. займы нѣмцевъ-докторовъ, которые, засѣвая 200 и болѣе десятинъ, и не думали заниматься удобрениемъ земли, а лѣтъ черезъ 4 — 5 мѣняли займы на новые; также нѣмцы-колонисты вблизи Оренбурга и Тургайской области, переселившіеся туда изъ Херсонской губ. и купившіе большое число десятинъ земли въ собственность, говорили мнѣ (лѣтомъ 1896 г.), что не удобряютъ земли, хотя она ихъ собственная: зачѣмъ-де удобрять землю, когда она и такъ родить, да и нѣть возможности удобрять ее при большомъ числѣ засѣваемыхъ десятинъ.

Такимъ образомъ обвиненіе русскихъ поселенцевъ въ хищничествѣ при воздѣлываніи степей Тургайской области въ значительной степени ослабляется, и самое хищничество несомнѣнно исчезнетъ, когда будетъ осуществлено въ этомъ краѣ надлежащее поземельное устройство, тѣмъ болѣе, что хищнические инстинкты не коренятся въ самой природѣ русскихъ переселенцевъ, а вызываются условіями страны.

Подъемъ киргизского земледѣлія объясняютъ вліяніемъ голодныхъ годовъ — такъ наз. куянжиловъ, повторяющихся каждые 11 — 12 лѣтъ; по общимъ наблюденіямъ (между прочимъ, по свидѣтельству Тургайского военного губернатора въ «Обзорѣ за 1882 г.») земледѣліе стало развиваться быстрыми шагами со времени гибельныхъ для

киргизского скотоводства 1879 и 1880 г.; на этомъ основаніи нѣкоторые прямо признаютъ, что только куянжиль 1879—1880 г. вліяль на развитіе земледѣлія у киргизъ независимо оть русскихъ вліяній, но забываютъ при этомъ, что куянжилы были постоянно и прежде, но до появленія въ краѣ русскихъ земледѣльцевъ не содѣствовали возникновенію и усиленію киргизского земледѣлія; прежде эти куянжилы не убѣждали киргизъ въ шаткости благосостоянія, основанаго па скотоводствѣ, но именно примѣръ русскихъ поселенцевъ могъ показать обѣднѣвшимъ послѣ голоднаго года киргизамъ, что и при ничтожномъ количествѣ скота, съ двумя-тремя лошадьми или быками можно еще существовать, если обратиться къ земледѣлію; напротивъ, оставаясь съ такимъ числомъ скота при скотоводческомъ образѣ жизни, приходилось пересходить въ разрядъ бѣдняковъ — байгушей или джатаковъ. Куянжиль 1879—80 гг., мнѣ кажется, могъ явиться побужденіемъ къ занятію земледѣліемъ только въ связи съ примѣромъ земледѣльческаго образа жизни русскихъ поселенцевъ.

Русское вліяніе связывается также въ томъ обстоятельствѣ, что, какъ удостовѣряетъ Военный Губернаторъ Түргайской области (Обзоръ за 1885 г), киргизы Илецкаго (Актюбинскаго) уѣзда избыточнѣ хлѣба, особенно проса, доставляютъ на продажу въ Оренбургъ и приливейные селенія». Земледѣліе у киргизъ этого сосѣднаго съ Оренбургомъ уѣзда, далеко превышая личную потребность киргизъ въ хлѣбѣ, развилось благодаря близости такого крупнаго мѣста сбыта, какъ Оренбургъ. Вообще замѣчено, что земледѣліе стоитъ на болѣшей высотѣ у киргизъ тѣхъ волостей, которыясосѣдятъ съ русскими волостями, напр., по западной границѣ Кустанайскаго уѣзда, прилегающей къ Казачьимъ землямъ Оренбургской губ.

Вліянія русскихъ поселенцевъ нельзя не признать и въ томъ, что киргизы почти повсемѣстно пашутъ уже не старыми киргизскими плугами (ти съ), а тѣми же сабанами, какими пашеть окрестное русское населеніе, хотя при этомъ нельзя забывать, что много содѣствовала распространенію среди киргизъ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій сама областная администрація, которая въ 1890 г. пріобрѣла на остатки отъ земскаго сбора сѣнокосилку для ознакомленія киргизъ съ этого рода машинами; этотъ опытъ имѣлъ блестящій успѣхъ: уже въ началѣ 1893 г. у киргизъ Буртинской волости (близъ Оренбурга) было до 30 собственныхъ сѣнокосилокъ; кроме того 28 сѣнокосилокъ приходилось на другія волости Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ; въ томъ же году Областное Правленіе пріобрѣло для

раздачи киргизамъ еще 43 сънокосилки на средства Особаго Комитета.

Киргизы привыкаютъ постепенно приготовлять землю къ посѣву съ осени; начали съять высокіе сорта хлѣба, напр., полтавскую пшеницу, тогда какъ раньше они съяли только просо; качество и наливъ киргизской пшеницы улучшился замѣтно со времени переселенія въ область русскихъ, которые принесли съ собою лучшіе сорта хлѣбовъ—полтавскую пшеницу, кубанку; богатые киргизы ежотно покупаютъ разнаго рода сельско-хозяйственныя машины: плуги, молотилки и т. п.

Этихъ и подобныхъ данныхъ, которые можно найти въ «Обзорахъ» Тургайской области (прилож. ко Всеподданн. отчетамъ Тург. военн. Губернатора за разные годы), — достаточно, мнѣ кажется, для того, чтобы признать, что возникновеніе и развитіе киргизскаго земледѣлія въ сѣверныхъ уѣздахъ Тургайской области происходило подъ непосредственнымъ воздействиѳмъ русскихъ и въ томъ числѣ переселенцевъ, а теорію естественно-исторического, органическаго развитія земледѣлія у киргизъ можно повидимому, безъ ущерба замѣнить теоріей вліяній—среднеазіатскихъ въ южныхъ частяхъ киргизской степи и — русскихъ въ сѣверныхъ.

IX. Перерожденіе кочеваго быта подъ вліяніемъ земледѣлія.

Развитіе земледѣлія у киргизъ явно влечетъ за собою значительныя измѣненія въ формахъ ихъ быта: по мѣрѣ усиленія земледѣльческихъ занятій сокращаются кочевые навыки и обыкновенія.

Увеличеніе площади посѣвовъ неизбѣжно стѣсняетъ свободу скотоводства и устанавливаетъ известныя границы для пастбищъ. Скотъ, бывшій прежде безъ призора, поручается теперь пастухамъ.

Наличность пашни или сънокосныхъ угодій, находящихся болѣею частію около зимовочныхъ стойбищъ (кстау), волей-неволей привязываетъ киргиза къ данному мѣсту и не позволяетъ ему совершать дальнія перекочевки: въ іюль — августъ ему надо снимать посѣвъ, а если онъ откочуетъ на дальнее разстояніе, то онъ не успѣетъ вернуться къ житію.

Постепенно увеличивающаяся прикрепленность къ опредѣленному мѣсту выдвигаетъ вопросъ о землепользованіи и установленіи границъ владѣнія землею,—явленіе, относящееся уже къ области земледѣльческаго быта, которое сопровождается нерѣдко тяжбами, драками и ссо-

рами между владельцами и посторонними киргизами; раньше была въ обычай даровая паства скота на чужихъ земляхъ, а въ настоящее время происходят изъ-за этого постоянныя недоразумѣнія, особенно въ неурожайные годы, и ведуть къ внимательству администраціи (Добромысловъ. Скотоводство въ Тургайской области Оренб. 1895 г. стр. 20).

Съ развитиемъ земледѣлія кочевки теряютъ свой первоначальный характеръ, и киргизы-земледѣльцы уже не кочуютъ далѣе 40—50 верстъ отъ своихъ кстау (зимовокъ). Въ Иргизскомъ, напр., уѣздѣ сами киргизы отрещиваются отъ названія кочевниковъ и не разъ говорили мнѣ, что кочевники — это тѣ, которые прикочевываютъ въ ихъ мѣста верстъ изъ-за 500—600 изъ Сырь-Дарынскай области, Хивы и пр., а они-де сами—осѣдлые, дальше 10—15 верстъ не уходятъ отъ своихъ зимовокъ.

Это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло вліяніе на сокращеніе численности скота у киргизъ: прежнихъ обширныхъ паствищъ уже не могло быть при наличности пашень и невозможности откочевывать далеко отъ зимовокъ, поневолѣ приходится сокращать скотъ и вмѣстѣ въ большей степени заботиться о его пропитаніи, чѣмъ раньше, когда онъ самъ кормился на просторѣ зимнихъ полей, выкапывалъ изъ-подъ спѣгу траву, «тебеневаль»; эти заботы о пропитаніи повели къ развитію сѣнокошенія, которое появилось у киргизъ въ значительныхъ размѣрахъ недавно, — около 15—20 лѣтъ тому назадъ, и очень привилось у нихъ, какъ я выше упоминалъ объ этомъ. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться сѣнокошеніе, тѣмъ большие будутъ возможности киргизу держать скотъ зимою около своихъ жилищъ и тѣмъ сильнѣе станетъ сокращаться значеніе тебеневокъ.

Такимъ образомъ киргизы постепенно осѣдаютъ и прикрепляются къ землѣ, и этотъ процессъ совершается тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе занимаются земледѣліемъ киргизы.

Въ настоящее время киргизы являются и земледѣльцами, и скотоводами, но съ теченіемъ времени земледѣльческій элементъ въ ихъ бытѣ несомнѣнно получить перевѣсь.

Киргизы обнаруживаютъ явную способность къ земледѣлію, и во всякомъ случаѣ гораздо большую склонность, чѣмъ, напр., башкиры, которые жили дольше и въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ русскими, но до сихъ поръ почти не занимаются земледѣліемъ.

При наличии этой склонности они могутъ менѣе болѣзnenno перейти въ послѣдствіи отъ кочеваго быта къ осѣdlому и цѣликомъ усвоить себѣ земледѣльческую культуру. Что киргизы могутъ быть хорошими земле-

дѣльцами, это показываетъ опытъ нашихъ миссій, при которыхъ крещеніе киргизы съ успѣхомъ занимаются земледѣлемъ.

Извѣстный путешественникъ г. Носиловъ, лѣтомъ 1895 г. бывшій въ киргизской степи (въ Акмолинской области) и написавшій въ «Новомъ Времени» № 7163 статью «Киргизская сельско-хозяйственная школа изъ поѣздки на Алтай», высказываетъ мысль, что уже наступила пора, когда киргизу приходится оставлять кочевой образъ жизни и приспособляться къ осѣdlому подъ вліяніемъ главнымъ образомъ переселенческаго движенія русскихъ на востокъ; онъ говорить: «Киргизъ все больше и больше съ приходомъ сюда русскихъ выбивается изъ скотоводства въ бѣдняки, все больше и больше нуждается въ осѣдлости, чтобы пропитать себя коровой, полемъ, огородомъ. Онъ массой идетъ въ работники; онъ цѣлыми зимовками живетъ около каждого казачьяго поселка, дожидаясь работы; у него нѣтъ ни земли, ни стада, никакихъ средствъ къ жизни; онъ составляетъ жалкій опасный пролета-риатъ, рядомъ съ богатствомъ русскаго поселенца».

Г. Носиловъ слишкомъ обобщаетъ это явленіе, и для Тургайской области по крайней мѣрѣ не наступило еще изображаемой имъ поры: русскіе поселенцы заняли только сѣверныя сравнительно небольшія пло-щади области; не киргизы находятся у нихъ въ кабалѣ, а они скорѣе, они именно живутъ около аула и ждутъ отъ киргиза работы; затѣмъ въ южныя волости Тургайской и Прикаспійскіе пески Уральской облас-ти, русскій поселенецъ, вѣроятно, вовсе не пойдетъ, между тѣмъ кир-гизы огромными массами могутъ по прежнему спокойно кочевать въ необъятныхъ пескахъ, уже давно приспособившись жить въ нихъ.

Но вообще говоря, Тургайская и Уральская области способны къ земледѣльческой культурѣ въ большей степени, по некоторымъ при-знакамъ, чѣмъ это думаютъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей.

X. Торговля.

Торговля среди киргизъ пока не имѣеть значительныхъ размѣровъ и сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ татаръ, которые въ безчисленномъ количествѣ распространяются въ степи въ качествѣ мел-кихъ кочующихъ торговцевъ. Разѣзжая въ своеобразныхъ экипажахъ— они занимаются попутно и магометанской пропагандой. Татары извѣстны у киргизъ подъ именемъ Ногай и не пользуются особеннымъ расположениемъ за частые обманы и надувательства покупщиковъ.

Торговля въ степи бываетъ трехъ родовъ: постоянная въ городахъ и осѣдлыхъ пунктахъ; временная, по преимуществу мѣновая, въ киргизскихъ аулахъ и периодическая или ярмарочная.

Мѣновая торговля въ мѣстахъ расположения ауловъ производится отчасти бухарскими евреями и главнымъ образомъ мелкими торговцами изъ татаръ Оренбургскихъ, Уфимскихъ и Казанскихъ.

По словамъ г. военного губернатора Тургайской области во все-подданѣйшемъ отчетѣ за 1894 г., торгующіе со степью торговцы при-возятъ въ степь различные русскіе и азіатскіе товары низкаго качества, какъ-то: халаты, азіатскія матеріи, сущеные фрукты и ягоды, дрянной чай, сахаръ, ситецъ, различныя желѣзныя и чугунныя издѣлія и другое предметы киргизской потребности.

Основанія подобной торговли заключается въ промѣнѣ русскихъ и азіатскихъ товаровъ по дорогой цѣнѣ на обезцѣненный киргизскій товаръ — скотъ, продукты скотоводства и киргизскія издѣлія съ кредитомъ на различные сроки.

Имѣя въ виду съ одной стороны простоту и довѣрчивость кирги-зовъ, а съ другой — алчность пристрастныхъ въ дѣлѣ наживы торговцевъ, становится понятнымъ: сколь выгодна подобная торговля для послѣднихъ и сколь убыточна и даже раззорительна она для первыхъ» (стр. 27).

Таковъ официальный отзывъ о торговцахъ татарахъ.

Мошенническими продѣлками они отличаются на каждомъ шагу, и мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ трусили татары, когда я, напр., указывалъ имъ, что они вѣшаютъ товары на безмѣнахъ, употребленіе которыхъ въ степи запрещено податными инспекторами, — и какъ просили не выдавать ихъ; или встрѣтившись однажды съ такими кочую-щими торговцами, я захотѣлъ сфотографировать видъ на ихъ походную телѣгу — лавку и пока занимался этимъ, татары, по словамъ моего спутника, дрожали и не смѣли тронуться съ мѣста: причиной этого было то, что они приняли меня за ветеринарного врача, а на ихъ лавкѣ снаружи были развѣшаны сырья кожи, что строго запрещается санитарными правилами; они вообразили, что я остановился, чтобы оштрафовать ихъ, а когда этого не оказалось, они съ нескрываемою радостью простились со мною, выражая горячія пожеланія благополучнаго пути, и поспѣшно поѣхали дальше.

Въ предѣлахъ посѣщеныхъ мною областей существуетъ нѣсколько ярмарокъ мѣстнаго значенія, но одна ярмарка, въ г. Темирѣ Уральской области, по своимъ оборотамъ, доходящимъ до одного миллиона рублей, заслуживаетъ болѣе общаго вниманія.

Она ведеть свое происхождение съ 1879 г. и возникла на мѣстѣ торга или базара, образовавшагося само собою, вслѣдствіе потребности киргизъ въ русскихъ товарахъ.

Ярмарка находится за чертой города и производить крайне оригинальное впечатлѣніе. Новый посѣтитель невольно останавливается передъ обширностью ея дворовъ и своеобразiemъ лавокъ, представляющiхъ тѣ-же куполообразныя киргизскія кибитки; число лавочныхъ помѣщепій доходитъ до 325.

Ярмарка имѣеть чисто-восточную физіономію, и если бы не русскій флагъ и не русскія главныя власти, почти ничто не говорило бы о русскомъ элементѣ.

Лавки-кибитки тянутся по четыремъ сторонамъ площадей, а по линіи нальво отъ главнаго входа пріотились харчевни, въ которыхъ киргизы — посѣтители находять пищу и даже ночлегъ, и вечеромъ, когда лавки закрыты и ярмарочная площади пустѣютъ, харчевни принимаютъ оживленный своеобразный видъ, и въ нихъ только сосредоточивается въ это время жизнь ярмарки: среди наступившей кругомъ пустынности изъ оконъ харчевенъ привѣтливо свѣтить огонь, а внутри кипятъ готовые самовары, предлагаются кумысъ, кушанья и особенно пельмени; киргизы кучками отъ 3 до 5 и болѣе человѣкъ занимаютъ отдельнѣца харчевень, располагаются прямо на полу вокругъ самоваровъ и въ непринужденной, полулежачей азіатской позѣ сдержанно разговариваютъ между собою: шумнаго говора, а тѣмъ болѣе крика я почти не слышалъ Въ это время совершаются торговыя сдѣлки на слѣдующіе дни.

Главные посѣтители ярмарки — киргизы, а главные торговцы, конечно, — татары; число лицъ, торговавшихъ на ярмаркѣ въ 1895 г., выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: русскихъ — 52 чел., татаръ — 157 чел., киргизъ — 51 чел., хивинскихъ и др. подданныхъ — 24, всего 284 человѣка.

Численностью перевѣсь приходится на долю татаръ, и они и здѣсь держать въ своихъ рукахъ торговлю.

Первенствующимъ товаромъ на ярмаркѣ являются продукты скотоводства, поставляемые киргизами.

Въ будущемъ ярмарку ожидаетъ значительное развитіе, и остается пожелать, чтобы русское купечество не пренебрегало этой ярмаркой, какъ до сихъ поръ, и вообще не чуждалось степи, въ которой оно совсѣмъ отсутствуетъ, а открывъ тамъ свои торговыя операциіи, составило бы противовѣсь татарскимъ вліяніямъ и торговлѣ и этимъ содѣйство-

вало бы расширенію непосредственныхъ сношеній русской народности съ киргизами и водворенію среди нихъ русскихъ благотворныхъ началь, напр.; склонности къ земледѣлію. Киргизы почти не имѣютъ хлѣба, но между тѣмъ считаютъ его за лакомство, и русскіе купцы имѣли бы успѣхъ и оказали бы не малую услугу русскому дѣлу, начавъ торговать въ степи хлѣбомъ. На сколько мало хлѣба и на сколько онъ надобенъ тамъ, можно судить по тому, что въ 1895 г., по отчету податнаго инспектора, въ Темирскомъ уѣздѣ на человѣка ржи и пшена приходилось 0,37 пуда, т. е. меньше полпуда.

XI. Народный характеръ киргизъ.

Получая отъ стадъ полное обеспеченіе своего существованія и будучи необременены работой, киргизы лѣтомъ показались мнѣ народомъ добродушнымъ, веселымъ и беззаботнымъ, и я попробую сказать нѣсколько словъ о ихъ народномъ характерѣ. Сначала коснусь ихъ наружности. Киргизы или, какъ они сами называютъ себя, казаки кажутся здоровымъ, сильнымъ и рослымъ народомъ. Ихъ здоровость, мускульная крѣпость и внѣшняя свѣжесть бросаются въ глаза сравнительно, напр., съ вялостью и дряблостью башкиръ, хотя ихъ тѣло имѣть очень мало упражненій; въ связи съ этимъ находится ихъ подвижность, и на базарахъ, напр., самымъ подвижнымъ элементомъ являются киргизы, которые быстро являются, быстро рѣшаютъ дѣла и быстро же удаляются; въ тоже время башкиры сидять-сидѣть, говорятъ-говорятъ на базарѣ, и конца не предвидится. Татары же ведутъ себя всѣхъ степеннѣ и основательнѣ и спокойно — разсудительно обрабатываютъ иногда большие гешефты.

Всѣ киргизы почти поголовно имѣютъ черные волосы и черные глаза, исключенія бывають очень рѣдки, и выразительность послѣднихъ, т. е. глазъ, рѣзко обращаетъ на себя вниманіе сравнительно съ нерѣдкой мутностью и безцвѣтностью сѣрыхъ и голубоватыхъ глазъ русскихъ.

Въ степи разсказывали, что въ извѣстномъ направленіи подается довольно много киргизъ съ голубыми глазами, и это направленіе совпадаетъ съ путемъ русскихъ войскъ, когда они проходили степи для завоеванія Хивы.

Волосы киргизы часто отращивають и не брѣютъ, также не всегда носятъ тюбетейки.

Черты лица рѣдко бываютъ правильныя, а еще рѣже красивыя, обыкновенно же киргизы имѣютъ выдающіяся скулы, широкій приплюснутый или ввидѣ треугольника ность, бѣлые зубы, жидкую бороду, лишь иногда аксаколы (т. е. старики, бѣлые бороды) бываютъ украшены большой сѣдой бородой.

Ноги у киргизъ въ большинствѣ случаевъ кривыя вслѣдствіе частой ъзды на лошадяхъ, и ходятъ киргизы, надо сказать, плохо, неувѣренno, какъ-то переваливаясь со стороны на сторону; ъздать они несравненно лучше; отличаются общей сутуловатостью и неуклюжестю сравнительно, напр., съ русскими казаками, которыхъ киргизы называютъ атъ-казакъ (т. е. конные казаки), столь ловкими и проворными благодаря гимнастическимъ упражненіямъ.

Цвѣть кожи у киргизъ загорѣлый, красный, иногда даже темный; самая кожа отличается плотностью и часто лоснится отъ жира, особенно у богатыхъ киргизъ, сильно тучнѣющихъ отъ постояннаго употребленія кумыса и мяса.

Киргизы показались мнѣ очень привѣтливымъ, ласковымъ народомъ, можетъ быть, при этомъ имѣли значеніе мои рекомендаціи отъ властей, о гостепріимствѣ ихъ говорить нечего. Въ кибиткахъ своихъ они отводили мнѣ всегда почетное мѣсто, устланное лучшими коврами и такъ ласково и почтительно обращались ко мнѣ; правда, они знали, что я прїѣхалъ изъ Петербурга, а это обстоятельство производить на инородцевъ всегда особое впечатлѣніе.

Киргизы угождали меня всѣмъ лучшимъ, чѣмъ могли, и почти всюду рѣзали барашка для обѣда или ужина, устраивали мнѣ ночлегъ, и никогда не спрашивали денегъ за угощеніе, такъ что я по собственной волѣ давалъ деньги за хлопоты, но случалось, что вовсе отказывались брать.

Честность киргизъ показалась мнѣ безукоризненной: во все время путешествія у меня не пропало ничего, хотя я вообще не берегъ очень своихъ вещей, оставляя ихъ въ кибиткѣ, въ экипажѣ, а самъ уходилъ; можетъ быть, здѣсь играетъ роль восточное правило, что гость и его вещи въ кибиткѣ хозяина неприкосновенны.

Мнѣ рассказывали, что единствено на что покушаются киргизы у путешественника, — это на хлѣбъ; послѣдній считается лакомствомъ и его такъ мало въ степи, что киргизы иногда не могутъ удержаться, чтобы не похитить его.

Я взялъ съ собою въ степь два съ $\frac{1}{2}$, пуда сухарей, какъ это дѣлаютъ всѣ, кто ѿдѣть въ степь. Во время чаепитія я пользовался этими

сухарями, и они были большою приманкою для киргизъ, которые всегда составляли для меня большую компанию въ чаепитії, при чемъ никакого приглашениі не надо было дѣлать, такъ какъ киргизы сами приглашали другъ друга къ моему чаю.

У киргизъ всегда ровное, добродушное настроение духа, видно, что они ничѣмъ не обременены, ничто ихъ не заботитъ, особенно, степь, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, обеспечиваетъ ихъ, и они веселы и такъ легко, здорово смеются и особенно шутятъ между собой; шутки ихъ принимаютъ иногда странный и на нашъ взглядъ неприличный характеръ, напр., отпускаютъ разныя шутки по адресу хозяина и его жены, хозяинъ только отшутивается и старается отвѣтить тѣмъ же, а жена лишь потупляетъ взоры; впрочемъ такія шутки допускаются только между равными.

Киргизы владѣютъ громкими голосами, которые они обнаруживаютъ когда что нибудь особенно ихъ занимаетъ, напр., перепряжка лошадей для моего экипажа всегда вызывала необыкновенное оживленіе, и громкіе возгласы среди киргизъ, они начинали суетиться около лошадей, указывать, давать совѣты и сильно окрикивать другъ друга, такъ что съ непривычки мнѣ казалось, что случилось что нибудь особенное, между тѣмъ вскорѣ же раздавался самый уравновѣшенный, веселый и дружный смѣхъ, который невольно и меня заражалъ.

Старики у киргизовъ еще добродушнѣ: у нихъ всегда спокойное, ровное настроение, свѣжесть не по лѣтамъ, способность къ движеніямъ и занятіямъ, такъ что нерѣдко не уступали они и болѣе молодымъ; у нихъ также шутливость, веселость, лишь болѣе смягченная и незлобивая.

Привѣтливость киргизъ получаетъ иногда слѣдующее выраженіе: когда я въ началѣ іюня подѣжалъ въ знайный день къ г. Темиру и когда вслѣдствіе жары чувствовалось утомленіе въ организмѣ и удрученное нѣсколько настроеніе, мою тяготу разсѣялъ попавшійся на дорогѣ киргизъ, котораго мы обогнали: поровнявшись съ нами, онъ сказалъ что-то, я спросилъ переводчика, что онъ произнесъ; оказалось, что киргизъ сказалъ: «сапар хайды булсын», т. е. пусть будетъ счастливо ваше путешествіе. Подобное доброе привѣтствіе было такъ неожиданно отъ совершенно чуждаго киргиза, что не могло не тронуть и не вызвать хорошихъ чувствъ и думъ объ этомъ народѣ, который такъ внимателенъ къ путникамъ, какъ и русскій человѣкъ не бываетъ внимателенъ.

Что касается гостепріимства, то охарактеризовать его можетъ слѣдующій случай, бывшій со мной.

Такъ какъ нерѣдко киргизы затягивали ужинъ къ полночи и даже далѣе, можетъ быть, желая этимъ придать особенную торжественность приему, а я между тѣмъ съ дороги хотѣлъ поскорѣе спать, то въ одномъ мѣстѣ я думалъ отказаться отъ роли гостя и просто купить мяса и велѣть поскорѣе его сварить. Хозяина не было дома, когда мы прїѣхали. По его возвращенію ему сообщили о моемъ желаніи. Онъ тогда довольно грубо и крикливо стала меня спрашивать, такъ ли я хочу мяса или за деньги и добавлялъ, что дешево онъ не продасть. Мнѣ очень не понравился этотъ грубый хозяинъ и его приемъ, но я сдержанно говорилъ ему, что дамъ денегъ, сколько слѣдуетъ. Тогда хозяинъ, помолчавъ немногого, сказалъ: «Нѣть, денегъ не возьму, я тебя ради гостепріимства такъ угощу». Я удивился его перемѣнѣ и объяснилъ себѣ ее только во время слѣдовавшаго затѣмъ чаепитія; хозяинъ за чаемъ спрашивалъ меня обиженнымъ тономъ, зачѣмъ я потребовалъ мяса, а не молчалъ; оказалось, по киргизскому обычаю, прїѣзжающей долженъ молчать относительно пищи, а хозяинъ самъ подумаетъ, чтобы угостить гостя. Такимъ образомъ я нарушилъ исконный обычай киргизъ. Послѣ сего хозяиномъ мы разстались друзьями.

XII. Киргизская женщина.

Скажу нѣсколько словъ о киргизской женщинѣ. Она, какъ извѣстно, поставлена въ иныхъ гораздо болѣе свободныя условія, чѣмъ женщина у другихъ мусульманъ, напр., у башкиръ, а особенно у татаръ. Въ то время, какъ у послѣднихъ женщина весь вѣкъ проводить въ домѣ, семье, и ей не позволяетъ не только появляться въ обществѣ мужчинъ, но даже и смотрѣть на нихъ и открывать лицо свое, у киргизъ женщина пользуется полною свободою въ общежитіи, никогда не закрываетъ своего лица, постоянно присутствуетъ и разговариваетъ въ кругу мужчинъ и даже занимается иногда торговыми дѣлами и появляется на базарахъ, обращая вниманіе своимъ своеобразнымъ высокимъ головнымъ уборомъ изъ бѣлыхъ полотенцевъ (въ родѣ папахи), называемымъ жаулыхъ.

Киргизка обладаетъ вообще физическою крѣпостью и здоровьемъ, но не отличается красотою, за рѣдкими исключеніями, напр., въ дни молодости.

Но при внѣшней свободѣ положеніе киргизской женщины, надо сказать, вообще забитое. Въ молодости, когда она еще невѣста, она

свободна и беззаботна, какъ вольная птица, работъ, кромѣ легкихъ рукодѣлій не знаетъ, за скотомъ почти не ухаживаетъ, и вѣтъ отъ нея свѣжестью, здоровьемъ, румянцемъ играеть на щекахъ ея, веселье не оставляетъ ея тогда и она достигаетъ если не красоты, то нѣкоторой миловидности. Уже въ то время она появляется въ общихъ собраніяхъ и безъ принужденія разговариваетъ и шутить съ мушинами, будуть ли то старики или молодые парни.

Путешественнику бросается въ глаза, что киргизскія дѣвушки имѣютъ специальную обязанность устраивать чаепитіе и разливать чай въ кругу всего собранія. Только сами онѣ не пьютъ чай, а лишь разливаютъ его другимъ и наблюдаютъ, кому онъ надобенъ. Ничего подобного нельзя встрѣтить ни у башкиръ, ни у татаръ, у которыхъ женщина такая дикая, застѣнчивая, неразговорчивая, и проявляетъ лишь одно качество, что усиленно прячется или въ уголь, или за занавѣской.

Если пріѣзжаетъ особенный гость, то киргизская дѣвушка къ чаепитію наряжается въ праздничную цвѣтную одежду съ позументами и шапочку съ перомъ, подбитую мѣхомъ, называемую бѣрк; эта шапочка придаетъ киргизкѣ довольно эффектный видъ. За чаепитіемъ бываютъ оживленные разговоры и шутки, при чемъ дѣвицы сначала молчатъ, а потомъ и сами принимаютъ участіе; иногда шутки становятся щекотливыми съ нашей точки зрѣнія. Случается, что киргизки въ полѣ прогуливаются въ кругу мушинъ.

Но когда киргизка выходитъ замужъ, красное ея житѣе кончается. На ея долю падаютъ всѣ работы по хозяйству, такъ какъ сами киргизы буквально ничего не дѣлаютъ и ни въ чемъ не принимаютъ участія, разѣзжаютъ лишь по гостямъ и на празднства.

Киргизка-хозяйка съ ранняго утра, еще до восхода солнца, начинаетъ возиться со скотомъ, привязываетъ и отвязываетъ козъ, барановъ, доить коровъ и верблюдицъ, прогоняетъ ихъ пастьись, ведеть счетъ скоту, тогда какъ киргизъ имѣть смутныя понятія о количествѣ своего скота. Затѣмъ киргизка надоенное молоко выливаетъ въ кадочки для кумыса и приготовляетъ кумысъ; занимается стряпней, очищаетъ и приготовляетъ шкуры отъ зарѣзанаго скота, выбиваетъ и просушиваетъ мѣха, прядеть, занимается тканемъ и валеніемъ войлока или кошмъ; между прочимъ киргизки приготовляютъ иногда красивыя кошмы съ напитыми узорами, наз. текемет; вечеромъ опять возится со скотомъ, доить, отдѣляетъ часть его, которая должна остаться при кибиткѣ, отъ той, которая идетъ пастьись на ночь.

Такимъ образомъ весь день киргизки проходитъ въ трудахъ, и ея положеніе вѣчной работницы и слуги для мужа ярко подчеркивается вечеромъ, когда ея ничего не дѣлающій мужъ, отходя ко сну, призываетъ ее къ себѣ и велить ей снять съ него сапоги (етык).

Благодаря такой вѣчной работѣ киргизка скоро теряетъ свою свѣжесть и въ среднихъ лѣтахъ смотрѣть испитой, сморщенной, страшной полустарухой съ почти мужскими движениями и голосомъ. Сходство съ мужчиной и некрасивый видъ увеличиваются еще оттого, что киргизки-хозяйки ради удобства въ работахъ, особенно во время ухода за скотомъ, надѣваютъ штаны (дамбал) и принимаютъ какой то странный видъ: не то женщины, не то мужчины. Но впрочемъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ (напр., въ Тургайскомъ уѣздѣ) считается неприличнымъ, если женщина надѣваетъ штаны.

Но это не мѣшаєтъ имъ пользоваться свободой, и въ добавленіе слѣдуетъ сказать, что женщины иногда поютъ въ присутствіи мужчинъ, какъ и мнѣ удалось слышать пѣніе дѣвушекъ и записать ихъ мелодіи.

Суроваго обращенія мужей съ женами я не встрѣчалъ и, кажется, оно рѣдко случается, также мягко обращаются они съ дѣтьми: я нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы отцы или матери колотили дѣтей или давали имъ подзатыльники, какъ это часто водится въ русскихъ семьяхъ, и ребятишки поэтому выглядываютъ бойкими, смыщенными и просто себя держать.

Красивой женой киргизъ, напротивъ, склоненъ хвалиться. Одинъ киргизъ-игрокъ на добрѣ, ни слова не зналъ по-русски, приглашалъ меня въ гости и при этомъ добавлялъ, что жена у него очень хороша (катын бик якшы), а когда я увидѣлъ его жену, молодую и не лишенную миловидности, киргизъ послѣ не разъ упоминалъ о ней и при этомъ употреблялъ единственное известное ему русское слово, «сладка, сладка».

Молодыя киргизки обнаруживаютъ любознательность; когда я пріѣхалъ однажды на большое собраніе киргизъ въ Мугоджарскихъ горахъ (совершили поминки по богатому киргизу,— наз. ас), то на второй день моего пребыванія, меня вызвали изъ кибитки и сказали, что одна киргизка желаетъ меня видѣть; выхожу: стоять двѣ киргизки, одна помоложе, другая постарше и застѣнчиво улыбаются; я спрашиваю, что имъ надобно; онѣ отвѣтили, что услышали о пріѣздѣ русского и захотѣли посмотретьъ на него; дѣло въ томъ, что въ тѣхъ мѣстахъ русскихъ никогда почти не бываетъ; я пригласилъ ихъ зайти въ кабитку; киргизки смутились было сначала обществомъ киргизъ:

по вскорѣ оправились и объяснили причину своего появленія; затѣмъ говорили мнѣ, что онъ такъ много наслышались о русскихъ, знаютъ, что все хорошее исходить отъ русскихъ, поэтому захотѣли непремѣнно повидать русскаго и сами думаютъ черезъ годъ поѣхать въ русскіе города, посмотретьъ, какъ живутъ русскіе; я предполагалъ снять фотографіи съ нихъ и съ группы дѣвушекъ, бывшихъ на поминкахъ, но молодые парни воспротивились, кажется, ревновали. Болѣе пожилыя киргизки заявляютъ себя консерваторами, защитницами старыхъ устоевъ жизни и противницами русскихъ новшествъ. Когда я проѣзжалъ по ауламъ въ сопровожденіи учениковъ Оренбургской киргизской учительской школы, то пожилыя женщины не разъ обнаруживали къ нимъ враждебность и даже ругали ихъ, если они разговаривали со мною и между собою по-русски: «вы совсѣмъ русскіе стали», — говорили имъ киргизки, — «скоро вѣру свою перемѣните; прежде никто не учился русской грамотѣ, а вотъ какіе почтенные люди выходили, не то, что вы», и при этомъ киргизка указывала на одного изъ присутствовавшихъ. Выраженіе. «ты совсѣмъ русскій сталъ» получало даже характеръ бранія.

Киргизки въ данномъ случаѣ были представительницами той народной оппозиціи противъ владычества русскихъ, которая, конечно, все больше вымираетъ, но слѣды которой еще существуютъ и теперь: такъ, въ одной волости (Бистамакской, Актюбинскаго уѣзда) волостной писарь русскій, прекрасно владѣвшій киргизскимъ языкомъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ самъ, какъ киргизы иногда въ зимніе вечера поютъ пѣсни, въ которыхъ жалуются на то, зачѣмъ это Аллахъ сдѣлалъ такъ, что ими владѣютъ русскіе.

Съ водвореніемъ русской власти началось юридическое уравненіе правъ мужчины и женщины среди киргизъ. Но на сколько еще дики киргизы и киргизки и къ какимъ своеобразнымъ и курьезнымъ происшествіямъ ведеть проникновеніе новыхъ русскихъ началъ въ старую вѣковую киргизскую среду, показываютъ, напр., слѣдующіе случаи, о которыхъ мнѣ рассказывали на мѣстѣ.

Огромная часть киргизской территории въ томъ числѣ та, где я былъ, — районъ Мугоджарскихъ горъ, совершенно лишены путей сообщенія, русскихъ поселеній совсѣмъ нѣть, и киргизыѣздятъ исключительно верхомъ; между тѣмъ властямъ и путешественникамъ приходится пускаться въ эти непроѣздныя мѣста; въ этихъ случаяхъ и возникаютъ для нихъ разнаго рода трудности и приключенія при добываніи лошадей.

Лѣтомъ 1895 г. Темирскій уѣздный начальникъ Уральской области (М. И. Дубровинъ) проѣзжалъ съ лѣсничимъ на Мугоджары. На урочищѣ Кумъ-Сай, на рѣкѣ Эмбѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Мугоджарскихъ горъ, понадобилось перемѣнить лошадей, и взяли одну лошадь у киргизки-вдовы, которая одѣта была, по мѣстному обыкновенію, въ штаны; она захала, затараторила, стала говорить, что ее, вдову, обижаютъ, отнимаютъ послѣднюю лошадь, а у нея мужа нѣть, некому ее защитить; когда эти причитанія и упрыгство не подѣйствовали, она срустила съ себя штаны и обнажила себя въ присутствіи уѣзднаго начальника; хорошенко не могли понять, что хотѣла она выразить этимъ, — презрѣніе-ли къ присутствующимъ или дать доказательство, что она женщина, слабое существо, вѣрнѣе послѣднее; только уѣздный начальникъ тотчасъ составилъ протоколъ и наказалъ ее 15-ти дневнымъ арестомъ, для чего она доставлена была въ гор. Темиръ. Киргизка, конечно, не ожидала такихъ послѣдствій, такъ какъ до сихъ поръ всюду водилось и по шаригату установлено, что за проступки женщинъ отвѣчали мушки.

Но русская власть стала привлекать къ отвѣтственности и киргизокъ. Въ 1896 г. были привлечены къ суду въ Темирскомъ уѣздѣ двѣ киргизки по обвиненію въ сопротивленіи властямъ.

Эти киргизки оказали сопротивленіе уряднику, когда послѣдній приѣхалъ въ одинъ аулъ для производства переписи или сбора недоимокъ, чего-то въ этомъ родѣ. Бабы выбѣжали изъ кибитки съ палками и набросились на урядника, который былъ принужденъ отступить. Когда киргизокъ привлекли къ отвѣтственности, ихъ убѣждали по правдѣ разсказать, почему онъ напали на урядника. Онъ рѣшительно заявляли, что невиноваты, что исполняли только волю своего мужа — старика, который, когда приходилъ урядникъ, лежалъ въ своей кибиткѣ и кричалъ имъ оттуда: «гоните этого урядника, что онъ тутъ шатается?» Ослушаться мужа имъ, бабамъ, нельзя, и онъ должны были недопустить урядника въ ихъ кибитку.

Сопротивленіе власти было оказано, и киргизки подлежали всей строгости законовъ, должны были быть приговоренными къ арестантскимъ ротамъ, и только по Всемилостивѣшему коронаціонному манифесту онъ были освобождены отъ наказанія.

Но вообще киргизской женщинѣ не трудно приспособиться къ новымъ начальамъ, вносимымъ русскими, залогомъ чего служить, между прочимъ та свобода, какою пользуется женщина у киргизъ и которая такъ выгодно отличаетъ ее и даетъ ей преимущества передъ женщиной татаръ и народностей Средней Азіи, обреченной на вѣчное отчужденіе

оть общественной жизни; причину, свободнаго положенія женщинъ у киргизъ надобно видѣть въ томъ, что мусульманство съ своимъ шаригатомъ еще не успѣло ассимилировать киргизъ, проникнуть въ глубь ихъ народныхъ понятій и привить имъ свой условный и угнетающій взглядъ на женщинъ.

Всѣ впечатлѣнія передавать было бы слишкомъ долго; коснусь въ настоящій разъ только наиболѣе значительныхъ и расскажу, что я, между прочимъ, встрѣчалъ особый типъ киргизъ, изъ котораго выработывались, по словамъ киргизъ, до русскаго владычества такъ называемые батыри, могучіе духомъ и тѣломъ богатыри, коноводы, предводители народныхъ полчищъ, неустршимые и находчивые во всякихъ обстоятельствахъ, которые и воспѣвались въ народной поэзіи, въ столь многочисленныхъ у киргизъ эпическихъ произведеніяхъ. Такой киргизъ-батырь былъ моимъ проводникомъ.

XIII. Типъ батыря.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ гор. Темирѣ Уральской обл. во время ярмарки, когда я увидѣлъ, что киргизы были черезчур заняты какъ ею, такъ и чрезвычайнымъ междуобластнымъ судебнѣмъ съездомъ, на который собралось множество киргизскихъ судій, такъ называемыхъ бievъ, — я выѣхалъ 8 іюня на востокъ по направлению къ Мугоджарскимъ горамъ, населеннымъ, какъ мнѣ говорили, совсѣмъ дикими и еще не зналыми русскихъ вліяній киргизами, — въ сопровожденіи цѣлой свиты.

Темирскій уѣздный начальникъ командировалъ въ Мугоджарскія горы въ распоряженіе занимавшагося тамъ размежеваніемъ казенныхъ лѣсовъ топографа — двухъ киргизъ: кандидата на должность волостнаго управителя Эмбо-Темирской волости Маштія Жалимбетева и старшину 7-го аула той же волости Дарбая Жанысбаева. Эти представители волостной власти хотя должны были не отлучаться изъ волости, пока топографъ производилъ свои работы въ горахъ, но соблазнившись открывшейся въ то время Темирской ярмаркой, прїѣхали на нее въ городъ, оставивъ топографа безъ своего содѣйствія.

Уѣздный начальникъ (М. И. Дубровинъ) строго приказалъ имъ ѻхать обратно къ топографу и быть при немъ неотлучно, какъ они ни

умоляли его позволить остаться на ярмаркѣ для окончанія начатыхъ уже торговыхъ дѣлъ.

Сказавъ, что ихъ дѣла на ярмаркѣ окончатъ родственники, уѣздный начальникъ поручилъ имъ также сопровождать меня, такъ какъ я собиралсяѣхать въ томъ же самомъ направленіи къ высшей вершинѣ Мугоджаръ — горѣ Айрыку.

Къ намъ присоединились еще нѣсколько киргизъ, между прочимъ, кончившій курсъ Оренбургской киргизской учительской школы Кужахметъ-Исенгуловъ и старшина ближайшей волости, по которой намъ предстояло проѣзжать: по распоряженію уѣзднаго начальника, въ каждой волости наскъ долженъ былъ сопровождать мѣстный волостной старшина и указывать путь, такъ какъ мыѣхали въ мѣстности, лишенныя всякихъ путей сообщенія, въ которыхъ могли не заблудиться лишь тамошніе киргизы.

И вотъ рано утромъ въ 7 ч., 8 іюня, мои спутники явились въ домъ уѣзднаго управления, гдѣ я имѣлъ помѣщеніе, а въ 11¹/₂ часовъ мы выѣхали: я съ переводчикомъ своимъ изъ Оренбурга (ученикомъ киргизской школы Юсуповымъ) въ купленномъ мною наканунѣ на ярмаркѣ экипажѣ, а остальные — верхомъ на лошадяхъ.

Образовался такимъ образомъ цѣлый поѣздъ: центръ составляль напѣрь экипажъ, а впереди и сзади или съ боковъѣхали всадники.

Главою поѣзда явился упомянутый кандидатъ Маштій Джалимбетевъ дородный, могучій киргизъ, 65 лѣтъ, съ сиплымъ громкимъ басомъ, сурою и пожалуй свирѣпой, морщинистой, крупной физіономіей и спокойнымъ острымъ взглядомъ.

Когда онъ сидѣлъ на лошади въ своей остроконечной шапкѣ называемой тумакъ) и слегка откидывался широкой спиной назадъ, то онъ казался великаниемъ, а когдаѣхалъ, держалъ себя прямо и отважно, по предводительски; къ нему незамѣтно перешла первенствующая роль, а командовалъ онъ властно, рѣшительно, и взоръ его глазъ исполненъ былъ силы.

На дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ общеніи со мной, оказался добродушнымъ киргизомъ.

Считая себя вожакомъ поѣзда (уѣздный начальникъ поручилъ ему доставлять мнѣ на пути лошадей), онъ считалъ своею задачею услужить «таксыру», т. е. господину, поэтому на стоянкахъ въ аулахъ, при перемѣнѣ лошадей вѣско ругался, торопилъ, грозилъ сослать въ Сибирь и обнаруживалъ при этомъ даръ юмора, успѣшно смѣша киргизъ, которые весело хохотали; вообще онъ былъ мастеръ смѣшить толпу, а самъ

почти не смеялся. Въ отвѣтъ ему говорили: «вѣдь сватъ тебя хозяинъ (лошадей), что ты его очень пугаешь?» Онъ возражалъ, что хоть за-гнать лошадей, а таксыр'а не задерживать.

Маштій, которого киргизы называли «кандилять» или уменьши-тельно Машикъ и которого они побаивались, но и уважали, несомнѣнно отличался расторопностью и распорядительностью и по справедливости былъ награжденъ отъ начальства серебряной медалью для ношения на Станиславской лентѣ. Онъ въ отношеніи добыванія лошадей былъ не-замѣнимъ для насъ, такъ какъ въ этой мѣстности (около Мугоджар-скихъ горъ) даже власти встрѣчаются при проѣздѣ затрудненія, такъ какъ отъ г. Темира до Мугоджарскихъ горъ и далѣе ни дорогъ, ни станцій нѣтъ, а переѣзжаютъ отъ аула къ аулу и при посредствѣ стар-шинъ мѣняютъ лошадей; но киргизы упрямятся давать лошадей въ лѣт-нюю пору, уходя въ стороны отъ мѣстъ проѣзда; если проѣзжающій не представляетъ изъ себя власти, то онъ много натерпится отъ киргизского отлынивания. Даже уѣздный начальникъ испытываетъ иногда задержки. Во избѣженіе подобныхъ задержекъ для лицъ официальныхъ или со специальными цѣлями посылаютъ впередъ такъ называемаго чабара (разсыльного) заготовлять на мѣстахъ остановокъ лошадей. На первой остановкѣ, на урошицѣ Ашѣ (вилка, при сляніи двухъ рѣкъ Темира и Кульдененъ-Темира, похожемъ на вилку), въ 20 верстахъ отъ города, мы не встрѣтили никакой задержки въ лошадяхъ: въ полѣ смынили намъ лошадей, и мы поѣхали далѣе; помѣхой нашему путешествію оказалась неисправность экипажа: татары, продавая его, скрыли, что ослабѣли гайки у колесъ, и вотъ во время пути переднее колесо стало спадать; это обстоятельство причиняло намъ столько хлопотъ, что доѣхавъ кое-какъ до второй остановки въ аулѣ одного султана въ мѣстности Чотай, въ 40 верстахъ отъ г. Темира), я рѣшилъ послать экипажъ назадъ въ городъ для исправленій; благодаря этому мы пробыли въ этомъ аулѣ до 6 час. веч. слѣдующаго дня (9 июня).

Въ аулѣ султана для насъ была приготовлена отдѣльная кибитка по-киргизски ўй), о чемъ заранѣе позаботился «кандидатъ»; пріятно было войти въ чисто, хорошо-убранную сплошь коврами (клем) кибитку и сѣсть въ почетномъ мѣстѣ на новыя еще бухарскія одѣяла (кёрпѣ). По поводу нашего прїезда былъ зарѣзанъ баранъ, и мы видѣли, какъ ды-мились два костра, па которыхъ варилась баранина. Я ходилъ между прочимъ, въ стадѣ барановъ и верблюдовъ; бараны видѣли, вѣроятно, въ первый разъ человѣка, не похожаго на киргизъ, потому что они

робко, но съ большимъ любопытствомъ протягивали головы, обнюхивали меня и ходили вслѣдъ за мною.

Время проходило въ угощенияхъ и разговорахъ; на другой день послѣ обѣда разговаривали и шутили; присутствовалъ хозяинъ съ женой, и кандидатъ не преминулъ обнаружить свою манеру острить; я спросилъ, сколько лѣтъ султану; сказали, что ему 65 лѣтъ; тогда кандидатъ выбранился, зачѣмъ много сказалъ, сказалъ бы меньше; султанъ отвѣтилъ, что Маштій, т. е. кандидатъ, бранится потому, что ровесникъ съ нимъ и хочетъ лѣта свои скрывать: у него-де, султана, бѣлая борода по краямъ, а у кандидата черная оттого, что бѣлые волосы онъ выщипываетъ; всѣ засмѣялись; на эту шутку кандидатъ отвѣтилъ довольно своеобразно: смеясь, онъ сказалъ, что жена султана (которая сидѣла здѣсь же) занимается прелюбодѣяніемъ; всѣ громко засмѣялись, въ томъ числѣ и султанъ, а я думалъ, что слова кандидата будутъ приняты за дерзость, и произойдетъссора; но это была шутка въ киргизскомъ вкусѣ, и при общемъ смѣхѣ султанъ отвѣтилъ лишь своей шуткой, сказавъ: «кандидатъ ходить по трактирамъ (т. е. публичнымъ домамъ)»; всѣ обратились къ «кандидату» и стали на его счетъ хохотать; но кандидатъ не остался въ долгу и отвѣтилъ: «Султанъ сдурѣлъ» (сошелъ съума).

Я спросилъ неужели не обижаются на такія шутки: — «нисколько», — отвѣтили мнѣ, — «такъ вѣдь и русскіе шутятъ»; — «нѣтъ, такія шутки не позволительны у русскихъ», отвѣтилъ я. тогда мой собесѣдникъ, киргизъ, кончившій курсъ въ Оренбургской киргизской учительской школѣ, отвѣтилъ мнѣ: — «какъ непозволительны? я самъ видѣлъ въ Оренбургѣ, въ Темирѣ, какъ мужчины бѣгаютъ за чужими женами, беруть ихъ за платье»... Я сказалъ, что это считается неприличнымъ; — «а у насъ это ничего, это вѣдь шутка», объяснилъ собесѣдникъ.

Но подобныя шутки допускаются лишь между ровесниками, въ противномъ случаѣ онъ принимаются за оскорблениe.

Вечеромъ этого дня въ 6 ч. мы поѣхали далѣе, когда изъ города доставили мой экинажъ въ исправленномъ видѣ.

Я требовалъ, чтобы везли на оврагъ или рѣчку Кумжарганъ, какъ то значилось по маршруту, взятыму мною изъ города; тогда киргизы много толковали между собою, какъ прямѣе поѣхать, а также обсуждали, сколько верстъ считать для этого перѣѣзда, и не могло ничего сказать, пока я самъ не назначилъ разстоянія въ 25 в., какъ примѣрно говорили мнѣ въ городѣ.

Разстояній между остановками киргизы точно не знаютъ и говорятъ

наугадъ, также и русскіе власти не знаютъ, сколько верстъ считать отъ г. Темира до Мугоджаръ; киргизы довольствуются платой за такое число верстъ, какое имъ говорять.

Ёзда по степи безъ дорогъ, не смотря на относительную ровность степи, оказываются порядочно тряской.

Вообще край этот почти во всѣхъ отношеніяхъ неустроенный, первобытный. Одно здѣсь хорошо, это — прекрасный воздухъ, степь съ душистыми травами, климатъ умѣренно-жаркій и отличный кумысъ и баранина.

Нашъ поѣздъ въ прежнемъ составѣ тронулся въ путь.

«Кандидатъ» по прежнему игралъ первенствующую роль и важно сидѣлъ на лошади, то уѣзжая впередъ экипажа, то отставая сзади.

Вскорѣ мы поднялись на невысокую возвышенность Маметь, съ которой въ первый разъ увидѣли высшую вершину Мугоджаръ — гору Айрыкъ (что значитъ вилообразная, такъ какъ она раздвоется, имѣть двѣ главы), мнѣ сказали, что мы находимся на разстояніи верстъ 60-ти отъ горъ, которая лежать заразъ по ту сторону рѣки Эмбы.

Айрыкъ, разъ показавшись, сталъ служить для моихъ спутниковъ среди ровной степи — малкомъ, и мои киргизы объявили, что будутъ ѿхать все время прямо на Айрыкъ, не упуская его изъ глазъ: зачѣмъ-де ѿхать не по прямой линіи.

Пробѣхавъ менѣе десяти верстъ, киргизы, хотѣли было, неизвѣстно почему, смѣнить лошадей во встрѣчномъ аулѣ, ссылаясь на то, что лошади устали, но я сказалъ, что раньше Кумжаргана (намѣченного для стоянки пункта) я не соглашусь на смѣну лошадей и не дамъ прогоновъ. Тогда киргизы, которые только что говорили обѣ усталости лошадей, усердно погнали ихъ во главѣ съ «кандидатомъ», стали гикать и хлестать нагайками (камчѣ по-киргизски), точно лошади успѣли освѣжиться, и мы быстро поѣхали по степи, только экипажъ изрядно встрѣхивало на неровностяхъ и кочкахъ, такъ что часто приходилось говорить ямщику «акырын» (осторожно).

«Кандидатъ» опять заявилъ себя какъ человѣка, не затрудняющагося въ выборѣ средствъ, чтобы достичь намѣченной цѣли.

Мой спутникъ переводчикъ рассказывалъ мнѣ, что «кандидатъ», чтобы произвести болѣшее впечатлѣніе на киргизъ и чтобы они не задерживали лошадей, говорилъ имъ обо мнѣ, что я ѿду изъ Петербурга и что я чуть ли не родной братъ Государя Императора, а если не родной братъ, то близкій знакомый; я спросилъ моего спутника, вѣрять ли ему киргизы: — «вѣрять, конечно», отвѣтилъ онъ; — «а самъ то онъ

шутить или серьезно говорить?» спросил я, — «да онъ самъ, конечно, ничего не знаетъ, только говорить съ увѣренностью, а киргизы вѣрятъ: киргизы вѣдь думаютъ, что если кто изъ Петербурга, значитъ знакомъ съ Государемъ Императоромъ».

Хотѣли было еще разъ киргизы мѣнять лошадей, не доѣзжая намѣченного пункта (Кумжаргана), по я объявилъ, чтобы везли дальше; очевидно, киргизы были рады почаше останавливаться ради времепрепровожденія и яденія баранины; такъ какъ они сопровождали «туря», т. е. чиновника, то это было достаточнымъ основаніемъ заставлять на каждой остановкѣ рѣзать барана и угощаться; въ виду этихъ обстоятельствъ къ нашему поѣзду присоединилось добровольно не мало киргизъ, которые говорили, что ёдутъ по дѣлу, тогда какъ у степняка вообще не бываетъ дѣла, такъ что я ёхалъ уже въ сопровожденіи 15 — 18 всадниковъ.

Наконецъ, часу въ 9-мъ вечера мы приѣхали на стоянку Кумжарганъ; съ нами былъ новый волостной старшина, такъ какъ старшины провожали насъ только до конца своего участка.

Былъ тихій, ясный вечеръ, солнце уже сѣло за пригоркомъ и горѣла заря; на ясномъ фонѣ ея въ полумракѣ вырисовывались три, четыре кибитки аула киргиза Урманкула (9-го аула); собаки встрѣтили насъ хриплымъ лаемъ.

Мы остались ночевать, такъ какъ ночью ёхать было неловко и лошадей негдѣ было достать.

Для насъ, по распоряженію «кандидата», готовили кибитку; это былъ бѣдный аулъ, поэтому и кибитка оказалась гораздо хуже и грязнѣе, чѣмъ у Султана на Чотаѣ.

Стали вырабатывать дальнѣйшій нашъ маршрутъ; рѣшили ёхать утромъ прямымъ путемъ на Айрыкъ, но затѣмъ «кандидатъ» обратился ко мнѣ съ пространною рѣчью слѣдующаго содержанія. Онъ говорилъ, что сердечно желаетъ мнѣ услугить, что онъ старый человѣкъ, но не жалѣть себя, лишь бы сдѣлать все для моего путешествія лучше; но теперь приѣхали въ такія мѣста, гдѣ ауловъ мало, киргизы упрямы и не даютъ сразу лошадей; онъ говорилъ, что ужъ принялъ мѣры къ отысканію лошадей, послалъ за пятидесятникомъ, который и долженъ привести лошадей; но ожидаетъ, что кто нибудь будетъ сопротивляться ему, пе смотря на всѣ настоянія; онъ опасался, что съ такими онъ самъ пожалуй не справится, поэтому просилъ меня, такксыр'а, чтобы я согласился записывать имена такихъ упрямцевъ и сообщить о нихъ уѣздному начальнику.

Я далъ на это согласie; оно, вѣроятно, надобно было «кандидату», чтобы имѣть въ этомъ лишнюю угрозу для киргизъ; это былъ въ своемъ родѣ манёвръ кандидата въ виду присутствовавшихъ киргизъ.

Затѣмъ «кандидатъ» сказалъ, что онъ позаботился о нашемъ ужинѣ, велѣлъ зарѣзать барана, а самъ поѣдетъ впередъ заготовлять лошадей и просилъ моего согласія; когда я на такую его самоотверженную услужливость предложилъ сначала напиться чаю, «кандидатъ» передалъ мнѣ черезъ переводчика, что онъ такой человѣкъ, что когда служба, онъ ничего не єсть, не пить; впрочемъ, передъ отѣзdomъ онъ выпилъ три чашки кумыса; ночью онъ самъ искалъ лошадей въ 8-мъ аулѣ, а старшину и пятидесятника послать въ 9-й аулъ, отъ угощенья бараниной отказался и только наказалъ, что останется отъ насъ, угостить этими прислугу. Не оставивъ никого своими попеченіями, онъ уѣхалъ.

Было около полуночи; еще мы не улеглись совсѣмъ, какъ доставили намъ одного жеребца, но пришелъ хозяинъ его и поднялъ цѣлое препирательство, говоря, что у лошади его испорчена спина, нельзя на ней єхать; его урезонивали, что если онъ не дастъ лошади и позволить ему это, то и другіе никто не будетъ давать лошадей, если онъ будетъ упрямиться, то съ нимъ поступятъ по всей строгости закона; тогда киргизъ уступилъ лошадь.

Утромъ, на другой день, опять была исторія изъ-за лошадей, благодаря женскому упрямству. Когда уже стали запрягать лошадей, явились двѣ киргизки и подняли сильный крикъ; ихъ урезонивали киргизы вѣнѣ кибитки; «кандидатъ» сидѣлъ въ кибиткѣ и слушалъ, но чувствуя, что дѣло на ладъ нейдетъ, онъ обратился ко мнѣ со словами, вотъ-де бабы какія вздорныя, и вышелъ къ нимъ самъ; я также полюбопытствовалъ, что такое происходитъ снаружи: двѣ киргизки стояли вблизи кибитки и одна изъ нихъ какъ будто плакала; киргизы не могли сговориться съ ними, а «кандидатъ» однимъ своимъ появлениемъ и голосомъ, не допускающимъ возраженій, устроилъ дѣло,— онъ просто, какъ говорится отрѣзалъ имъ: «вы хоть вдвое больше ревите, лошадей не отдадимъ».

Слова кандидата успокоили ихъ, и онъ, потараторивъ, ушли, и только, когда мы отѣзжали, онъ кучкой сидѣли на травѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи и такъ недружелюбно смотрѣли на нашъ отѣздъ.

Бабы, какъ мнѣ объяснили, являются лишь подставными лицами своихъ мужей, которые научаютъ ихъ поднимать кляузу, боясь сами ответственности и будучиувѣрены, что бабамъ ничего не сдѣлаютъ,

такъ какъ по ихъ обычаю и по шаригату женщина не отвѣтственна за свои поступки; однако они ошибаются въ своихъ разсчетахъ: въ по-слѣднее время русская власть привлекаетъ къ отвѣтственности и киргизскихъ женщинъ.

Было жарко, когда мы поѣхали далѣе на Эмбу къ Мугоджарскимъ горамъ. Въ это время случился эпизодъ, имѣвшій связь съ заботой «кандидата» обеспечить насть лошадьми.

Въ сторонѣ отъ нашего пути паслись чи то лошади; одну изъ нихъ, по приказанію «кандидата», захватилъ киргизъ изъ нашего поѣзда и поскакалъ съ нею къ намъ; въ догоню за похитителемъ мчался по полю во весь духъ пастухъ на перерѣзъ намъ; мой кучеръ и переводчикъ, увидѣвъ это, хотѣли между собой и передали мнѣ о происшествіи, мы стали слѣдить, что будетъ далѣе, верховой подскакаль, иѣкоторое время стоялъ и затѣмъ спокойно отѣхалъ отъ нашихъ спутниковъ, которые были значительно впереди насть, вѣроятно «кандидатъ» по обыкновенію даль такою внушительной отвѣтъ, въ родѣ того, что если будешь-де прекословить, въ Сибирь законопачу тебя, что киргизу ничего не оставалось, какъ покориться и отѣхать.

Ради жары киргизы упросили меня остановиться во встрѣчномъ аулѣ, около высохшаго озера Башынкуля, напиться чаю, но дѣло опять не обошлось безъ баранины.

Такимъ образомъ киргизы не разъ дѣлали, какъ потомъ оказывалось, лишнія, ненужныя остановки.

Во время чаепитія кандидатъ проявлялъ обычный свой юморъ, и толпа охотно смѣялась; такъ какъ онъ былъ груженъ, то мѣнялъ лошадей, на которыхъѣхалъ верхомъ, причемъ не очень церемонился съ хозяевами лошадей; когда онъ на этой остановкѣ заявилъ претензію на одну лошадь, хозяинъ хотѣлъ отдѣлаться отъ «кандидата» и сказалъ, что лошадь его хромаетъ; тогда кандидатъ заявилъ, что тѣмъ лучше, что онъ на хромой лошади дремать не будетъ, зная, конечно, что лошадь исправная; а когда мы отѣхажали кучеръ изъ предыдущаго аула потребовалъ назадъ веревку, которую у него взяли для нашего поѣзда; «кандидатъ» съ напускной строгостью отвѣтилъ ему: «а ты моли Бога, чтобы мы тебя не взяли съ собой дальше, а не то, что веревку спрашививать». Дружный хотѣть и говорѣлъ слышался всюду, гдѣ принималъ то или другое участіе «кандидатъ», и никто изъ киргизъ не могъ отговариваться противъ словъ его; они были подъ обаяніемъ его личности изъ почтительности и ласковыхъ чувствъ къ нему нерѣдко величали то «кандилять», то уменьшительнымъ Машикъ.

Мы имѣли еще остановку, прежде чѣмъ доѣхать до Мугоджарскихъ горъ, на уроцишѣ или рѣчкѣ Кумъ-Сай.

Здѣсь кандидатъ позаботился взять съ собою человѣкъ 5 киргизъ на случай, если топографу, къ стоянкѣ котораго въ горахъ мы ѿхали, понадобятся рабочіе.

Во время пребыванія здѣсь «кандидатъ» отпускалъ шутки на счетъ киргизской дѣвушки, занимавшейся разливаніемъ чая, рассказывая о себѣ, какой онъ былъ молодецъ не промахъ въ своей молодости, смѣшилъ окружавшихъ, но самъ не смѣялся.

Наша свита увеличилась, и мы поѣхали къ Мугоджарамъ, мѣстность замѣтно повысилась, составляя первую террасу къ Мугоджарскимъ горамъ.

Мы добрались до верховьевъ горъ знаменитой въ Прикаспійскихъ степяхъ рѣки Эмбы и перѣехали ее бродомъ; по берегамъ росла густая трава и составляла большой контрастъ съ окружавшими желтѣвшими подъ палящимъ солнцемъ полями.

Вскорѣ раскрылась предъ нами синѣющая грязь Мугоджаръ и мы цѣликомъ увидѣли царящую надъ ними гору Айрыкъ, къ которой напѣть поѣздъ и направлялся.

Черезъ нѣсколько времени, проѣхавъ предгорья Мугоджаръ, мы наконецъ вѣхали и въ самыя горы; это были не очень высокія, пустынныя, лишенныя лѣснаго покрова горы; только густая трава покрывала, да въ ложбинахъ попадался мелкій кустарникъ, юясь вдоль горныхъ ручьевъ. Мугоджары будутъ, вѣроятно, удобны для земледѣльческой культуры; предполагается въ нихъ присутствіе золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней; въ этомъ направленіи производила развѣдки въ горахъ лѣтомъ 1896 г. одна золотопромышленная компанія.

Аулы попадались рѣже, чѣмъ мы ожидали, потому что много киргизъ откочевало ближе къ Темирской ярмаркѣ.

Вскорѣ мы увидѣли въ одной лощинѣ кибитку топографа; «кандидатъ» и другіе киргизы ѿхали нѣсколько впередъ, и когда я подѣѣжалъ, наши спутники образовали уже около кибитки цѣлый станъ, и голоса ихъ оживляли безмолвныя долины.

Топографа не оказалось дома. Я быль встрѣченъ дружными жалобами какъ моихъ киргизъ, такъ и работавшихъ у топографа, которые успѣли уже сговориться, — на его строптивость, придирчивость и плохой характеръ: все-де не такъ, все бранить, а вчера-де вечеромъ взялъ свариль свинины и налилъ супу изъ нея во всѣ сосуды: котель, ведро, чашки: — «Фу, кой (слово брезгливости у киргизъ) жаманъ ксы

(дурной человѣкъ), теперь намъ Ѳсть не въ чемъ, варить мяса не въ чемъ», такъ говорили киргизы и просили меня дать имъ для приготовленія чая дорожный чайникъ, такъ какъ топографъ даже и въ самоваръ (будто бы) налилъ свиного супа.

Свининой киргизы, какъ магометане, до чрезвычайности брезгаютъ, и образъ поведенія топографа, если все это было вѣрно, оказывался страннымъ; вообще чиновники въ степи слишкомъ много себѣ подъ часъ позволяютъ и слишкомъ господствуетъ тамъ кокарда, подъ знаменемъ который кто только не глумится подъ часъ надъ инородцами, что вовсе не въ нашихъ интересахъ, подрывая то уваженіе и довѣріе къ намъ, какія мы пріобрѣли себѣ въ Азіи.

Съѣздили на двуглавую вершину горы Айрыкъ, повидавшись съ топографомъ, который дѣйствительно пренебрежительно отзывался о киргизахъ: «охъ ужъ быть!» махалъ онъ рукою, — и переночевавъ въ этой горной долинѣ па открытомъ воздухѣ, при свѣтѣ полной луны, мы на другой день, 12 июня утромъ, направились изъ предѣловъ горъ къ рѣчкѣ Кунджу, гдѣ мы расчитывали встрѣтить, между прочимъ, киргизскихъ музыкантовъ.

Насъ приняли въ аулѣ, хотя и бѣдномъ, радушно, и весь народъ заранѣе высыпалъ встрѣтить насъ.

Вотъ мы стали лежать въ аулѣ въ ожиданіи слѣдующаго дня (когда должны были начаться поминки (ас) по богатомъ киргизѣ и на которыхъ мы рѣшили Ѳхать), предаваясь разговорамъ, яденію баранины, купанью и пр.; отъ жары клонило сильно ко сну, и порядочно спали.

«Кандидать» и въ чужомъ аулѣ чувствовалъ себя по обыкновенію хозяиномъ; послѣ чая и Ѳды, собравшись спать и снявъ обувь, онъ обратился къ находившемуся въ кибиткѣ киргизенку со словами! «эй, бала, кель манда!» (малый, подойди сюда), показалъ ему на свои ноги и велѣлъ чесать ихъ. Малый безпрекословно подошелъ и началъ тереть и жать ноги кандидата, который, закрывши глаза, вкушалъ удовольствіе и не оставлялъ при этомъ руководить малаго. Когда я невольно засмѣялся отъ такой неожиданности, кандидатъ, открывши глаза, полукосо и какъ бы недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня.

Жарь палиль, на воздухѣ было зноино, въ кибиткѣ душно и темно; достаточно было выйти на 5 минутъ, чтобы почувствовать почти обжогъ на лицѣ и шеѣ; платье быстро нагрѣвалось; животные, лошади, коровы, сбились отъ жары въ кучки, головами внутрь, и понуро стояли, обмахиваясь хвостами. Лишь къ вечеру купанье и чаепитіе облегчило жару.

Вечеромъ, когда въ кибиткѣ было уже темно, огня не зажигали и просвѣчивалъ лишь свѣтъ взошедшей луны, я и кандидатъ лежа разговаривали.

Свообразная и крупная физіономія «кандидата», Маштія занимала меня и невольно хотѣлось проникнуть во внутренній душевный строй его.

Видя, что Маштій, киргизъ 64 лѣтъ, безъ видимаго обремененія совершаєтъ верхомъ довольно большое путешествіе, весель и нерѣдко смеется, терпѣливо выжидаетъ времени нашего выѣзда изъ аула, я спросилъ его черезъ переводчика:

- Кандидатъ, бываетъ ли тебѣ когда нибудь скучно?
- Зачѣмъ скучно? — отвѣтилъ онъ, намъ скучно не бываетъ, у насъ вѣдь заботы есть, скота у меня много.
- А не бываетъ ли тебѣ тоскливо когда нибудь?
- Зачѣмъ тосковать? Слава Богу, скотъ у меня есть, чего же мнѣ больше?
- А если бы у тебя скота не было, тосковалъ ли бы тогда?
- Тогда тосковалъ бы.
- А если бы у тебя былъ скотъ, жена, а дѣтей не было, тосковалъ ли бы?
- Тосковалъ бы; какъ безъ дѣтей? когда дѣти есть, весело бываетъ жить и смотрѣть на нихъ.
- А если бы у тебя былъ скотъ, были дѣти, а не было жены, тосковалъ ли бы ты?
- Нѣть не тосковалъ бы, — коротко отвѣтилъ онъ, — зачѣмъ мнѣ баба, если она дѣтей не рожаетъ? Такую бабу мнѣ даромъ не надо.
- По поводу его преклонныхъ лѣтъ я спросилъ Маштія:
- А скоро ли собираешься умирать, кандидатъ?
- Помру, когда Богъ смерть пошлетъ; когда помру, этого не знаю.
- Страшно помирать?
- Страшно, какъ не страшно, не знаешь, куда попадешь.
- Часто ты думаешь о смерти?
- Старый человѣкъ только и думаетъ о смерти, и днемъ и ночью думаетъ о ней. Что ты спрашиваешь меня, когда я помру? развѣ русскіе знаютъ, когда придется помирать? Развѣ не Богъ посыпаетъ смерть, когда захочетъ?
- И они не знаютъ, когда смерть придетъ, отвѣтилъ я, въ нашихъ книгахъ прямо сказано, чтобы мы бодрствовали постоянно, потому что неизвѣстно, когда Богъ придетъ и пошлетъ смерть?

— Друсь (т. е. вѣрно), отвѣтилъ мнѣ кандидатъ. Послѣдовало продолжительное молчаніе. Мы по прежнему лежали и каждый думали свое. Въ дверь и сквозь кибиточные рѣшетки виднѣлись поле и горы, освѣщенные прозрачнымъ свѣтомъ луны.

— Вотъ русскіе, неожиданно прервалъ молчаніе кандидатъ,—такой умный народъ, такъ много сдѣлали всякихъ изобрѣтеній, улучшеній, такъ хорошо живутъ, а что же до сихъ поръ не признали пророка Магомета?

Подобное заключеніе предыдущаго разговора было такъ неожиданно и своеобразно, что я засмѣялся и только послѣ этого отвѣтилъ:

— Зная раньше христіанство, нельзя принять магометанство.

Вопросъ моего собесѣдника весьма характеристиченъ и показываетъ, въ какой степени успѣло вкорениться въ киргизахъ магометанство. Впрочемъ, это — невозмутимость невѣдущихъ, а не то фанатичное, слѣпое упорство, съ какимъ отстаиваютъ и проповѣдуютъ свою религию татары.

Такая увѣренность въ превосходствѣ своей религіи у киргизъ — дѣло татарской пропаганды.

— Магометь послѣдній пророкъ и Богъ сказалъ съ нимъ свою послѣднюю волю, какъ его не признаете? тономъ, не допускающимъ возраженія, сказалъ «кандидатъ», хотя онъ былъ совершенно неграмотный киргизъ; послѣ этого повернулся на бокъ и заснулъ.

Ни сомнѣній, ни терзаній, ни скуки жизни,—все было уравновѣшено въ этой могучей, рожденной властвовать и повелѣвать, натурѣ.

Мнѣ тогда же рассказывали, какъ однажды Маштій прекратилъссору между нѣсколькими волостями изъ-за земли: спорившіе раздѣлились на два лагеря и готовы были перейти въ междуособie; помощникъ уѣзднаго начальника ничего не могъ сдѣлать и обратился къ Маштію, славившемуся искусствомъ разрѣшать споры. Маштій явился къ собранію спорившихъ, разспросилъ, въ чемъ дѣло, и быстро сообразивъ, началъ такую рѣчь: на той сторонѣ, которая не соглашается на уступки, коноводы тѣ-то и тѣ-то; одинъ изъ нихъ сынъ такого-то киргиза, со-сланного за убийство въ Сибирь, у другого отецъ сидѣлъ въ острогѣ за воровство, отецъ третьаго уличенъ въ мошенничествѣ; поэтому предлагаю составить протоколъ, что они смущаютъ больше всѣхъ народъ и и что они дѣти такихъ-то, и представить начальству».

Толпа, а особенно тѣ, родословную которыхъ «кандидатъ» разоблачили, какъ только услышали такое предложеніе, немедленно же закричали «нѣть, не надо протокола», и согласились на всѣ уступки; когда Маштій нѣкоторое время настаивалъ на своемъ, изобличенныя

имъ лица даже плакали, прося его отказаться отъ протокола; такъ Маштій уладилъ дѣло къ удовольствію властей.

У рѣчки Кунджду мы были привлечены большими собраниемъ киргизъ, по другую сторону Мугоджаръ ожидались поминки (такъ наз аѣсъ) по богатому киргизу Иргискаго уѣзда.

«Кандидатъ» хотѣлъ было проститься здѣсь со мною, такъ какъ онъ исполнилъ приказаніе Темирскаго уѣзднаго начальника, доставилъ меня до горы Айрыкъ, и я заплатилъ ему уже за труды и далъ свою карточку на память; но кандидатъ передумалъ, сказалъ, что скоро ему разставаться со мною, что хочетъ передать меня въ надежные руки, и поѣхалъ на поминки, хотя стѣснялся своей дорожной, а не праздничной одеждой.

Мы перевѣзжали Мугоджарскія горы, и навстрѣчу намъ попадались красивыя, горныя вечернія картины.

Послѣ двухъ, трехъ часовъ ѿзды мы перевалили горы и спрашивали во встрѣчныхъ аулахъ, гдѣ мѣсто поминокъ. Намъ указали, и поѣздъ нашъ понесся еще скорѣе, чтобы съ шикомъ подѣхать къ мѣсту, гдѣ мы должны были встрѣтить множество киргизъ.

Мы подкатили къ кибиткѣ на небольшой горѣ; кругомъ тѣсились много конныхъ киргизъ, и у входа я поздоровался съ двумя высокими, съ длинными бородами, пожилыми киргизами, богато одѣтыми,—это были распорядители поминокъ.

Съ пригорка вокругъ раскрывалось весьма красивое зрелище: въ долинѣ полукругомъ были поставлены до 125 кибитокъ, на берегу протекавшей рѣчки ярко свѣтились въ наступившей полутемнотѣ болѣе 30 костровъ, на которыхъ варились кушанья; все пространство было оживлено народомъ и стадами. Собralось киргизъ до 2000 человѣкъ.

Для насъ, какъ почетныхъ гостей, устроили вечернее угощеніе; пришелъ и распорядитель поминокъ—богатый киргизъ Чуланъ Карагуловъ.

Начались по обычаямъ оживленные разговоры и часто обращались съ фразами къ „кандидату“, но послѣдній держалъ себя въ этотъ разъ необычно: онъ былъ серьезенъ, отвѣчалъ солидно, видно было, что стѣснялся своей простой одежды, тогда какъ онъ такой уважаемый киргизъ и располагаетъ достаткомъ.

Спустя нѣкоторое время, распорядитель Чуланъ Карагуловъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „вотъ этотъ Маштій—почтенный человѣкъ, у насъ прежде бывали батыри, которыхъ зналъ и уважалъ весь народъ и которые большія дѣла совершали;— и онъ былъ бы у насъ батырь, если бы не русскіе „владѣли нами“.“

— Вѣрно, вѣрно, подтвердили эти слова всѣ присутствовавшіе и хвалили Маштія.

Послѣдній оставался скроменъ, какъ подобаетъ истинному величію.

Ему и на этихъ поминкахъ выпалъ случай доказать свое искусство примирять враждующихъ.

Когда мы послѣ этого лежали въ кибиткѣ и вели разговоры, спасаясь отъ жары (въ числѣ гостей были писарь Усыль-Каринской волости Актюбинскаго уѣзда и одинъ обруссѣвшій кирзисъ), вдругъ послышались крики среди кибитокъ; мы поднялись и пошли смотрѣть, въ чёмъ дѣло; говорили, что случилась драка среди киргизъ и дѣйствительно, съ высоты холма мы увидѣли въ центрѣ кибитокъ большую толпу конныхъ киргизъ; въ большомъ смятеніи двигавшуюся туда и сюда. Произошла ссора между паѣхавшими гостями, какъ рассказывали, изъ-за чашки мяса.

Два киргиза заспорили изъ-за чашки и подрались, за каждого изъ нихъ вступились родственники, а за тѣмъ и дальнѣйшіе родичи; вначалѣ киргизы дрались нагайками, а когда мы стали смотрѣть съ высоты холма, они раздѣлились на три партіи и, какъ бы приготовляясь къ сраженію, разъѣхались въ разныя стороны; зрѣлище было эфектное; одна сторона хлынула вонъ изъ круга кибитокъ на тотъ холмъ, гдѣ мы стояли и азартно стала тараторить между собою; но вотъ послышались голоса, требовавшіе въ третейскіе суды моего проводника, моего «кандидата».

Маштій съ самодовольной усмѣшкой сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ центръ кибитокъ; за нимъ тронулась вся партія киргизъ, выѣхавшихъ на холмъ.

Маштій скрылся въ толпѣ киргизъ и долгое время не возвращался.

По состоянію картины, по ослабленію возбужденія можно было предполагать, что драки не будетъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени возвратился Маштій и говорилъ, что примирилъ спорившихъ, хотя другое почему то отрицали его заслугу въ данномъ случаѣ, рассказывали, что киргизы сами собой примирились, когда сосчитавъ численность партій, увидѣли, что онѣ почти равны и что игра свѣтъ не стоитъ: никто изъ нихъ не взялъ бы верха и поэтому не стоило начинать драки. Возбужденіе опало, и киргизы разсѣялись по кибиткамъ продолжать угощаться. Тѣмъ не менѣе кандидатъ и здѣсь явился третейскимъ судьей.

Говорятъ, что подобные схватки случаются нерѣдко среди дикихъ киргизъ разныхъ волостей и оканчиваются нерѣдко убийствами.

Разстался я съ „кандидатомъ“ на третій день поминокъ рано утромъ; задолго до разсвѣта разбудилъ онъ меня и сообщилъ, что уѣзжаетъ.

Еще наканунѣ онъ былъ скученъ, продолжительное путешествіе верхомъ на лошади и разлука съ своимъ ауломъ утомили этого батыря по рожденію и побуждали стремиться назадъ; при лучахъ ранняго разсвѣта сердечно простились мы съ нимъ и обѣщали помнить другъ друга; съ просьбой написать уѣздному начальнику о томъ, какъ провожалъ онъ меня, скрылся изъ моихъ глазъ этотъ батырь, который въ другое время предводительствовалъ бы народными полчищами и былъ бы воспѣть въ поэмахъ, а теперь безпрекословно, какъ нижній полицейскій чинъ, исполнялъ велѣнія русскаго уѣзднаго начальника, подъ часъ, можетъ быть, прихотливыя.

XIV. Народное здравіе.

Теперь скажу нѣсколько словъ о народномъ здравіи. Киргизы вообще народъ здоровый, и болѣзни не распространены среди нихъ. Есть только болѣзни, обусловливаемыя ихъ бытомъ, а именно: лихорадка, чесотка и отчасти сифилисъ.

Лихорадкой киргизы хвораютъ иногда массами, какъ я уѣдился въ этомъ самъ; распространеніе лихорадки зависитъ отъ рѣзкихъ колебаній климата весной и осенью, когда послѣ дневнаго жара наступаютъ очень холодныя ночи, также отъ кочеваній въ болотистыхъ мѣстахъ, такъ какъ болотныя озера попадаются въ области нерѣдко, и отъ другихъ причинъ; отъ рѣдкаго обмыванія тѣла киргизы весьма страдаютъ чесоткой, отъ которой они не знаютъ иногда куда дѣваться; киргизы, живущіе вблизи русскихъ поселеній, менѣе страдаютъ этой болѣзнию, потому что знаютъ, что лучшее средство отъ нея — горячая и частая баня. Хотя киргизы по магаметанскому обычай и дѣлаютъ 5 разъ въ день омовенія, но эти омовенія холодной водой ни къ чему не ведутъ.

Въ слѣдствіе сосѣдства съ русскими селеніями и значительной свободы поведенія киргизской женщины у киргизъ встрѣчается и сифилисъ, къ тому же молодые мужья считаютъ за удальство хвастаться невѣрностью передъ женами.

Имѣя высокія представленія о русскихъ, киргизы отъ каждого проѣзжающаго ждутъ вообще всякаго рода объясненій, а также и меди-

цинской помощи, признавая въ русскомъ соединеніе всякихъ специальностей; и русскій, если не удовлетворить ихъ ожиданій, рискуетъ пастъ въ ихъ мнѣніи; поэтому можно рекомендовать всякому собирающемусяѣхать къ киргизамъ и вообще инородцамъ запасаться главными медикаментами противъ общераспространенныхъ болѣзней; и сдѣлавъ это, онъ не будетъ раскаиваться, потому что не разъ удастся оказать этимъ бѣднымъ инородцамъ дѣйствительную помощь; киргизы если что и просятъ отъ русскаго, такъ это именно—лѣкарствъ (дарѣ).

Тургайская администрація уже озабочилась устройствомъ фельдшерскихъ пунктовъ въ степи, которые, встрѣтивъ сначала противодѣствие, теперь прочно привились, и какъ въ началѣ киргизы упорно отказывались прививать оспу, такъ теперь толпами приходятъ за этимъ къ фельдшерскимъ пунктамъ, представляющимъ изъ себя туже кибитку киргизскую и кочующимъ вмѣстѣ съ ауломъ.

Но у киргизъ существовали издавна и существуютъ собственные лѣкари-знахари, изъ которыхъ одни лѣчать обыкновенными средствами, другіе — съ помощью призыва духовъ; эти послѣдніе лѣкари называются баксы и представляетъ такое любопытное явленіе въ киргизской жизни, что о нихъ стоять сказать нѣсколько словъ.

XV. Баксы.

Баксы-кудесники, волхвующіе по стариннымъ языческимъ обычаямъ.

Это — тѣ же шаманы нашихъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ: остяковъ, домановъ, юраковъ и самойдовъ, какъ известно, обладающіе даромъ непосредственнаго общенія съ духами.

Они гадаютъ, лѣчать, ухаживаютъ за сумасшедшими и производятъ различные чудеса; процвѣтали особенно раньше, когда не было докторовъ.

Много необыкновенныхъ и почти сказочныхъ разсказовъ существуетъ о нихъ, между прочимъ, и въ литературѣ о киргизахъ, но я передамъ только тѣ изъ нихъ, которые пришлось самому слышать на мѣстѣ.

Чтобы производить чудеса, баксы должны привести себя въ возбужденіе, ради чего онъ играетъ на кобызѣ, двухструнномъ, смычковомъ инструментѣ (о немъ я буду говорить далѣе) и постепенно болѣе и болѣе оживляется; при этомъ онъ пѣпіемъ призываетъ на помощь пророка и всѣхъ святыхъ.

Здесь мы видим смешение двухъ вліяній: съ одной стороны баксы—явление языческаго быта, съ другой стороны они подъ вліяніемъ мусульманства призываютъ пророка и святыхъ.

Когда онъ приходитъ въ неистовство, то можетъ гадать и волховать, лизать раскаленное желѣзо безъ вреда; можетъ будто бы вонзать въ свое тѣло ножъ и вынимать съ другой стороны, напр. воткнуть въ одинъ бокъ, а вынуть вмѣстѣ съ рукояткой изъ другого; но онъ и другихъ заставляетъ вбивать ножъ въ свою грудь; показавшуюся кровь онъ проглатываетъ; нѣкоторое время онъ ходить съ ножомъ въ груди, конецъ котораго виднѣется на спинѣ, затѣмъ вынимаетъ его; можетъ взбираться на самый верхъ кибитки и свѣситься оттуда внизъ головой, держась только пальцемъ ноги; иногда возьметъ онояшется одинъ разъ веревкой и концы ея даетъ тянуть изъ всѣхъ силъ нѣсколькимъ человѣкамъ; эти послѣдніе затянутъ такъ сильно, что талия кудесника дѣлается не толще кисти руки, а баксъ ничего не дѣлается, или раскалять до красна желѣзную плиту и онъ станетъ на нее босыми ногами, ноги зашипѣть подъ нимъ, точно жарятся, а баксъ ничего не дѣлается.

Однажды въ присутствіи киргизскаго уѣзднаго начальника баксы воткнулъ себѣ въ ротъ ножъ, такъ что конецъ его былъ виденъ съ другой стороны, на шеѣ; полилась въ небольшомъ количествѣ кровь, народъ (русскіе), особенно женщины, въ страхѣ разбрѣжались; уѣздный начальникъ, давши 15 руб., приказалъ ему прекратить зрѣлище; тогда баксы вынулъ ножъ обратно; въ подобныхъ случаяхъ у баксы кровь течетъ слегка, и стоитъ ему только вытереть рукой мѣсто, откуда течетъ кровь, какъ она пріостанавливается.

Баксы все время остается въ разсудкѣ и отвѣчаетъ на всѣ вопросы постороннихъ; въ возбужденномъ состояніи онъ разсказываетъ въ подробностяхъ ходъ болѣзни, отчего она, какое будетъ ея теченіе, какъ кончится, излѣчима она или нѣтъ, какія средства надо употреблять и т. п., иногда самъ даетъ средства.

Въ такомъ состояніи глаза баксы дѣлаются страшными и смотрять такъ пронзительно, что нельзя вынести ихъ взгляда и хочется смотрѣть въ сторону.

Иногда баксы заговориваетъ самый кобызъ и заставляетъ его стоять прямо, на доскѣ, хотя форма кобыза (его кузовъ) не позволяетъ этого.

Быль будто бы случай, когда баксы очаровалъ присутствовавшихъ и заставилъ ихъ видѣть въ срединѣ себя озеро, въ которомъ плавали золотыя рыбки; баксы велигъ каждому поймать по рыбѣ; когда они поймали, озеро и рыбки пропали, а въ рукахъ присутствовавшихъ оказалась зола.

Откуда такія чудодѣйственныя силы у баксы, киргизы объясняютъ тѣмъ, что ему помогаетъ нечистая сила, діаволь (джинъ-бѣсъ или шайтанъ-сатана), большею частью такъ называемый ак шайтанъ (бѣлый сатана); есть и кара-шайтанъ (черный сатана), но этотъ шайтанъ не помогаетъ.

Чтобы быть баксъ, необходимо, по ихъ словамъ, чтобы въ человѣка вселилось 1000 духовъ (джиновъ). Ипогда баксы явно шарлатаны и насилиуютъ женщинъ во время лѣченія.

Число баксы сократилось въ настоящее время: съ одной стороны законъ запрещаетъ заниматься шамалствомъ со временеми издания новаго степнаго положенія для киргизъ 1868 г., и появившіеся въ степи доктора особенно возстаютъ противъ баксъ; съ другой стороны муллы проповѣдываютъ, что шаригатъ (духовный законъ мусульманъ) запрещаетъ гадать, и прямо говорять, что грѣшино обращаться къ баксамъ за помощью, и киргизы эти гаданія и чудеса баксъ считаютъ за грѣхъ: Богъ де запрещаетъ узнавать будущее, будущее знали только пророки, которыхъ больше пѣть и не будетъ, остальнымъ людямъ знать будущее не слѣдуетъ, поэтому если баксы предсказываютъ будущее, то это съ помощью нечистой силы.

Теперь баксы проживаютъ гдѣ нибудь вдали отъ властей и тайно занимаются своимъ искусствомъ. Это тѣ же наши волхвы, гадальщики и т. п. Имъ не вѣрятъ теперь и сами старики киргизы и гоняютъ ихъ изъ своихъ ауловъ: законъ не велитъ, шаригатъ запрещаетъ.

Въ Бистамакской волости Актюбинскаго уѣзда Тургайской области, въ 1882 г. одинъ баксъ подвергся поруганію и всеобщему осмѣянію.

Одинъ киргизъ, пе вѣря баксъ и желая испытать его, притворился больнымъ, велѣлъ женѣ постелить себѣ въ кибиткѣ постель какъ больному, заохалъ, застоналъ, поставилъ около себя чашки съ водою, какъ бы для утоленія жажды и велѣлъ женѣ позвать баксъ. Баксъ, молодой киргизъ, красивый изъ себя, пришелъ, сталъ играть на кобызѣ и, прида въ возбужденное состояніе, приступилъ къ осмотру больного: началъ ощупывать ему руки, гдѣ пульсъ, икры ногъ, бока и др. части тѣла, ощупывалъ и шедоумѣніе пе сходило съ его лица:— «что это, какъ будто у тебя нѣть никакой болѣзни?» сдѣлалъ вопросъ баксъ; больной заохалъ еще сильнѣе, баксъ опять сталъ его осматривать и опять сказалъ: «никакой болѣзни въ тебѣ нѣть», больной продолжалъ охать; тогда баксъ еще поигралъ на кобызѣ и объявилъ: «нѣть, маленькая болѣзнь въ немъ есть, надо его полѣчить;» только лишь онъ принялъся за лѣченіе, какъ мнимый больной вскочилъ и, закричавъ баксъ: «обманщикъ»,

началь жестоко бить его ногайкой (камчё), толкая вонь изъ кибитки, самый кобызъ его схватить и изломать въ кусочки; поруганный баксы съ тѣхъ поръ такъ и пропалъ куда-то.

Много говорилъ народъ по этому случаю и смѣялся.

Такъ слабѣть въ немъ вѣра въ силу баксы.

Многое изъ того, что рассказываютъ о баксахъ, кажется маловѣроятнымъ, но лица, передававшія мнѣ, увѣряли рѣшительно, что всѣ эти разсказы дѣйствительность; въ числѣ этихъ лицъ были русскіе, заслуживавшіе довѣрія, въ томъ числѣ, напр. уѣздный начальникъ. Несомнѣнно, что здѣсь имѣютъ мѣсто разнаго рода мало изслѣдованные способы психическаго воздействиа и изслѣдоватъ постѣдніе, насколько они присущи баксамъ, было бы интересной задачей.

Я очень хотѣлъ увидѣться съ баксы, но это мнѣ не удавалось, такъ какъ ихъ теперь уже мало; я былъ радъ, когда пашель и купилъ музыкальный инструментъ баксы — кобызъ; а черезъ нѣсколько времени доѣхалъ было до самаго баксы (былъ въ 25 верстахъ отъ него) и просилъ волостнаго управителя привести мнѣ его, по посланій черезъ сутки возвратился отъ баксы съ отвѣтомъ, что во-первыхъ, у него нѣть лошади, чтобыѣхать, а потомъ, что «уже давно всѣ нечистыя силы удрали отъ него». Онъ, вѣроятно, боялся русскаго и какого-нибудь преслѣдованія и поэтому уклонилсяѣхать.

Въ числѣ представленныхъ мною здѣсь фотографій есть два снимка какъ съ самаго баксы, такъ со сцены лѣченія.

XVI. Русская просвѣтительная дѣятельность въ степи.

Большая даровитость киргизъ и способность къ культурнымъ воспріятіямъ доказываются также замѣчательными успѣхами русскаго образования среди киргизъ, о чёмъ стоить здѣсь упомянуть.

Русскія просвѣтительныя вліянія въ киргизской степи распространяются двоякимъ путемъ: путемъ дѣятельности миссіи и путемъ организаций школъ.

Православный миссіонерскій станъ въ Тургайской области учрежденъ недавно въ 1892 г. въ г. Кустанаѣ и вызванъ живою потребностью.

Русскіе переселенцы, все болѣе проникая въ киргизскія аулы и будучи обременены нуждою, попадали въ большую экономическую зависимость къ киргизамъ богачамъ и вмѣстѣ съ этимъ стали подвергаться и вліянію среды и мусульманства; забывали свои обычай и даже вѣру, становились чутъ не мусульманами.

Между тѣмъ въ степи уже съ прошлаго столѣтія ведется сильная татарско-магометанская пропаганда благодаря ошибкѣ русскаго правительства, допустившаго распространять исламъ среди киргизъ. Въ настоящее время эта пропаганда оказалась огромной помѣхой для русскаго культурнаго дѣла, и администрація самымъ серьезнымъ образомъ приходится считаться съ нею, а муллы и учителя открываютъ всюду подвижныя дешевые школы, такъ называемыя мектебѣ, путемъ которыхъ успѣшно утверждаютъ мусульманскую грамотность.

Ихъ пропаганда не оставила безъ вниманія и русскихъ поселенцевъ и тогда власти увидѣли необходимость имѣть на мѣстѣ миссіонера, который объѣзжалъ бы русскія семейства, въ одиночку разсѣянныя по ауламъ и утверждалъ ихъ въ правилахъ вѣры и русскихъ обычаяхъ. Въ лицѣ миссіонера свящ. о. Соколова кусталайскій стань съ успѣхомъ исполнялъ свое назначеніе и уже насчитывается до 50 чел. крѣщеныхъ имъ киргизъ.

Проповѣдь ведется, конечно, путемъ лишь убѣжденія и въ духѣ кротости и братства къ инородцамъ, причемъ русскимъ поселенцамъ внушиается чтобы они жили съ киргизами мирно, честно и въ любви, сами вели хорошій образъ жизни и чтобы черезъ нихъ святилось имя Божіе въ степи.

Здѣсь высказываются тѣ начала, благодаря которымъ русская инородческая политика всегда имѣла успѣхъ,—начала терпимости, равенства, снисхожденія къ инородцамъ, которые были высказаны еще въ Соборномъ Уложеніи Алексея Михайловича 1679 г. и не разъ повторялись въ царскихъ и императорскихъ указахъ воеводамъ и губернаторамъ; если прослѣдить исторію распространенія нашихъ владѣній въ Средней Азіи, то окажется, что русское правительство постоянно держалось умѣренности, терпѣнія и снисхожденія къ инородцамъ и этимъ способомъ пріобрѣтало себѣ симпатіи народовъ, и сила вешей сама собой переходила въ руки русскихъ.

Весною 1896 г. изъ Семипалатинской или Акмолинской области бѣжали въ Китайскіе предѣлы нѣсколько сотъ кибитокъ киргизъ; по этому поводу другіе киргизы разсуждали: «Глупые наши киргизы, что бѣгутъ въ Китай. По нашей пословице—народъ русскій это ременная узда (т. е. мягкий), а народъ китайскій—желѣзная узда (т. е. твердый). У насъ всякое дѣло сначала разберутъ, а потомъ только накажутъ; а у китайцевъ безъ всякаго суда снимутъ голову». («Правосл. Благовѣстникъ» 1896 г. № 9, май).

Сказанныя начала глубоко отличали нашу политику отъ англійской: проф. Красновъ изъ своего послѣдняго путешествія рассказывалъ, что въ

Индіи за то, что онъ просто по человѣчески обращался съ Индусомъ, своимъ проводникомъ и однажды посадилъ его вмѣстѣ съ собою въ экипажъ, англійскіе семейные дома закрыли для него входъ къ себѣ.

Если въ нашей шпородческой политикѣ были ошибки и замѣшательства, то виновны въ этомъ оказывались чаще мѣстные администраторы, а не основная наша политика.

Еще успѣшиѣ русское просвѣщеніе усваивается киргизами школьнімъ путемъ. Въ Оренбургѣ въ 1896 г. напечатана книга г. Васильева «Историч. очеркъ русск. образов. въ Тургайск. обл.», въ обстоятельномъ изложеніи сообщающая весьма интересныя свѣдѣнія объ успѣхахъ русскаго образования въ степи.

На призывы русскихъ къ образованію киргизы отзывались щедрыми пожертвованіями въ сотняхъ тысячъ какъ на начальное, такъ и на среднее образованіе, и можно сказать, что образованіе Оренбургскаго края создало въ значительной степени на деньги киргизъ, что тѣмъ замѣшательнѣе, что другіе инородцы, напр., татары, упорно уклоняются отъ русскаго образования, а башкиры никогда не выказывали подобной готовности на пожертвованія.

Русскимъ просвѣтительнымъ усилиемъ въ киргизской степи почти съ самаго начала пришлось вступить въ борьбу съ татарской мусульманской пропагандой.

Татары еще со второй половины прошлаго столѣтія разсыялись по киргизской степи въ качествѣ мулль и торговцевъ и начали дѣятельную пропаганду мусульманства среди киргизъ. Правительство не препятствовало этой пропагандѣ, что было крупною ошибкою его: киргизская степь на долго была упущена для христіанской проповѣди, которая имѣла бы несомнѣнныи успѣхъ среди киргизъ-язычниковъ; вмѣсто того среди нихъ укоренилось магометанство, съ которымъ теперь серьезно приходится считаться и бороться русскому правительству какъ не только съ религіозной, но даже и политической силой.

Уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія признало было однимъ изъ самыхъ существенныхъ средствъ борьбы противъ мусульманства и укрѣпленія русскаго вліянія—распространеніе русскаго образования въ степи.

Первымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которое быть открытъ доступъ для киргизъ, является Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ, открытый въ 1825 г.

Въ 1847 г. открыта была въ Оренбургѣ фельдшерская школа, но ей не посчастливилось на первыхъ же порахъ: двое изъ поступившихъ въ школу киргизъ заболѣли и умерли: одинъ—черезъ три, другой че-

ресь 4 мѣсяца. Вѣсть о смерти ихъ быстро разнеслась по степи и была причиною того, что не только не являлось новыхъ охотниковъ поступить въ школу, но и поступившіе уже было въ нее, выбыли то по болѣзни, то по семейнымъ обстоятельствамъ. Это было первымъ доказательствомъ малой пригодности для киргизъ городскихъ школъ съ чуждой и душной для вольнаго степняка обстановкой.

Первымъ заведеніемъ, открытымъ специаально для киргизъ, была школа для киргизскихъ дѣтей при Оренбургской Пограничной Комиссіи (съ 1850 г.). Въ исторіи этой школы поразительно то, что сама русская администрація считала возможнымъ допустить татарско-мусульманскія основы воспитанія и обученія киргизскихъ дѣтей.

Во главѣ школы въ первое время ея существованія былъ поставленъ татаринъ и въ русской школѣ введено было преподаваніе для киргизъ татарского языка.

При такомъ взглядѣ на дѣло, мулла какъ мусульманскій вѣроучитель, имѣлъ громадное вліяніе на киргизскихъ дѣтей.

Лишь съ 1879 года начинается замѣтное улучшеніе школьнаго дѣла въ области.

Въ 1877—78 годахъ Окружный Инспекторъ инородческихъ школъ Катаринскій осмотрѣвъ школы области, нашелъ и доносилъ начальству, что въ нихъ происходило обученіе татарско-магометанское подъ руководствомъ татарскихъ муллъ, или, что тоже, въ нихъ открыты медресе.

Администрація пришла наконецъ, къ сознанію, что инородческое образованіе должно быть основано на русскихъ началахъ. Выразителемъ этого новаго направленія явился Н. Н. Ильминскій, который еще въ началѣ 70-хъ годовъ изложилъ свой планъ инородческаго образованія.

По мнѣнію Ильинскаго, противъ сильно распространившейся среди киргизъ татарско-мусульманской культуры можно дѣйствовать лишь образованіемъ, однообразнымъ и единодушнымъ, — путемъ открытія школъ въ укрѣпленіяхъ и аулахъ и обученія въ нихъ дѣтей, по книгамъ приспособленнымъ къ ихъ пониманію, написаннымъ на ихъ родномъ языкѣ.

Въ школѣ долженъ и въ преподаваніи и даже въ разговорѣ господствовать языкъ киргизскій, а русскій языкъ долженъ быть предметомъ изучаемымъ; главный интересъ обученія инородцевъ состоить не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ началъ и убѣжденій и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ, самъ по себѣ, имѣть второстепенное, хотя важное значеніе.

Въ духѣ взглядовъ, высказанныхъ Н. Н. Ильминскимъ, и была основана въ 1882 году киргизская учительская школа въ гор. Орскѣ,

которая затѣмъ въ 1889 году была переведена въ Оренбургъ и до настоящаго времени снабжаетъ начальными учителями киргизскую степь.

Интересно участіе киргизъ въ исторіи Оренбургской гимназіи: когда зовникоша мысль объ учрежденіи въ Оренбургѣ гимназіи, было признано праведливымъ обратиться за пожертвованіями и къ киргизамъ паравиъ и прочими жителями Оренбургскаго края. Быстро облетѣла по степи вѣсть о сборѣ пожертвованій на гимназію и вызвала въ киргизахъ живое сочувствие. Сама областная администрація не предполагала такого щильного притока пожертвованій; поступленіе ихъ превысило ожидаемую сумму почти въ три раза.

Къ половинѣ 1867 года, за годъ до открытия гимназіи оказалось, что общая сумма пожертвованій равнялась 55,936 руб. 78 $\frac{1}{4}$ коп., тогдѣ такъ помѣщеніе для гимназіи исчислено было всего въ тысячу. Собранной суммы, какъ взноса со стороны киргизъ, не было достаточно для строительства гимназіи, но генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ отдать изъ нея 25 тысячъ на устройство въ Оренбургѣ женской гимназіи, въ которой могли бы получать образованіе и дочери киргизъ. Такимъ образомъ Оренбургская мужская и женская гимназія почти всецѣло воздвигнуты на киргизскія средства при чёмъ сами киргизы сравнительно мало пользуются этими заведеніями: такъ за время съ 1869 по 1891 года мужской гимназіи учились 50 человѣкъ киргизъ, изъ которыхъ 6 человѣкъ кончили полный курсъ, а въ женскую гимназію до настоящаго времени не поступало ни одной киргизской девочки.

Также и Троицкая гимназія въ Оренбургской губерніи воздвигнута при значительномъ содѣйствіи киргизъ.

Кстати два слова объ университетскомъ и гимназическомъ образованіи киргизъ. То обстоятельство, что за время съ 1869 по 1891 годъ изъ 50 человѣкъ киргизъ, обучавшихся въ Оренбургской мужской гимназіи, кончило курсъ только 6 человѣкъ, а изъ всѣхъ киргизъ не только бургайской, но и другихъ областей, обучавшихся въ университетахъ съ 1877 г. по 1891 годъ окончило курсъ лишь 6 человѣкъ и затѣмъ большинство сдѣлались чиновниками даже вѣкъ киргизскихъ предѣловъ, какъ это видно изъ таблицы въ рассматриваемой книѣ (стр. 144)—это обстоятельство указываетъ на не пригодность гимназического и университетского образования для киргизъ; образовывая инородцевъ, мы должны имѣть цѣлью, чтобы они, получивъ образованіе, сдѣлались полезными бѣятелями и просвѣтителями среди своего же племени, а не то, чтобы превращались въ русскихъ чиновниковъ, которыхъ у насъ и безъ того много.

Вообще тотъ типъ интеллигента, который вырабатываютъ наши учебныя заведенія, мало пригоденъ къ условіямъ киргизской среды, и поэтому многіе сожалѣютъ о прежней школѣ для киргизскихъ дѣтей, закрытой со времени основанія Оренбургской гимназіи, которая во многихъ отношеніяхъ была приспособлена къ потребностямъ киргизской жизни.

XVII. Аульные школы.

Въ исторіи русскаго образованія въ Турагайской области слѣдуетъ отмѣтить какъ самое важное явленіе организацію совершенно нового типа школъ—аульныхъ подвижныхъ школъ, крайне отвѣчающихъ условіямъ кочевого быта. Мотивами къ созданію этого типа школъ были слѣдующія обстоятельства: 1) Сознаніе дороживынъ прежнихъ школъ при уменьшившихся средствахъ на образование; 2) неудобство для кочеваго быта школъ, пріуроченныхъ къ одному пункту, въ силу чего киргизскія дѣти плохо привыкали къ неподходящимъ для нихъ условіямъ обученія; 3) большая распространенность въ степи татарскихъ не затѣйливыхъ школъ—мектебе, преимущество которыхъ было въ ихъ непрѣкращенности къ одному мѣсту.

Эти туземныя школы—мектебе и послужили первообразомъ для подвижныхъ аульныхъ школъ.

Стоимость ежегоднаго содержанія такой школы исчислено въ 324 руб.

Аульные школы быстро привились къ киргизскому быту; къ 1 января 1896 года ихъ числилось до 35, а въ теченіи настоящаго года составленъ рядъ приговоровъ сельскихъ обществъ объ открытии новыхъ школъ.

Аульная школа представляетъ весьма любопытное зрѣлище. Внѣшне представляя ту же кибитку, какъ и другія жилища киргизъ, она и внутри имѣеть оригинальное устройство: посреди нея стоять одинъ или два длинныхъ низкихъ деревянныхъ стола, похожихъ на широкія скамейки; кругомъ разостланы ковры, на которыхъ около стола размѣщаются киргизскія дѣти во время ученія, опустившись на колѣни и откинувшись корпусомъ на пятки; книги лежать на столѣ; когда учитель-киргизъ изъ окончившихъ курсъ Оренбургской киргизской учительской школы вызываетъ ученика, послѣдній поднимается съ пятокъ, но остается на колѣняхъ и въ такомъ видѣ отвѣчаетъ; школьніки не носятъ тюбетеекъ и отпускаютъ себѣ волоса, это первое отличие ипородца-ученика русской школы.

Для посторонняго посѣтителя бросается въ глаза вниманіе и усидчивость, съ какими занимаются киргизята въ аульныхъ школахъ даже лѣтомъ; естественная дисциплина въ школѣ царить сама собою, безъ усилий со стороны учителя; учащіеся отвѣчаютъ толково, а нѣкоторые уже правильно читаютъ по русски.

Желаніе учиться у киргизскихъ дѣтей на столько велико, что даже лѣтомъ не тяготятся они заниматься, и прежніе случаи побѣговъ киргизскихъ дѣтей съ началомъ весны изъ городскихъ и вообще не подвижныхъ школъ надобно объяснять не ихъ нерасположеніемъ къ ученію, а не приспособленностью прежнихъ школъ къ киргизскимъ навыкамъ.

Когда школа была перенесена внутрь киргизской среды, киргизы обнаружили явную приверженность къ ученію, и случаи побѣговъ изъ школы уже не повторялись. Ученье лѣтомъ въ аульныхъ школахъ происходитъ, между прочимъ, потому, что каникулярными мѣсяцами припяты для этихъ школъ апрѣль и сентябрь, когда киргизы перебираются съ зимовокъ на кочевки и обратно, и вести ученье тогда не возможно.

Аульные школы представили изъ себя явленіе на столько удачное, что обратили на себя вниманіе въ сосѣднихъ областяхъ: такъ степной генераль-губернаторъ фонъ-Таубе въ 1891 году просилъ военного губернатора Тургайской области сообщить ему подробная свѣдѣнія объ этихъ школахъ. О томъ же просилъ въ 1896 году и губернаторъ Акмолинской области.

Въ 1894 году Министерство Финансовъ возбудило вопросъ о введеніи аульныхъ школъ въ Уральской области въ виду дорогоизны существующихъ тамъ школъ.

Можно съ большимъ вѣроятіемъ ожидать распространенія этого типа школъ вообще среди кочевыхъ народностей и предсказывать имъ большую будущность.

Такимъ образомъ Тургайская область въ отношеніи народного образования занимаетъ передъ другими киргизскими областями передовое положеніе и неѣтъ ничего невѣроятнаго если въ недалекомъ будущемъ въ Тургайской области осуществится повсемѣстное обученіе.

XVIII. Заключеніе.

Отлагая сообщеніе о музыкѣ и пѣсняхъ киргизъ на вторую часть отчета, въ заключеніе позволяю себѣ изложить тѣ послѣднія впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ поѣздки въ степь, возвращаясь въ Оренбургъ въ іюль мѣсяца.

Оставивъ киргизскую степь, я ѿхалъ послѣдніе 70 верстъ передъ Оренбургомъ русскими хуторами и нѣмецкими колоніями; на пространствѣ этихъ 70-ти верстъ въ теченіе одной ночи мнѣ пришлось видѣть и сравнить три культуры: культуру, если такъ можно сказать,—киргизскую, русскую и нѣмецкую.

Я выѣхалъ изъ послѣдней киргизской станціи подъ вечеръ. Дорога лежала среди слегка холмистой степи, среди свободныхъ еще, незапятыхъ полей; кругомъ было разлитъ живительный степной воздухъ; на западѣ горѣла ясная заря, а па другой сторонѣ небосклона уже показывалась луна; только звонъ колокольчика и оклики моего ямщика оглашали степное безмолвіе, да изрѣдка попадались подводы крестьянъ и казаковъ. Была теплая, ясная лунная ночь, когда мы около полуночи добрались до русского хутора на рѣчкѣ Донгузъ.

Среди лунного полумрака хуторъ казался мнѣ благоустроеннымъ, зажиточнымъ, и я думалъ отдохнуть часть ночи какъ слѣдуетъ. Вхожу въ избу: спертый воздухъ пизенъкіе потолки произвели первое впечатлѣніе. Сонныя мухи въ безчисленномъ количествѣ покрывали столъ, окна, образа и не беспокоились свѣтомъ лампы. Обитатели уже спали, и одинъ сынъ хозяина встрѣтилъ меня. Я попросилъ приготовить самоваръ. Пока онъ шумѣлъ и успѣлъ надымить въ избѣ, я разговаривалъ съ хозяиномъ:

- Откуда вы переселились?
- Изъ Тамбовской губерніи.
- Какъ вамъ живется на новыхъ земляхъ?
- Да ничево, только срокъ аренды кончается въ этомъ году, не знаемъ, оставить-ли нась на мѣстѣ, хозяинъ земли.
- Есть ли у васъ грамотные?
- Да у нась въ роду не было грамотныхъ.
- А что это у васъ такие низкие потолки? Вѣдь воздуха мало.
- Ничево, теплѣе когда ниже-то.
- Клопы, тараканы у васъ водятся?—спросилъ я, осматривая грязныя стѣны.
- Нѣть, эти нечисти не водятся, слава Богу.

Я успокоился, расчитывая ночь провести спокойно. Послѣ чая я прилегъ на лавкѣ; кругомъ раздавалось сопѣніе спящихъ.

Но черезъ нѣсколько минутъ я почувствовалъ такія сильные и дружные укусы, что понялъ, что отъ сна надо отказаться. Я обратился къ хозяину съ вопросомъ — какъ же ты говорилъ что нѣть насѣкомыхъ у васъ? А блохъ-то сколько?

— «Этого-то есть грѣхъ, водится, а чтобы клопы—этова нѣть», Богъ милостивъ».

Пробовалъ было я сидя въ другомъ мѣстѣ подремать; но дремоту не разъ разгонялъ отчаянныи крикъ ребенка, съ которымъ мать возилась и не знала что дѣлать: то начинала убаюкивать, то шептать молитву «Господи Иисусе Христе, да что это приключилось съ тобой, голубчикъ мой маленький? вотъ уже вторую недѣлю ты не даешь покою ни мнѣ, ни себѣ. Либо сглазилъ тебя, либо чево»... Ребенокъ не внималъ и продолжалъ кричать». Послѣ разспросовъ я убѣдился, что ребенокъ страдалъ диссентеріей, которая была нынѣшнимъ лѣтомъ въ русскихъ селеніяхъ въ степи. Ребенокъ утихъ было, временная тишина воцарилась въ избѣ. Неподалеку лежалъ парень. Вдругъ ребенокъ опять закричалъ, тѣже оханья и причитанія матери. Парень наконецъ, обратился къ ней: «Слушька», а отъ этова лѣчать.

— А, вотъ што,... а какъ лѣчуть-то?

— Да такъ, бабы, сказываютъ, лѣчуть,... мамынька моя знаетъ... подоломъ што-ли, накрываютъ...

Мать промучилась ночь, такъ же и я насилиу дождался разсвѣта и радъ былъ побѣхать далѣе. Около шести часовъ утра я остановился въ нѣмецкой колоніи напиться чаю. Другія впечатлѣнія ждали меня. Дома высокіе, чистые, хотя сдѣланы изъ того же материала. Вхожу: семья сидитъ за чаемъ и слушаетъ чтеніе, оказывается одинъ изъ присутствовавшихъ читалъ псаломъ. Спрашиваю: всѣ ли у васъ грамотны?

— Нѣть, только двое знаютъ по русски, отвѣтили мнѣ, я переспрашиваю: всѣ ли вы знаете нѣмецкую грамоту.

— А, нѣмецкую грамоту всѣ знаемъ.

— Земля собственная или наемная!

— Собственная.

Грустныя сравненія получались изъ всего видѣннаго за эту ночь; въ то время какъ у русскихъ на хуторѣ въ роду не было грамотныхъ, у нѣмцевъ всѣ образованы; жилища какъ и киргизъ такъ у русскихъ и нѣмцевъ построены изъ одинакового материала—земляного кирпича, но какая разница: у киргиза землянка почти разваливается, съ трещинами, у русскихъ — хотя безъ трещинъ и теплая, но также кривая, косая и тѣсная, у нѣмцевъ же настоящія высокія, чистый и свѣтлый домъ; здѣсь же по близости построено прекрасное помѣщеніе для школы. Какъ различно можно пользоваться однимъ и тѣмъ же материаломъ.

Печально думалось о русской женщинѣ, представительницѣ той господствующей націи, которая хочетъ вносить просвѣщеніе въ инород-

ческую среду; хотя она поминала «Господи Иисусе Христе» и принадлежала къ вышней религії, а киргизка вздыхает со словами «Алла», но разницы между тою и другой въ отношеніи умственного и нравственного состоянія не замѣчалось: обѣ были одинаково темны и безпомощны.

Рождалась мысль: да можетъ ли эта господствующая нація вносить свѣтъ просвѣщенія къ инородцамъ, когда она сама такъ темна, убога въ своемъ развитіи? И соответствуетъ ли ей тотъ престижъ, которымъ она пользуется? Ей самой надо просвѣщать и просвѣщать себя...

Но не дадимъ мѣста грустнымъ мыслямъ, а будемъ питать себя лучше надеждами...

И теперь да позволено будетъ мнѣ высказать слѣдующее желаніе. Если мы для ипородцевъ, въ томъ числѣ киргизъ, устроили образованіе на такихъ прекрасныхъ основаніяхъ, и если отъ продолженія этого дѣла ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отказываться, то не забудемъ и себя... Пусть будетъ извѣстно напимъ обезпеченнымъ классамъ, чѣмъ быть силенъ исламъ, съ которымъ приходится намъ считаться теперь и чѣмъ распространялъ онъ свое образованіе: у мусульманъ считалось и считается прямо богоугоднымъ дѣломъ отказывать по завѣщанію или жертвовать большія суммы на устройство школъ при мечетяхъ, такъ называемыя медрессѣ.

Есть еще убѣдительный примѣръ: въ Соединенныхъ Штатахъ среди богатыхъ людей существуетъ благородное соревнованіе въ устройствѣ образовательныхъ предпріятій на пользу народа. Пожелаемъ же, чтобы было больше у насъ общественного вниманія къ нуждамъ образованія.

C. Рыбаковъ.

15-го марта 1897 года.

ОТДЕЛЪ II.

Материалы по наречиямъ инородцевъ Анадырского округа, собранные Н. Л. Гондатти¹⁾.

(См. выше ст. В. Ф. Миллера).

Русскія сл.	Чукчи.	Вутээнъ.	Унйынъ.	Нууканъ.
Человѣкъ.	Ораээтлянъ.	Юхъ.	Юкъ.	Юкъ.
Муштина.	Клайуль.	Юхъ.	Юкъ.	Юкъ.
Женщина.	Неусъхать.	Нахсикъ.	Арнакъ.	Арнакъ.
Мужъ.	Уэкусь.	Юхъ.	Уика.	Уика.
Жена.	Нянъ.	Нахсикъ.	Нулыхка.	Нулака.
Старикъ.	Энпнайсыхынъ.	Нанихбакъ.	Наныбакъ.	Анукаракъ.
Старуха.	Энпнэукая.	Нанирчахъ.	Арнааськуакъ.	Аралькоарафъ.
Дѣвушка.	Неусъкаткай.	Нахсъхрахъ.	Арнакъ.	Арнайракъ.
Дѣвочка.	Неэкахай.	Нахсъхрахахъ.	Арнаракъ.	Арнааранаакъ.
Мальчикъ под- ростокъ.	Аачекай.	Нукыльныч- рахъ.	Мыкыльэрэкъ.	Нукальшяракъ.
Мальчикъ.	Нинкай.	Тана.	Тарнаракъ.	id.
Ребенокъ.	Нэнэна.	Танарахъ.	Тарнохакъ.	Микиеськакъ.
Дѣдушка.	Миргынъ.	Аппака.	Аппака.	Апи.
Бабушка.	Нёу миргынъ.	Ныныока.	Ныныюка.	Ами.
Отецъ.	Этлайнъ.	Анита.	Аттака.	Аттай.
Мать.	Этлай.	Наныка.	Нака.	Ани.
Сынъ.	Экыкъ.	Нука.	Эрника.	Эринара
Дочь.	Нээкакъ.	Паника.	Паника.	Паниа.
Внукъ.	Эльтлэвокай.	Эльтыка.	Эльтувбка.	Эльторака.
Внучка.	id.	id.	id.	id.
Братъ старш.	Энээлэнъ.	Нутчикъ.	Аннынака.	Аннынака.
" младш.	Этлэны.	Унвѣка.	Уюрахка.	Уюрб.
Братъ.	Ичъамыту́м- гынъ.	'Антыка.	Англутка.	Аныльхутыка.
Сестра.	Чякѣэть.	Нукыка.	Найга.	Найхака.
Дядя съ отц. ст.	Иньдіу.	Пайнака.	Ататака.	Анэка.
" мат. ст.	id.	Кахна.	Анайга.	id.
Тѣтка.	Етчай.	Аныгыка.	Асайга.	Ачикъ.
Племянникъ.	Этлбэ.	Эльтыка.	Каныяка.	Каныяка.
Племянница.	id.	id.	id.	id.
Двоюродный брать.	Эльгытамы́ть.	Анильхутына.	Атталыхутка.	Анутэльхутыка.
Двоюродная се- стра.	Най эльгытамы́ть.	id.	id.	id.

¹⁾ Буквы со звяжками произносятся: г какъ русс. г въ словѣ «Господь»; н какъ франц. н въ словѣ «енкоре»; р какъ р съ придыханіемъ.

Русский сл.	Чукчи.	Вутээнъ.	Унынь.	Нуаканъ.
Тесть.	Маталэнъ.	Сякыка.	Сякыка.	Сякыка.
Теща.	Науматалэнъ.	id.	id.	id.
Зять.	Энтуульпиръ.	Ныныхна.	Нынаха.	Нынаха.
Шуринъ.	Аачекъ матá- лэнъ.	Сякырчека.	Сякерака.	Сякырака.
Золовка.	Нáу такáль- гинъ.	Сякыка.	Айка.	Арнáкъ такáль- гыка.
Свояченица.	Наусъхать ма- тálэнъ.	Сякырчека.	id.	Арнáкъ сякы- рака.
Если двое же- ната на род- ныхъ сест- рахъ, ихъ зо- вать.	Такáльгынъ.	Такáльгынъ.	Нулонкальхут- ка.	Такáльгыка.
Голова.	Лéуть.	Ачекахъ.	Нáськоκъ.	Налхкоκа.
Шея.	Э'тынъ.	У'кака.	Уякоκъ.	Уяконка.
Грудь.	Мáчо.	Сякымка.	Сакимака.	Чайнка.
Груди у женщ.	Лóльоть.	Мáмыхъ.	Мамакъ.	Абыйкъ.
Молоко.	Лóэрэнъ.		Итúкъ.	Итúкъ.
Животъ.	Нáхынъ.	Акыка.	Аксýка.	Акéхка.
Спина.	Кáптинъ.	Арыхка.	Аксýхка.	Кулíхка.
Рука.	Мын'йтлинэнъ.	Я'кака.	Таслихка.	Тахлика.
Нога.	'Гыткальгынъ.	И'рыка.	Эрúхка.	Эрúхка.
Макушка.	Канóткинъ.	Какихчикá.	Кахкáка.	Кахкакá.
Затылокъ.	Этóнынъ.	Тумсикá.	Тунусикá.	Тунюсюкъ.
Лобъ.	Кéртэль.	Кэнóкъ.	Кағóка.	Кэплíаратъ.
Брови.	Рýльвыть.	Мытýрьхка.	Мытýрьхика.	Каблють.
Глазъ.	Лялáльхинъ.	Итчика.	И'сыка.	И'хка.
Носъ.	Ђкаáхъ.	Кынка.	Кэнáкъ.	Кнакъ.
Носовая пере- городка.	Инчúрмынъ.	Акылина.	Нэпра́ка.	Татыка.
Щека.	Элпýтланэнъ.	Утлиничикá.	Утхломáка.	Акахка.
Ротъ.	Ђкырьгынъ.	Кáнахъ.	Кáнка.	Канакъ.
Зубы.	Рэтýнте.	Кыыта.	Хутынка.	Вутéтъ.
Языкъ.	Илмíль.	У тли.	Улóка.	Улó.
Подбородокъ.	Вуáлькалэнэнъ.	Тáмлика.	Тамлóка.	Тáмлю.
Нижняя челюст.	Вуéлькальти.	А'глика.	Аллóхка.	А'глижóкъ.
Ухо.	Вуэльбóльгынъ.	Чигýтыка.	Сiотха.	Читыхка.
Волосы на го- ловѣ.	Кыр'выйты.	Ю'өхъ.	Нёяка.	Нүять.
Коса.	Кытáльтлинэнъ.	Пе'грася.	Такúхтыка.	Пiяхáть.
Усы.	Лéлють.	У'мка.	Унахынка.	Уныть.
Борода.	Вуáлькальхýр- гытъ.	Вуáлькалир'гы- ка.	Тамлýма уна- хы.	Таллóраутын- ка.
Плечо.	Релпýльгынъ.	Э'схыка.	Туська.	Түб.
Локоть.	Кервáльтлэ- нэнъ.	Икýхка.	Икууська.	Икуйкъ.
Кисть.	Кайс'сууэанъ.	Нанчикикá.	Тайинрыка.	А'хлонъ.
Кулакъ.	Кайнмылыгынъ.	А'сихихый.	Э'хинка.	Айхатъ.
Ладонь.	Кайрэтланэнъ.	Пытныка.	Тунáрынка.	Этумить.
Палецъ.	Рылыгыльтлэ- нэнъ.	Нурáка.	Эрнувуарынка.	Айхáкъ.

Русскія сл.	Ч у к ч и .	В у т ё э н ъ .	У н э н и ъ .	Н ё у к а н ъ .
Мизинецъ.	Я́ать рыльгыль- Экалькыка.	Экалько́ка.	Акалько́къ.	
Безыменный.	Рылы́гытлэнэнъ Алёмаякыка. или омрыльгыль- тлэнэнъ.	Алянко́ка.	Аткытáрукъ.	
Средній.	Вуэлёнъ рыль- Кылько́ситака. гыльтлэнэнъ.	Атхилька.	Аткыльнинь.	
Указательный.	Эннаандэвуатыт- Тыкыка. ко рылы́гыль- тлэнэнъ.	Тыкака.	Тыкакъ.	
Большой.	Арыйльтлэнэнъ.	Кумлика.	Кумлю́.	
Котено.	Граалы́гынъ.	Чины́скыка.	Чиихко́къ.	
Звѣрь.	Гини́къ.	Трыкусикъ.	Тары́къ.	
Олень.	Коры́на.	Курнахъ.	Кони́экъ.	
Быкъ дом.	Чёмна.	Чымна.	Чёмнакъ.	
„ дикій.	Кэртра.	Кырына́.	Кырына́.	
Важенка дом.	Рёквутъ.	Нахся́хыхъ.	Арнáкъ.	
„ дикая.	Эчвёгъяхъ.	id.	Тунту́арнáкъ.	
Собака.	А'ттанъ.	Капынахъ.	Кэкомéкъ.	
Бѣлый медвѣдь.	У'мка.	Нанурахъ.	Нано́къ.	
Бурый „	Кейнынъ.	Пагкынахъ.	Кайна́.	
Волкъ.	И'на.	Канлы́ра.	Амá.	
Лисица.	Чельхрэакокъ или нэчэля- ханъ рэкбакаль- гинъ.	Ильхуа.	Кабешикъ.	
Россомага.	Кайперъ.	Капсихъ.	Капчикъ.	
Песецъ.	Э́льгаръ.	Трхэ́хыхъ.	Улýхакъ.	
Горностай.	Имчачюкъ.	Амитату́.	Амитату.	
Бѣлка.	Раулэнъ.	Раулёна.	Раулéва.	
Куница.	Кунічанъ.	Кунічча.	Капичба.	
Рѣчной боберъ.	Пэлётэнъ.	Пэлёта.	Пелóктакъ.	
Выдра.	Нэнотъ.	Нэнота.	Пэхтохсракъ.	
Евражка.	Илья́ль.	Аны́кыныхъ.	Чикикъ.	
Дикій баранъ.	Кытэпъ.	Пиэжехъ.	Пиэкъ.	
Мышь.	Пепéхалы́гынъ.	Апсинахъ.	Апчинáкъ.	
Китъ.	Рэу.	'Ахдыхъ.	'Ахбокъ.	
Бѣлуха.	Пу́ракъ.	Пу́рахъ.	Пу́узакъ.	
Моржъ.	Рырки.	Айбыхъ.	Айбокъ.	
Лахтакъ.	'Унналь.	У'учихъ.	Махлакъ.	
Нерпа-мандарк.	Мэмэль.	Альмийтлахъ.	Нахся́къ.	
„ пестрая.	Кэллэнъ.	Катчийахъ.	Кази́гъякъ.	
„ крылатая.	Ваилька́лэнъ.	Кукупахъ (sic).	Карулэнъ.	Кукупакъ (sic).
Птица.	Эмоатла.	Капкахъ.	Каувакъ.	Кайрулэкъ.
Гусь-казарка.	'Итьить.	Капкахъ.	Лахлакъ.	Тахмёбракъ.
Савка.	'Ачэкъ.	Аалэка.	Камвакъ.	Ачэкъ.
Лебедь.	Нэркукъ.	Нэркомка.	Коыть.	Нэрку́кэнъ.
Боронъ.	Вуэтла.	'Екатлихъ.	Мытыхлюкъ.	Экаслюкъ.
Рыба.	Энэантъ.	'Ачио.	Екаслюкъ.	
Горбуша.	Э́чъечъ.	Экалипихъ.	Амакту́.	
Голецъ.	Лийныхай.	Кайнирахъ.	Икахлюпикъ.	Экалюцинъ.
Морской быкъ.	Каниольгынъ.		Каю.	Экъякъ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутээнъ.	Унынъ.	Нууканъ.
Комаръ.	Мрэнти.		Нуйнаракъ.	Нуйнуаракъ:
Оводь оленій- гусеница.	Реччуалыгынъ.		Кумагытъ.	Кумакъ.
Вошъ.	Мамэль.		Кумыкъ.	id.
Морская капу-	Мыргольгынъ.	Калькатчэхъ.	Элькуакъ.	Элькуакъ.
ста.				
Домъ.	Ярайы.	Лю.	Мантарагъ.	Мантаракъ.
Байдара.	А ттуатъ.	Аныпих	'Аньякъ.	Авякъ.
Весло.	Тэвээнá.	Анычрэта.	Ябукутъ.	Ануарунъ.
" рулевое.	Тлятэвээнá.	Акётахъ.	Акотахъ.	Акоарунъ.
" носовое.	Рарэ тэвээнá.	Иньяхытахъ.	Ибояхкотахъ.	Чибӯарунъ.
Параходъ.	Глэтъ аттуу- лэнъ.	Кумыкаю.	Кумакаютъ.	Акылэкъ.
Вельботъ.	Хай этвуэтъ.	Аньясяхъ.	Авыйвуахъ.	Кайэтвуинъ.
Нарта.	Ёрвооръ.	Камсия.	Камикъ.	Камакъ.
Передовая соба- ка въ нартѣ.	Явотъ аттанъ.	Янотата.	Марьихкопа.	Ралильгавы.
Остолъ (палка Ярына. для управле- ния нартой).		Ярынана.	Ярыната.	Ярына.
Лукъ.	Лиыръ.	Питыхся.	Орлюбакъ.	Тчай'ку.
Копье.	Онэпы.	Ибхытá.	Э'нракъ.	Унракъ.
Ружье.	Мильгэръ.	Мильгэра.	Чуфлюакъ.	Мильгэрэ.
Патронъ.	Мэакамъ.	Каатчрэхъ.	Чуфлюамъ Хора.	Хо..
Порохъ.	Пымпинъ.	Пимпина.	Харина.	А'гра.
Свинецъ.	Рапэльвунтэнъ.	Кагронахъ.	Хохкакъ.	Хохкакъ.
Олово.	Койныялькаль	Кахсийхрину	Аякаакаюкъ.	Уалихкойнинъ.
	рапэль вунтэнъ.	кагронахъ.		
Арканъ.	Чаатъ.	Япирчахъ.	Нахпинъ.	Нахапракъ.
Рыболовн. сеть.	Гинингынъ.	Игыхыхъ.	Нихахпакъ.	Кубрасюякъ.
Рыболовный крючокъ.	Черуяя.	Ихсихъ.	Нэкрукъ.	Нахсиймкуракъ.
Пологъ въ жи- лицахъ.	Ороны.	И'нглихъ.	Ивлякъ.	Аягью.
Наносный лѣсъ.	Номотоотъ.	Аниота.	Унахсикъ ты- пыхкакъ.	Унахсэкъ.
Дрова.	Вутгутъ.	Кытчихъ.	Унахсиякъ.	Унахсиякъ.
Котель.	Күкэнъ.	Кольмысыры- такъ.	Кольмыси.	Куломчи.
Чайникъ.	Пильгикуукъ.	Пильгикука или калесисирхъ.	Кайонклясикъ.	Пиргилькука.
Кружка.	Койнынъ.	Саяй кой'на.	Кайхсэкъ.	Чай коинъ.
Ножъ.	Вуалэ.	Чабикъ.	Чабикъ.	Чабикъ.
" мужской.	Рэсэтууаль.	Сибухакъ.	Таспиймикъ.	Рэсэтууалай.
" женскій.	Наанвууаль.	Кымысяхъ.	Арнамъ са- б'якъ.	Арнамъ чаб'я.
Гатка (вродъ то- порика).	Гаттэ.	Сякита.	Каюутытъ.	Каюнъ.
Аутка (чѣмъ Эннанвуузанъ.		Питмихъ.	Пысхлюкъ.	Якирагъ.
скоблятьшку- ры.				
Топоръ.	Алигатте.	Алигатха.	Калькалима.	Алигатха.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутээнъ.	Уннынъ.	Нуу坎ъ.
Пила.	Тиэльвыныа.	Тэлэнвэна.	Тлэнвээнакъ.	Капляфонъ.
Молотокъ.	Репёна.	Чипа.	Рыпа.	Рыпэ.
Моржовая кожа.	Рэпáлыгинъ.	Танпыхъ.	Танпакъ.	Амйракъ.
Лахачья „	Кольтальгинъ.	И'бычахъ.	Аттунакъ.	Аттунакъ.
Нерпичья-ман- дарки.	Тэной' гэнъ.	Тамынкыхъ.	Тымкаакъ.	Тэмкаакъ.
'Ремень лахта-	Унэчычсь- хинъ.	Уруюхъ или уучима тап- ракъ.	Аттунакъ увьеќкъ.	Маклякъ кубин- ракъ.
Моржовая зубы	Вуанкат.	Тухкаагый.	Туутыкъ.	Тухкафакъ.
Мясо.	Тэкисъхитъ.		Наккá.	
Жиръ.	Матханатъ.		Мысéкъ.	
Кость.	Аттаматъ.	Нынахъ.	Нáхкуакъ.	Ныиратъ.
Куклянка двой- Ирэнъ. ная.	Тыныга.		Аткука.	Аттыкукъ.
Куклянка верх- Гыргоча нэ- ния.	Гыргоча нэ- рынъ.	Качекутахъ.	Каслика.	Аттыкукъ ка- ликъ.
Куклянка ниж- Неуса нэрынъ.	Неуса нэрынъ.	Кытчика.	Иллюника.	Иллюэкъ.
Куклянка жен- Нэантъ нэрынъ.	Нэантъ нэрынъ.	Нахсигатыныа	Капысихакъ.	Арнамъ атты- кукъ.
Куклянка изъ Укёнчи. кишекъ.	Кыгытыхахъ.	Каликъ ахсюх-	Чуляракъ.	
Куклянка изъ Утысыхынъ. ситцу.	Маныичо	такъ.	Ратамиракъ.	Утысыхынъ.
Женская одеж- Накэръ. да.	Наклайбыкъ.		Кахлайбагъ.	Кахлюбикъ.
Нерпичьи Танойғы хо- штаны.	Танойғы хо- штаны.	Начирағы.	Кохлайгихъ.	Тэмкаакъ ку- лакъ.
Олени штаны.	Налығы хо- штаны.	Ситухлиги (sic).	Стухлюуцъ (sic)	Амикъ.
Женская штаны Мáка. мал.	Кáка.	Стихлюоцъ (sic).	Панраплайынть.	
Кожанныя тор- Кэмыэтъ. баса (обувь).	Акока.	Стухлюкъ (sic).	Ибхучикъ.	
Олени торбаса Панратлиэкътъ. (обувь).	Читухлиги (sic).	Стухлюкъ (sic).	Панраплайынть.	
Поясь.	Рычить.	Талсика.	Талсика.	Талсай.
Ожерелье на Эйнисъхынъ. шеѣ.	Эйнисъхынъ.	Үёкомура.	Үйхутака.	Я'малькокъ.
Бисеръ въ Вылыпольхитъ. ушахъ.	Наныкетары.		Копагынка.	Камкаахтать.
Бисеръ въ ко- id.	Пеграсягымы наныкетары.		Такухтымъ ако- мылькынъ.	Id.
Браслетъ.	Мынгачау.	Нанчикка (sic) ағрыта.	Танырутытъ.	Тахлиракъ.
Кольцо.	Рэлгыкунъ.	Рэлгыква.	Алянкоэтакъ.	Сильгуунъ.
Палочка въ нос.	Эмпóт тнаыр- перегородки.	Кэнампутынэй.	Нимрамъ пу- тұна.	Какибараунъ.
Бисеръ въ под- Вуамыль канá- бородкѣ.	Бородкѣ.	Э'камъ пүты- нэй.	Э'камъ путұна.	Тутакъ.
Бисеръ.	Кэлэлэтъ.	Чунамыныль- катъ.	Чунакыльты- акъ.	Чунадрыгай.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутэень.	Уныны.	Нуукаанъ.
Бусы.	Куулэлэть.	Чунахъ.	Чунакъ.	Чунакъ.
Гребень.	Мисіонэнъ.	Мичунана.	Мисіона.	Мичіонанъ.
Игла.	Титіна.	Пантахъ.	Сикокъ.	Сикокъ.
Нитка.	Б'ртрыть.	Вутлыхахъ.	Кэйпакъ.	Кэйпакъ.
Жила оленя.	Пильг'этэнъ.	Куйыхъ.	Куйхокъ.	Улі.
Наперстокъ.	Вуэлюэль.	Тыкайгахъ.	Тыкакъ.	Тыкакъ.
Трубка.	Койнинъ.	Койнинъ.	Куйна.	Койнинъ.
Табакерка.	Проткоосъхинъ.	Проткоосъха.	Пррутку.	Проткукъ.
Шкура выпо- ротка.	Кылькауиэль- гынь.	Нурахъ.	Нуракъ.	Нурахкакъ.
Шкура пыжика	Вульг'ыналь- голаго.	Вульг'ынальга.	Умыстахахъ.	Амибраракъ.
Шкура пыжика	Итнэльг'ынъ.	Тукытыхъ.	Аткахкакъ.	Макахкакъ.
Шкура съ оле- ниныхъ ногъ.	Панратъ.	Чигыхъры.	Каслюхать.	Ируть.
Шкура со ста- раго оленя.	Кэнэльгынъ или нэльгынъ.	'Амахъ.	Амекъ.	А'мекъ.
Мука.	Пингэкисъхинъ.	Ублáва.	Ублáва.	Эплáвакъ.
Чай.	Сяй.	Кáэхъ.	Каёкъ.	Сай.
Сахаръ.	Сыхарь.	Чакара.	Сакара.	Чакарь.
Табакъ.	Таахъ.	Тавака.	Тавака.	Тавакэнъ
Слички.	Кеэмэльг'омель.	Начехсихъ.	Нахсякъ.	Акнитэкъ.
Очки.	Леляквутъ.	Кéргычи.	Игáтикъ.	Набрасисякъ.
Жирникъ.	Ээкъ.		Кынакъ.	
Солнце.	Тыркытиръ.	Окырнахъ.	Чэкэна.	Масакъ.
Луна.	Ильг'ынъ.	Нурахъ.	Танкэ.	Игáлөкъ.
Звёзда.	Анатлинэнъ.	Нурасахъ.	Эаликыта.	Игáлекатакъ.
Громъ.	Илькэау.	Элькáгáга.	Кахлюкъ.	Кахлюкъ.
Молния.	Быкэргынъ.	Нанэклэхтакъ.	Анэхтахтукъ.	А'ннакъ (sic).
Ветеръ.	Оё.	Пубахъ.	Анока.	Анокó.
Дождь.	Илииль.	И'пыхъ.	Нэпсюкъ.	Имáранакъ.
Снегъ.	Эль эль.	Аныга.	Анио.	Ани.
Калъ (по чук. снёгъ—калъ одного бога)	Э'ль эль.	Анахъ.	Анакъ.	Анакъ.
Ледъ.	Тынтинъ.	Кыбылькахъ.	Ситку.	Сикутакъ.
Земля.	Нутэсъханъ.	А'ся.	Нунна.	Нүнна.
Вода.	Мэмэль.	Мыхъ.	Ммакъ.	Амапикъ.
Огонь.	Дындинъ.	Аннахъ.	Аннакъ.	А'ннакъ.
Море.	Айкы.	Имыхъ.	Ммакъ.	Иммакъ.
Волна.	Имъалюнъ.	Имáхлихъ.	Имáхлюкъ.	Инулюкъ.
Бурунъ.	Эисъхинъ.	Кáга.	Каёбъ.	Кэа.
Разоль.	Тајотай.		Тарьб.	Тарьбокъ.
Берегъ.	Айка чормэнъ.	Чинчахъ.	Снакъ.	Кэмчйнинакъ.
Дресва.	Чеа гылинэнъ.	Каби.	Кенакъ.	Каувыйкъ.
Кошка (геогра- фич.).	Картáкаръ (рѣч- ная).	Тапхахъ.	Тапхакъ.	Тапхакъ.
Мысь.	Тэпъ энъ. (морск.).	Тыкыси.	Тыкаракъ.	А'кнакъ.
Гора.	Аныткынъ. Нёны.	Инхыхъ.	Наяратъ.	Инхыкъ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутээнъ.	Унынъ.	Нууканъ.
Камень.	Воквўылъынъ.	Кисахъ.	Уиракъ.	Уихакъ.
Островъ.	Илиръ.	Кёкахъ.	Кёхкакъ.	'Илиръ (sic).
Озеро.	Гытгынъ.	Яйбыхъ.	Найбакъ.	Гытгынъ.
Рѣка.	Вуэмъ.	Курехъ.	Кэйвуку.	Куйкъ.
Трава.	Вайлиинъ.	Эбыхъ.	Выкъ.	Эбыкъ.
Корень.	Кэнымылынъ.	А'кахъ.	Акокъ.	Акокъ.
Сѣверъ.	Эйгысхэнъ.	Пахчематунга.	Айгоа.	Айгысхэнъ.
Югъ.	Айвасъ.	Окурара (если место близко) и акымна (если далеко).	О'ха.	Ахкокъ.
Востокъ.	Тэркенэыръынъ.	Окырна мыти- буга.	Чэкэнык пи- тотъ.	Мачакнихъ ка- тыхтукъ.
Западъ.	Тэркрайръынъ.	Окырна юпы- буга.	Чэкэнык ты- быхтотъ.	Мачакъ тыбых- тукъ.
Мѣсто, откуда солнце въ полдень сво- рачиваеть.	Амгнотэлонъ.	Нахлитра.	Арнарамкука.	Арнарамъ кука.
Заря.	Эртэрыръ бур- гынъ.	Онбумъ мыти- буга.	Ахтаратакъ.	Арнаратъ маох- тутъ.
Утро.	'Инъа.	Катыхъ.	Унанулюку.	Унуми.
Вечеръ.	Вулькаты.	Унувахъ.	Унува.	Унувакъ.
Ночь.	Некита.	Унугни.	Унукъ.	Унукъ.
Вчера.	Айхва,	Эребхакъ.	Акуакъ.	Интловакъ.
Сегодня.	Игытъ.	И мытынъ.	Маттэнъ.	Маттынъ.
Завтра.	Эргатыкъ.	Унраку.	Унами.	Унуаку.
Государь.	Тиркэрэмъ.	Тиркэрма.	Тиркарма.	Тиркэрма.
Начальникъ.	Эрэмъ.	Түкохъ.	Умилликъ.	Умээлэкъ.
Шаманъ.	Энэныланъ.	Сагихтихъ.	Алильнялгрэ.	Анальякъ.
Заговорщикъ.	Эуянъ.	О'грай.	Канымчулгрэ.	Канымчукукъ.
Жупанъ (мѣст- ное значеніе): мужина хода- щій въ жен- ской одеждѣ.	Эрккаляуль.	Тыльхакъ.	Арнаасекъ.	Арнаасекъ.
Бубенъ.	Ярарь.	Саяныхъ.	Чауякъ.	Чаякъ.
Старая кость- ка, преимуще- ственно ниж- няя челюсть, и ребра, почи- таемыя здѣсь.	Амемпинъ.	Напахакъ.	Напакакъ.	Напахты.
Игра въ мачь.	Каплюусуву эркынъ.	Милботалъхс- рай.	Ахкотанакотъ.	Анкальсхыръ.
Борьба.	Тэйкэуркыть.	Уэрэтельрай.	Тэвамга накотъ.	Акуль схыры.
Бѣгъ.	Расьвуныркыть.	Тасионатльрай.	Кильхаконъ на-	Ахпаль схыры.
Гонка байдаръ.	Аттвуръ элэр-	Аньяныхъ ири-	Аньямынь ка-	Анольга схыры.
	Аньяныхъ ири-	нахсуй.	марилля накотъ.	
Землянки, въ ко- торыхъ преж- де жили.	Вуалькаръ.	Тлобыхъ.	Нынлю.	'Энлю.

Русскія сл.	Чучки.	Вутээнъ.	Унынъ.	Нууканъ.
Весна.	Кыткытыкъ.	Пүлгырахъ.	Опынракъ	Опынракъ.
Лѣто.	Элээль.	Пүтлэхъ.	Кикъ.	Кёкъ.
Осень.	Гытханъ.	Укырахъ.	Уксайкъ.	Укыбакъ.
Зима.	Лялэнъ.	Сайблихъ.	Уксюкъ.	Укыюмэ.
Русскій.	Мэлгытганэнъ.	Манхуй.	Русиманый.	Русигмить.
Русскій Ана- дирскій.	Уйгугаулэнъ.		Уйгоккаяраг- митъ.	
Американецъ	Лэльутвалэнъ.	Анъяхпай.	Анъяхпайтъ.	Анъякъ.
Оленный чукчка	Чаучу.	Корильхай.	Койльгикъ.	Койнитликъ.
Сидачій	Рамалыганъ.	Коритляиха.	Койльгагэтъ.	Рамагыла.
Береговой жи- тель-осѣдлый.	Айкалэнъ.	Синрагмағай.	Снагмить.	
Поселокъ у мы- са Чаплина.	Унынъ.	Унычыхъ.	Унадзэхъ.	Унэкъ.
Житель этого Унылэнъ. поселка.		Унычымыра.	Унадзигми.	Унаэрэмітъ.
Поселокъ у Во- сточного мы- са.	Нуука.		Нэбокакъ.	Нубукакъ.
Поселокъ къ за- паду отъ Во- сточного мы- са.	Уэля.		Улякъ.	Уэлякъ.
Островъ св. Ларентія.	Эйгоэнъ или А'йгоэнъ.	Чибухахъ.	Чибухакъ.	Чибухакъ.
Островъ Ратманова.	Ималинъ.	Имакликъ.	Имакликъ.	Имакликъ.
Островъ Кру- зенштерна.	Инэтилинъ.	Иналикъ.	Иналикъ.	Элэкъ.
Бѣлый.	Нильгыкынъ.	Кахселеңнүхъ.	Катыльрэ.	Кахсюхтокъ.
Черный.	Нуукинъ.	Мамлэгиль- нүхъ.	Таныльрэ.	Тангыльрэа.
Красный.	Нэсэляханъ.	Кабыгильнүхъ.	Кабильнүкъ.	Кабильрэа.
Синий.	Вуэлэ.	Сөгнэ мыльнүхъ	Чумаюрумыль- нүкъ.	Танхакъ кыль- хырэа.
Большой.	Нэмээнкынъ.	Аныпалахъ.	Аныльрэ.	Антлювокъ.
Маленький.	Нэсплюхынъ.	Мыкаальсеры- хыхъ.	Мыкистахакъ.	Микаахтокъ.
Толстый.	Нумкынъ.	Лохтыбалаяхъ.	Слихыльрэ.	Ситлюгокъ.
Тонкий.	Нэйтхынъ.	Амьтараль- хыхъ.	Амьстахъ.	Амитаахтокъ.
Хорошій.	Нэмелькинъ, ме- синкынъ.	Акамахтыхъ.	Пинехтукъ, итажнахтукъ.	Пинехтоќъ.
Хорошо.	Пэтлэ, мэсин- кынъ.	Мечинка.	Пинехтукъ.	id.
Скоро.	Эакальпэ.	Агнарынъ.	Чука.	Анатумынъ.
Скорѣе.	Эа кальпэ.	id.	Чукаты (sic).	Анатупыгмынъ (sic).
Громко.	Немейнёу.	Аноропъ.	Кабыхлютынъ.	Анлинъ.
Тихо.	Мэрэндэ.	Икутаяғынъ.	'Яклютынъ.	Элымэракъ.
Довольно.	Ратаннаунэнъ.	Тайғамъ.	Энтахамамъ.	Таватына.

Русскія.	Чукчи.	Вутээнъ.	Унйынъ.	Нуукаанъ.
Нѣть (отриц.)	Элбўу.	Накау.	Наам.	Намэ.
Нѣть (не имѣет- ся).	Уйне.	Абаанытыхъ.	Абаїнытукъ.	Піитокъ.
Здравствуй.	Б'ти.	Унрахтыки.	Тағикутъ.	Тыкытукуть.
Прощай.	Тағамъ.	Тағамъ.	Тағамъ.	Тэгэмъ.
Благодарю.	Вуилійнка- кунъ.	Вуилійнка- кунъ.	Вуилійнкаакунъ	Вуилійнкаакунъ
Пора спать.	Мэндэлькат- макъ.	Тааймъ	кабых- Энтарамъ	каба- Кабалъта.
Иди скорѣе.	Эакальпекеэт- хы.	Ағнарынъ ун- рара.	Чукалотынъ	Анатумынъ тэ- тағы.
Говори громче.	Кмайнэ уэтхá- уркэнъ.	Аноронымъ йга-	Кабалхюты на-	Анлайнъ канра.
Я ъмъ.	Хымъ тыкамёт-	йга.	кузъ.	
	вуаркынъ.	си.		
Ты пьешь.	Хыръ апáур-	Эльпы кабре-	Эльпыкъ каон-	Эльпыкъ каох-
	хынъ.	накаты.	рысъ.	хыкъ.
Онъ идетъ.	Эльтлонт тлэр-	Лянá пійтыхъ	Эльтна ихлих-	Эльтна уилых-
	хынъ.		тукъ.	такокъ.
Мы спимъ.	Муримычиль-	Мыкытá кабре-	Хуанкутá ка-	Уанкутá кабах-
	кэеркынъ.	накасикъ.	барнакукатъ.	лóкукутъ.
Вы стрѣляете.	Тўри реткурк-	Эльписй питык-	Эльписй чоф-	Эльписй сай-
	чи.	чи.	чи.	нижтыкъ.
Они гребутъ.	Эртри тэулья-	Лякэ анрахси.	Эльснитъ аука-	Эльснитъ та-
	аркыть.		анаракутъ.	куаануараа-
				кутъ.
1.	Эннáнъ.	Аттарáсэхъ.	Аттасэкъ.	Аттасэкъ.
2.	Нýряхъ.	Мáльхрусь.	Мáльхрусь.	Мáльхрусь.
3.	Гробокъ.	Пиньюхъ.	Пинають.	Пинають.
4.	Граакъ.	Ситымы.	Стаматъ.	Читаматъ.
5.	Мытлинэнъ.	Тасымыны.	Талимать.	Талимать.
6.	Эннáнмытли- нэнъ.	И'ніликъ.	Ахбйндликъ.	Ахбинийликъ.
7.	Граамытлинэнъ	Мальхрунынъ	Мáхара ахбйнд-	Мальхрунынъ
		ингликтъ	Мальхрунынъ	ахбинийликъ.
		иль-	иль-	
		рыхъ.	ликъ.	
8.	Амѓрооткэнъ.	Пиньюднынъ	Пинэинъ инлю-	Пинаюнынъ ах-
		инѓликтъ	иль-	бинийликъ.
		иль-	ликъ.	
		рыхъ.		
9.	Конъасыхин- кэнъ.	Ситымынынъ	Стаманынъ ин-	Кольнуротниль-
		инѓликтъ	иль-	нукъ.
		иль-	люлекъ.	
		рыхъ.		
10.	Мынѓыткэнъ.	Тасихта.	Коллэ.	Коллэ.
11.	Эннáнпароль.	Аттарáсэхъ сиг-	Аттасэкъсийчин-	Атханийликъ.
		на калыку.	Атханийликъ.	
12.	Нýряапароль.	Мальхрусь сиг-	Мальхрусь си-	Мальхрунынъ
		на калыкъ.	пинклöку.	атханийликъ.
13.	Гробоапароль.	Пиньюхъ сиг-	Пинають си-	Пинаюнынъ ат-
		на калыкъ.	пинклöку.	ханийликъ или
				пинаюнынъ
				чиппнáръ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутёенъ.	Уныынъ.	Нуукаанъ.
14.	Грааапароль.	Сыйтмы сыйна калике.	Стаматъ сийпин- клоку.	Акимэа рут- нильнуу.
15.	Кильгйинкэнъ.	Итхимиинглигъ или Игнгликъ сыйна калике.	Акимякъ или Акимэакъ. Талиматъ си- пинклоку.	
16.	Кильгйинекъ эн- Унгаму. нэнпароль.		Акимяямъ атта- сэкъ сийпин- клоку.	Ахбина.
17.	Кильгйинекъ нй- Унгамумаль- ряапароль.	хрукъ.	Акимяямъ маль- хрукъ сийпин- клоку или махараахбин- дликъ сийпин- клоку.	Акимэармынъ малыхру- нынъ, чипи- макхараахбин- лукъ.
18.	Амброткэнпа-	Унгаму пинь- роль.	Пинэинъ иилю- лэкъ сийпин- клоку.	Акимэармынъ пинайонынъ ахбиниликъ.
19.	Конъасъхин- кэнъпароль.	Унгамусить- линъ или юнарабопилиль- нухъ.	Стаманынъ ин- лөлэкъ си- пинклоку.	Кольнуротниль- нурмынъ чи- питоукъ.
20.	Кликинъ.	Юунахъ.	Иуйнакъ.	Юинакъ.
21.	Кликыкъ эннэн- пароль.	Юунахъ атта- расехъ сый- на калику.	Иуйнамъ атта- сэкъ сийпин- клоку.	Юинармынъ ат- тасекъ чип- нанры.
22.	Кликинъ ниря- апароль.	Юунахъ малых- рукъ сыйна калике.	Иуйнамъ мауль- хрукъ сийпин- клоку.	Юинармынъ мальхрукъ чипитоукъ или чипнанры.
29.	Кликинъ кон- аасъхинкэнъ пароль.	Юунахъ ситы мынынъ иль- рыхъ сыйна калике.	Иуйнамъ ста- манынъ иилю- лэкъ сийпин- рыхъ сийна клоку.	Юинармынъ кольнурот- нильнуу чи- пнанры.
30.	Кликинъ мын- гыткэнъ па- роль.	Юунахъ тасих- та сыйна ка- лику.	Иуйнамъ колля сийпинклоку.	Юинармынъ коллэ чипнан- ры.
31.	Мынгытэкъ эн- нэнъ янрапа- роль.	Юунахъ тасих- та аттара- сехъ сыйна калику.	Иуйнамъ колля аттасекъ си- пинклоку.	Юинармынъ ат- ханилигмынъ чипанилинъ.
32.	Мынгытэкъ ниря- яярапа- роль.	Юунахъ тасих- та малъ- хрукъ сыйна калике.	Иуйнамъ колля мальхрукъ сийпинклоку.	Юинармынъ мальхрунынъ атханиликъ.
39.	Мынгытэкъ конъасъхин- кэнъ янрапа- роль.	Юунахъ юна- роотлиль- нухъ сыйна калике.	Иуйнамъ колля стаманынъ инлөлэкъ си- пинклоку.	Юинармынъ кальнурот- нильнурмынъ чипитоукъ.
40.	Ниряхъ клы- кинъ.	Мальхруюхъ.	Иукмальхрукъ.	Мальхрумъ ишіа.
41.	Ниряхъ клы- кинъ.	Мальхруюхъ	Иукмальхрумъ	Мальхрумъ

Русскія.	Ч у к ч и.	В у т ё з э н ъ.	У н Ы й н ъ.	Н ў у к а н ъ.
	кинь эннэнъ пароль.	аттáрасэхъ сýгна калику.	аттáсэкъ сý- пинклóку.	ипíа аттáсэкъ чипъянна- клику.
50.	Нýрхъ кли- кинь мынгыт- кэхъ пароль.	Мáльхруюхъ тасýхта сýгна калику.	Иúкмáльхрумъ коллá сýпин- клику.	Мáльхрумъ ишиа коллá чипъянна- клику.
51.	Нýрхъ кли- кинь мынгытэкъ эннэнъ янрапо- роль.	Мáльхруюхъ тасýхта атта- расэхъ сýг- на каликэ.	Иúкмáльхрумъ коллá аттá- сэкъ сýпин- клику.	Мáльхрумъ ишиа атхани- лигмынь чи- панйлинъ.
60.	Гробоклéкэнъ.	Пинýююхъ.	Юкпинáютъ.	Пинаюмъ ишиа.
70.	Гробоклéкэнъ мынгыткэнъ пароль.	Пинýююхъ та- сýхта сýгна калику.	Юкпинáюмъ коллá сýпин- клику.	Пинаюмъ ишиа колпачиль аннаклику.
80.	Граакклéкэнъ.	Сítымаюхъ.	Юустáматъ.	Ситáмамъ ишиа.
90.	Граакклéкэнъ мынгыткэнъ пароль.	Сítымаюхъ та- сýхта сýгна калику.	Юустáмамъ коллá сýпин- клику.	Ситамамъ ишиа коллэ чипъ аннаклику.
100.	Мытлэнклéкэнъ	Тасýмынаюхъ.	Юкталíматъ.	Талíмамъ ишиа.
101.	Мытлэнклéкэнъ эннэнъ янра- пароль.	Тасýмынаюхъ аттарасэхъ сý- на калику.	Юкталíмамъ аттáсэкъ сý- пинклóку.	Талíмамъ ишиа аттáсэгмынь чипитóкъ.
110.	Мытлэнклéкэнъ мынгыткэнъ пароль.	Тасýмынаюхъ тасýхта сýгна калику.	Юкталíмамъ коллá сýпин- клику.	Талíмамъ ишиа коллэмынь чи- питóкъ.
120.	Мытлэнклéкэнъ кликинъ па- роль.	Тасýмынаюхъ юунахъ сýгна калику.	Юкталíмамъ иуйнакъ сý- пинклóку или юахбíндликъ	Талíмамъ ишиа юинáрмынь чишилюку.
121.	Мытлэнклé- кэнъ кликинъ янрапароль.	Тасýмынаюхъ юунахъ атта- расэхъ сýгна калику.	Юахбíндлимъ аттáсэкъ сý- пинклóку.	Талíмамъ ишиа юинáрмынь аттáсэкъ чип- нáрлы.
130.	Мытлэнклéкэнъ кликинъ мын- гытконъ па- роль.	Тасýмынаюхъ юунахъ та- сýхта сýгна калику.	Юахбíндлимъ коллá сýпин- клику.	Ахбинíлимъ ишиа коллэ- мынь чип- тóкъ.
140.	Мытлэнклéкэнъ нýрхъ кли- кинъ пароль.	Тасýмынаюхъ мáльхруюхъ, сýгна калику.	Юктáлímамъ мáльхрумъ, сýпинклóку.	Талíмамъ ишиа мáльхрумъ, ишинынь чи- шилюку.
200.	Мынгытклé- кэнъ:	Тасýхтаюхъ.	Юкколяй.	Коллэмъ ишиа.

Названія мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Названія мѣсяцевъ, у чукчей и другихъ народностей имѣютъ определенные значенія. Такъ напримѣръ, 1-й значить «Жаркий» авокъ; 2-ой «важенія рога обдираются»—обдирать; 8-ой «холодный»—чачэнъ; 11-й «олени телятся»—грозятиться и т. д. Соотношеніе между суставами, вообще сочлененіями, и головой съ одной стороны, и порядкомъ мѣсяцевъ съ другой—существуетъ только у чукчей; очень немногие изъ инородцевъ знаютъ названія мѣсяцевъ, и ихъ записываніе было соединено съ большими затрудненіями.

Совпадаетъ почти съ юлемъ.	Ч у к ч и .	В у т ё э н ъ .	У н э н и ъ .
1—Первый суставъ средняго пальца лѣвой руки.	Анбэлгынъ.	1. Атлэпымъ нү- буѓа.	1. Капсайхикъ.
2—второй суставъ.	Тэркылэнаръ.	2. Токатыбыхъ.	2. Тукотырбикъ.
3—третій суставъ.	Нёрэръ, или рёквут- нэтчилгынъ.	3. Кориймъ кар-	3. Койниймъ каль-
4—кисть.	Эльуэнэй эльгынъ.	4. Тумтэмъ кар-4.	4. Тумтумъ каль-
5—Локоть.	Яраусэнъ.	5. Арбыхымъ унрарбуѓа.	5. Акомукъ.
6—Плечо.	Аттэлөкэнъ.	6. Канахтырыахъ.	6. Канрыинисай.
7—макушка.	Эйлиювлэнъ.	7. Айбурчехъ.	7. Калюбикъ.
8—плечо правое.	Чачанлоргынъ.	8. Пильяхъ крат- ляхъ.	8. Назирасикъ.
9—локоть ”	Лоргыкай.	9. Этлюхдыхъ.	9. Трэилюхсикъ.
10—кисть ”	Лячъ эльгынъ.	10. Ахбыатляхъ.	10. Хлобрикъ.
11—третій суставъ.	Гро эльгынъ.	11. Какыльгимнү- буѓа.	11. Кыймарна.
12—второй ”	Кйткитъ эльгынъ.	12. Кучхымъ пи- нарбуѓа.	12. Пинарабикъ.
13—первый ”	Таутынъ эльгынъ.	13. Кубыхсимытъ- буѓа.	13. Эльмрахикъ или Кубухси- бикъ.

Дѣтскія болѣзни.

Что же ты стала въ нѣмомъ отупѣніи?
Пой ему пѣсню—о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!

Некрасовъ.

Обмыните ж браты мои
Найменьшаго брата:
Нехай мате усміхнеться,
Заплакана мате!

Т. Г. Шевченко.

(До мертвих и живых земляковъ).

Если мать-крестьянка окажется „немолосной“, т. е., въ ея грудяхъ мало или вовсе нѣтъ молока, новорожденному тогда обязательно вводить черезъ рожокъ коровье молоко. Даже при достаточности материнского молока всетаки его кормятъ коровыимъ—, и для сытости и для того, чтобы ребенокъ спалъ больше, да не мѣшалъ бы матери управляться по дому“. Перестають давать рожокъ и даже грудь въ особыхъ только случаяхъ, когда, напр., дитя „часуетъ“ (т. е., въ ожиданіи смерти кладется въ передній уголь) и когда вскорѣ послѣ рожденія у него открывается „грызь на нутрѣ“. Въ послѣдніемъ случаѣ, ребенка угощаются дни три соской изъ жеванной моркови и столько же соской изъ жеваннаго ржанаго хлѣба съ сахаромъ.

Рожокъ суется ребенку безпрестанно во всякую пору дня и ночи; съ нимъ онъ спить и бодрствуетъ. Молоко для кормленія берется цѣльное, часто смѣшаннаго удоя и всегда перепаривается въ печи. Трехнедѣльныхъ ребята уже прикармливаютъ жваниной изъ „всячины“ (щами и проч.).

Весьма естественно такимъ образомъ допустить, что пріемы практикуемаго въ деревнѣ кормленія грудныхъ дѣтей, радикально расходясь съ советами акушеровъ-гигиенистовъ, оказывають вредное влияніе на развитіе дѣтскихъ организмовъ. Возможно, что упрощенное до нельзяя кормленіе разстраиваетъ здоровье новорожденныхъ, которые сами по себѣ органически склонны ко всяческимъ заболѣваніямъ. Возможно, что именно не свойственная имъ слабому сложенію діэта соски и рожка болѣе всего способствуетъ возникновенію того безспорного факта, что крестьянскія дѣти, неуспѣвъ появиться на свѣтѣ, уже страдаютъ „грызью на нутрѣ“, невѣроятно кричать дни и ночи отъ „грызи пупка“, загибаютъ головки при „кочергушкѣ“, сучатъ ноженками и ручenkами при „чекотухѣ“; ихъ „быть цвѣтъ“ и схватываютъ судороги „младенческаго“; наконецъ, „цвѣтущий творожокъ“, поражая изъязвленіями полости рта, вынуждаетъ младенцевъ отказываться отъ груди и не принимать рожка; истощаясь отъ недостатка корма, малютки чахнутъ, не растутъ и боятся въ „собачьей старости“, пока стерегущая смерть не избавить отъ страданій. Только счастливые организмы выживаютъ въ

деревнѣ, сотни же менѣе „задачливыхъ“ младенцевъ гибнутъ¹⁾), муча напрасно матерей, въ конецъ обезпокоившихся нездоровьемъ своихъ дѣтишекъ.

Прислушайтесь, о чѣмъ толкуютъ межъ собой крестьянки-матери, когда соберутся гдѣ-нибудь. Ихъ разговоръ всегда ужъ сводится на дѣтей. Поведутся тогда тревожные распросы о томъ, чѣмъ лѣчить имѣющихихся больныхъ, къ кому обратиться за помощью и т. д. Отъ разговора мать не медлитъ перейти къ дѣлу. Съ завидной пунктуальностью пробуетъ примѣнить узнанное средство къ своему больному; не удалось лѣченіе, не видно осознательно-скорой пользы, — снова плется къ соѣдкамъ за справками или несется хворенька го къ указанной шептухѣ.

И за работой опечаленная мать не перестаетъ думу-думать о томъ, какъ и чѣмъ бы выпользоватъ „плохонькое свое дите“. Ночь наступить,—нянчится, не смыкая глазъ, съ „обревѣвшейся“ малюткой, утишая ея стоны унылымъ напѣвомъ своеобразной колыбельной пѣсни¹⁾...

¹⁾ „Колыбельная пѣсня“.

Баюшки-баю,
Колотушекъ надаю,
Колотушекъ двадцать пять,
Будетъ Коля крѣпче спать.
Сонъ ходить по лавкѣ,
Дремота по другой,
Сонъ говоритъ,
Дремота спатонъки велитъ.
Поѣхали по снопы
На высокой лопади,
Увидали зайку,
Зайку—горностайку.
Куда намъ бѣжати —
Къ волку на свадьбу,
Къ лисичкѣ на дѣвичникъ?
Волкъ намъ не дядя,
Лисичка не сестричка;
Побѣжали мы къ вѣдьмѣдю въ баню..
Не отъ пару вошь упала,

Изувѣчилась, изуродовалась;
Посыпала вошка блошку
По лѣкарство поскорѣй:
„Лѣкарица—судія
Пожалуй лѣкарства“!
Три дня лѣчу, лѣчу
Легче нѣту...
Туть попъ—туть клопъ,
Пономарь—погребарь,
Дычки—сверчки,
Мухи голосомъ кричатъ:
„Помяните рабу—
Сѣру вошку во гробу“!
Шойду я въ кабачекъ,
Выпью на пятачекъ,
Помяну рабу—
Сѣру вошку во гробу:
„Слава Богу оконѣла
Всему миру надобла“!

с. Казачинское, Енисейск. окр. 1895 г.

Да и большенькие ея ребятишки не вѣ лучшемъ положеніи: ъдятъ, пожалуй, и много, но „безутышное“ напичканье неудобоваримой пищей только обременяетъ дѣтския желудки излишнимъ и бесполезнымъ балластомъ; бѣгаютъ они полураздѣтые, полуразутые и въ осеннюю слякоть и въ зимнюю стужу; бѣльишко на нихъ мѣняется всего разъ въ недѣлю...

Но можно ли предъявлять требование о дачѣ дѣтямъ лучшей пищи

¹⁾ Такъ напр., на 247 родившихся въ 21 семье, записанныхъ въ Ужурѣ независимо отъ времени, приходится всего 70 оставшихся въ живыхъ, что даетъ на каждую семью 3,2 выжившихъ и 8,4 умершихъ. См. М. О. Кривопапкинъ—т. II. гл. 1.

тамъ, гдѣ „насущнымъ“ для семьи является все тотъ же традиціонный „хлѣбушко-батюшко“, приправляемый соусами голоднаго воображенія¹); можно ли совсѣмъ лучше одѣвать ихъ и опрятнѣй держать тому, у кого покупныхъ средствъ едва достаетъ на то, чтобы одѣть и обуть съ грѣхомъ пополамъ „рабочую“ часть семьи—ея кормильцевъ; можно ли укорять мать за несоблюдение лучшихъ приемовъ кормленія груднаго ребенка, когда видишь, что она ничего не знаетъ о нихъ, потому что никто ей обѣ этомъ не говорилъ, да и узнавши кое-что, часто, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, не можетъ выполнить на дѣлѣ, въ жизни, полной непрестаннаго труда, мелочнѣхъ заботъ и лишеній: допустимы ли вообще подобнаго рода претензіи въ отношеніи крестьянской среды? Положа руку на сердце, — конечно нѣтъ. И чѣмъ инымъ объяснить съ виду безстрастно-равнодушное отношеніе „отцевъ-крестьянъ“ къ физическому прозябанію своихъ „дѣтей“, какъ не безотраднымъ сознаніемъ, основаннымъ на личномъ опыте и вѣчно повторяющихъ фактахъ, укрѣпляющихъ во мнѣніи, что тѣ лишь съ возрастомъ получать устойчивую организацію, кто перенесъ всѣ невзгоды дѣства. Пусть моль ко всему привыкаютъ, пусть извѣдаются въ началѣ своего земнаго поприща, сколь горекъ путь жизни и съ измѣльства за-каляются для дальнѣйшей борьбы за существованіе.

Можно сказать, что въ деревнѣ каждая человѣческая особь съ колыбели предоставлена самой себѣ и находится, пока не окрѣпнетъ, въ безусловной власти естественнаго подбора. Ничѣмъ не сдерживаемый, этотъ законъ зоологической жизни превращается тамъ въ неумолимаго деспота и убиваетъ безъ сожалѣнія тысячи жизней среди „малыхъ сихъ“. Крестьяне-родители не подготовлены къ борьбѣ съ нимъ, потому что придавлены работой и принижены общественными условіями даже въ сравнительно лучше обезпеченнѣй материально Сибири; они лишены возможности пріобрѣтать хотя бы элементарныя познанія по медицинѣ, гигиенѣ, педагогикѣ и др. просвѣтительнымъ наукамъ, которыя дѣлаютъ умственный кругозоръ человѣка шире, мысль свѣтлѣе и нравственныя понятія возвышенѣе. За крестьянствомъ, оставленнымъ при одной школѣ начальной грамоты, все еще таскается горькое и обидное мнѣніе, что оно „темная масса“. И къ сожалѣнію это сущая правда.

¹) Спѣшу оговориться, что это не одно только фигуральное выраженіе. Мне живо помнится премиленькое личико маленькой дѣвочки, дочери сторожа одного роскошнаго парка. Лѣтнею порой какъ-то она вся улыбающаяся играла сама съ собой на крылечкѣ отцевской сторожки, и, между прочимъ, отщипывая крошки отъ ломтика ржанаго хлѣба, быстро клала въ свой ротикъ, приговаривая, что, де, это опа сѣла-ши, въ видѣ второй крошки — жареное мясо, за третьей — лапшу и т. п. Подъ видомъ разныхъ кушаний, какія только могла изобрѣсти ея крохотная головка, дѣвочка сѣла затѣмъ еще два ломтика хлѣба.

Всѣмъ долженъ быть извѣстенъ случай (изъ хроники начала, кажется, 80-хъ г.), что бѣднѣйшая часть населенія г. Астрахани вырыла и сѣла испорченную рыбу. политку вдобавокъ керасиномъ.—Какія приправы, какого сорта воображенія помогали этимъ несчастнымъ глотать подобную гадость?

Вѣдѣтъ я самъ не разъ подвергался, подобно астраханцамъ, искушенію бѣти отбросы пищи. Мое воображеніе умасливало однажды несуществующимъ масломъ гречневую крупу, которой пришлось питаться нескользко дней подрядъ.

Позднѣе (въ 1881 г.) довелось принимать участіе въ добровольной голодовкѣ. Какихъ только заманчивыхъ блюдъ не создавала моя фантазія, обостренная шести-сutoчнымъ голодомъ!

Но, тогда эта правда въ кориѣ подрываетъ дѣятельность доктора-гигіениста и санитара народнаго здоровья, а средства ихъ борьбы съ господствующимъ зломъ сводить такимъ образомъ къ числу заурядныхъ шаллативовъ. Это такъ. Но на ряду съ дѣятельностями, кладущими въ основаніе стремленія къ излѣченію промаховъ, назрѣвшихъ въ жизни человѣчества, дѣятельность медицинскаго персонала все же будетъ одною изъ благородныхъ, а средства его борьбы съ возрастающимъ растройствомъ народнаго здоровья всегда будутъ признаваться одними изъ рациональныхъ. Прогрессирий рядомъ съ этой дѣятельностью экономическая сторона жизни народа, оставляй она непосредственно въ его рукахъ материальная богатства, совершенствуйся общественные формы, которая подымали бы „тѣмную массу“ къ свѣтлымъ источникамъ широкаго умственного развитія,— плоды отъ нея получались бы въ удештиренномъ количествѣ и она давала бы болѣе положительныхъ результатовъ.

Измѣнись къ лучшему въ только что очерченномъ направлениіи, между прочимъ, жизненныя условія сибирской деревни, можно ручаться, что „отцы-сибириаки“, въ силу велѣнія своихъ любящихъ сердецъ, съумѣли бы примѣнить болѣе разумныя начала въ дѣлѣ кормленія и воспитанія своихъ „дѣтей“.

Невольно припоминается одна именно такая сильная любовь со стороны родителей-сибириakovъ и такая трогательная попытка „родстить“ дѣтей на иныхъ началахъ, къ несчастью закончившаяся на моихъ глазахъ весьма трагическимъ финаломъ, рельефно иллюстрирующімъ весь ужасъ, получающійся отъ „независящихъ обстоятельствъ“, какими столь чревата современная деревенская обстановка, какія въ большинствѣ случаевъ дѣлаютъ довольно призрачной мечту объ улучшении здоровья крестьянскихъ ребятишекъ.

Въ с. Ужурѣ имѣется семейство Клейменовыхъ. Оно состоить изъ молодыхъ еще мужа и жены да сынишка-малолѣтка. Изъ четырехъ дѣтей, онъ оставался единственнымъ. Послѣднею родилась дѣвочка на другой день послѣ того, какъ мать, проработавъ беременнѣ всю страду, будучи уже „на взносяхъ“, подавала снопы, на кладь; дѣвочка была собой очень хилой и черезъ недѣлю съ небольшимъ умерла, оплакиваемая безутѣшной матерью. Эта смерть новорожденной, совпадающая съ периодомъ смерти предшествовавшаго ей мальчика, родившагося при тожественныхъ условіяхъ, показала молодой четѣ, что семейная дѣла ихъ не совсѣмъ въ порядкѣ и, продолжаясь такъ, могутъ оставить въ лучшемъ случаѣ при одномъ сынѣ, жизнь котораго, понимала хорошо чета, несомнѣнно зависить также отъ массы непредвидѣнныхъ случайностей. Дѣти для крестьянъ всегда желательны: они для нихъ опора и надежда на лучшіе дни. Понятно, что и Клейменовы лелеяли эту надежду. Поэтому, видя, что дѣти у нихъ „не стоятъ“, безконечно горевали и сѣтовали на свое слочастное житѣ. Но, что они могли предпринять и какъ повернуть колесо жизни иначе? Самъ Клейменовъ сирота и выросъ въ работникахъ; жена его была приемной дочерью; оба ничего не имѣли... Онъ „женился и зажилъ женою“... Трудолюбіе и бережливость помогли супругамъ сѣсть на свое хозяйство. И дома и на поля работало ихъ только двое. Тутъ вотъ и извернись, придумай, какъ оставить беременнѣю жену дома, когда обязательно надо косить и убирать хлѣбъ, чтобы было чѣмъ расплатиться съ поштными и прочими платежами. Въ такомъ именно состояніи находились семейные и хозяйственныя дѣла Клейменовыхъ вплоть до 1893 г. Они снова ожидали прибавленія семейства.

Приходилось иногда толковать съ ними о лучшихъ способахъ

ухода и кормления грудныхъ дѣтей. Мой товарищъ П. П. предложилъ устроить опытъ. Обладая небольшимъ хозяйствомъ, мы согласились съ Клейменовымъ страдовать совмѣстно, дабы предоставить возможность его женѣ, въ виду ея положенія, оставаться дома. П. кромѣ того убѣдилъ Клейменову, когда явится на свѣтъ ребенокъ, не употреблять рожка, кормить же одною грудью и лишь съ извѣстнаго времени прикармливать коровьимъ молокомъ и проч., что предлагается дг. Андреевскимъ и другими. Сказано — сдѣлано. Мы страдовали. Клейменова сидѣла дома. А когда принесла дочь, строго выполняла уговоръ съ П., т. е., кормила исключительно грудью и начала прикармливать посторонней пищей не ранѣе пяти мѣсяцевъ. Дѣвочка подымалась, крѣпла, полнѣла, криковъ не знала, въ „чекотухѣ“ не горѣла, — словомъ росла „такая, Богъ съ нею“, крѣпоночка да веселенька“, какъ говорила мать, и уже стала было ходить вокругъ лавокъ и кое-что лепетать. Все шло, казалось, благополучно до конца лѣта 94 г.—Утромъ какъ-то отецъ ушелъ на паскотину по лошадей; мать, наставивъ самоваръ, вышла доить коровъ; дѣвочка уже играла подъ присмотромъ пятилѣтняго братишкѣ; ползая, она придвигнулась къ горячему самовару. отвернула *кранъ*... Затѣмъ произошло то, что уже описано въ иаложеніи обѣ ожогахъ.

Такихъ Клейменовыхъ, желающихъ установить за своими дѣтьми лучшій уходъ, дать имъ лучшее воспитаніе, чтобы выростить ихъ здоровыми тѣлесно и крѣпкими духовной силой, найдется не мало по сибирскимъ деревнямъ. Клейменовыми стало бы поголовно все крестьянство, если бы не проходили мимо его блага цивилизаци... Но все остается въ деревнѣ по старому. И это „но“, являясь роковымъ для крестьянскихъ дѣтей, въ связи съ материальной нуждой сельского населенія и его общественной обособленностью, можетъ быть оказывало въ прошломъ и оказываетъ до сихъ поръ неотразимое вліяніе на тотъ несомнѣнныи фактъ, что крестьянство остается замкнутымъ въ кругѣ своихъ воззрѣній на жизнь, своихъ моральныхъ понятій, своихъ взглядовъ на свое земное назначеніе и въ частности на назначение женщины, а въ дѣлѣ кормления и воспитанія потомства придерживается своихъ самобытныхъ правилъ, основанныхъ на цѣлой массѣ суевѣрій и предразсудковъ. И тѣ, на долю которыхъ испоконъ вѣковъ выпадаютъ однѣ земные терни, мнѣ кажется, иначе не могутъ думать и поступать. Въ области медицинской самопомощи непремѣнно должны ограничиваться „своимъ средствамъ“.

Іхъ примѣняютъ, между прочимъ, и въ отношеніи молодаго поколѣнія, чemu постараюсь привести надлежащія доказательства путемъ описанія серіи болѣзней, которыя самимъ народомъ относятся къ разряду дѣтскихъ. Начну съ болѣе общей болѣзни. Ея не минуетъ ни одинъ крестьянскій ребенокъ. Это

1. Дѣтская грыжа. „Отчего она зарождается у младенца на нутрѣ, не могу сказать. Наружная же приключается отъ недогляда матери. Когда у ребенка стоитъ на нутрѣ грыжа, она не лѣчитъ и запускаетъ боль; тогда-то грыжа выходитъ наружу: то прогрызть у пупка, то вывернетъ его въ картошку величиной, то объявитъ въ бочку или пахахъ, то станетъ кишкѣ выходить, когда ребенокъ „чишкать“, — какъ случилось у парнишка, внука старухи. Ожитковой. Ал. Аф. Ананына.

Грызь на нутрѣ,—нутряна грыжа. Ребенокъ кричить и сучить ножками. Отъ прикосновенія къ его животику крикъ усиливается; часто мается и нерѣдко одной слизью. Къ ночи замѣчается ухудшеніе; больной стонетъ, плачетъ и, непреставая, кричитъ, — „ажно за-

ходится". „Поять киноварью, какъ попарять въ банѣ; дѣвочекъ поять антимоніей; вообще же сосичей сѣрой въ порошкѣ, также отваромъ картошечкѣ-жерновцовъ. А. и Н. Дм. Ананыны.

Отъ поноса ребенка поять квасцами, церковнымъ виномъ, фамильнымъ чаемъ, морошкой и брусничнымъ сокомъ; дѣтямъ постарше даютъ перекипяченый квасъ.

Для утишенія желудочныхъ коликъ брюшко намазываютъ гущей.

Признается также полезнымъ грудь и рожокъ замѣнять на нѣсколько дней соской по вышеизложенному способу.

Внутрь даютъ антимоній.

Новорожденныхъ поять наваромъ колокольчиковъ въ предупреждение того, чтобы „не грызло“; сами беременныя ёдятъ свѣжіе колокольчики. Ал. Аф. Анна.

Грызъ пупка. Воспаленіе пупка.

Прикладываются на пупокъ сулему; мажутъ его кровью изъ пѣтушиного гребня: „пѣтухъ пропадетъ, если младенцу выхворается“, утверждаетъ Н. А—на. Даютъ вн. по немногу настоя чечилибухи, отвара телегура. Ал. Трофимова.

Кладутъ на пупокъ въ тряпичкѣ толченый чеснокъ и опоясываютъ вокругъ животика холстомъ, чтобы не свалился. Когда на пупкѣ (смотрѣть надо) появится „черное пятнушко“, чеснокъ надлежитъ снять и пупокъ смазать кор. масломъ. — Ужуръ.

Бабушка Хевронья А — на вѣ этомъ случай „загрызаетъ пупъ“. Младенца несетъ въ баню, моетъ, немного парить и тогда „загрызать“. Между бабушкой и матерью ведется такой разговоръ:

Что грызешь? спрашиваетъ мать, наученная бабушкой.

— Пупокъ, отвѣчаетъ та.

— Грызи, грызи гораже, чтобы вѣкъ по вѣкъ его не было. продолжаетъ мать.

— Во имя Отца, Сына и Св. Духа. Аминь. Будьте мои слова крѣпки, лѣпки! заканчиваетъ бабушка и „грызетъ“ (кусаетъ слегка) пупокъ зубами.

Кормятъ вѣ маленькихъ дозахъ сулемой и пр. средствами, подобно предыдущему.

Паховикъ. Твердныя опухоли вѣ пахахъ (вѣ родѣ подпазушника), послѣ назрѣванія оставляютъ провалы.

Въ началѣ образованія опухолей толкнуть вѣ паха пестомъ (Ал. Тр—ва); ушканину прикладываютъ; с. Ужуръ.

Выпаденіе задней кишкѣ. Вправляется съ нашептываніемъ туяскомъ, вѣ которомъ содержится деготь. (Н. А—на).

Задержаніе мочи. Поять отваромъ тмина и корней петрушеки, Ал. Тр—ва лѣчить также, какъ при рѣзачкѣ. См. От. I, № 20.

Недержаніе мочи. Водятъ, или носятъ ребенка мочиться вѣ свиной кожухѣ (хлѣвѣ).

Протаскиваютъ черезъ хомутъ — съ наговоромъ.

Стирая штанишки или рубашенку, бьютъ наотмашь три раза; тоже — красными чулками.

Заставляютъ топтать горячее помело.

2. Бессонница. Если происходитъ отъ „кочергушки“ „полуночницы“ и т. п. болѣзненныхъ причинъ, то лѣчить, вѣ связи съ этого рода болѣзнями и независимо отъ того; даютъ, напр. внутрь настой мако-

выхъ головокъ, воду, слитую со стяжковъ, какими только что были свиней, настои №№ 2 и 130, нав. №№ 63 и 69.

3. Грудца подходитъ (стиски схватываются). „Младенецъ безпрестанно плачетъ, какъ бы просить Ѳесть; поднесешь грудь — не беретъ, щелкать зубами, удушьемъ возмется, — грудца подходитъ“. Топить баню, моютъ и парятъ ребенка; надѣвъ распашонку, кладутъ его въ колѣни, передъ тѣмъ какъ спеленать, и смазываютъ съ наговоромъ грудцу мазью № 54. (Ал. Аф. А—на) Ал. Тр—ва называетъ эту хворь стисками. См. § 4 народ. кормл. груд. дѣтей; отд. II.

4. Диxтерикъ и шкарлатина (диffтеритъ и скарлатина). Названіе ихъ Ужурцы узнали отъ фельдшеровъ. у нихъ же и лѣчатся. Но обыкновенно подобнаго рода заболѣванія для самихъ родителей проходятъ незамѣтными и принимаются за простыя горловыя боли, которые стараются устранить очерчиваніями, припарками изъ горлянки и т. п. Само собой разумѣется домашнее лѣченіе оказывается недѣйствительнымъ и въ результатахъ даетъ значительный процентъ смертности дѣтей. Въ недавнее время придумали слѣд. средство: когда „дитя хрюпитъ уже, диxтерикъ душить его“, къ горлу привязываютъ кусокъ сукна отъ однорядки, смоченный чистымъ спиртомъ. (Н. А—на).

5. Кашель. Лѣчится независимо отъ причинъ, его вызывающихъ. Даютъ настой въ молокѣ желтыхъ пѣтушковъ; запариваютъ сушоную малину, анисовое сѣмя, земляничникъ, также настой изюма.

6. Корь. „Такъ изнашиваются корь“, т. е. ничего не предпринимаютъ.

7. Коcherгушка. Вызывается тѣмъ, что беременныя, случается, „пинаютъ ногами свиней“, (Ужурск. вол.). „Младенецъ реветъ, загибать головку назадъ и чахнетъ“.

Спеленавъ, сажаютъ его до трехъ разъ (съ наговоромъ) въ тепленкую печь; д. Логунова. Назаров. вол.

Протаскиваютъ съ наговоромъ же черезъ калачъ пшеничный, нарочно для того приготовленный, который затѣмъ бросаютъ собакѣ: отъ мальчика — кобелю, отъ дѣвочки — сукѣ. Л. Кокорина.

Носятъ въ баню, гдѣ всего младенца намазываютъ дрождями сквашенными съ отрубями и парятъ вѣникомъ съ наговоромъ. Н. А—на.

8. Криксы. „Какъ полночь младенецъ просыпается, плачетъ и кричитъ до бѣла дня. Случается надѣяться оттого, что какъ-нибудь проснется вмѣстѣ съ крикомъ первого пѣтуха“. Надо носить до 12 разъ „подъ пѣтухомъ“, т. е., сѣдало — мѣсто сидѣнья курь, — на вечерней зарѣ и шептать“; (наговоръ не записанъ); Ал. Т—ва.

9. Младенчеко. Болѣе распространенное название дѣтского родимчика. Самый процессъ проявленія обозначаютъ другимъ терминомъ — „цвѣтъ, или свѣтъ бѣть“. Дѣтей, часто подвергающихся припадкамъ младенческаго, или падучей (которую съ нимъ смѣшиваютъ), поэтому называютъ „цвѣтными“.

„Младенчеко приключается, говорить Ал. А—на, отъ пепугу“. Когда „бѣть“ ребенка, то жгутъ передъ нимъ перья, или окуриваютъ малой богословской; накрываютъ чернымъ платкомъ, или вѣнчальной рубахой, а то скатертью изъ-подъ Богородицы“.

Цвѣтныхъ лѣчатъ все равно, какъ отъ испугу, — наговорами и проч.; поять (съ наг.) настоями травъ №№ 28, 49, 110 и т. п.

„Запаривашь одну, или двѣ травы — сколько велить бабка — и ставишь въ баню либо въ трубу на первый дымъ; послѣ чего бабка шепчетъ надѣять ими. поить ребенка, либо обливать на порогѣ, а то

на печи скроль ниченки¹⁾, которы растягивать надъ его головкой“.
Ал. А—на.

10. Не маратся „Не чишкатъ“, говорять иначе,— стало быть зажигать на нутрѣ“. Запоры бываютъ.

Дають ложечку согрѣтаго коровьяго масла; теперь изрѣдка покупаютъ для этого касторовое масло; въ старину поили дрождями съ порохомъ.

11. Ночнай ревъ. Ребенку дѣлаютъ паровую ванну изъ мелкой травы.

12. Переополохъ. Дѣтей поять наваромъ травъ №№ 63, 87, 86 и отчитываютъ тѣми же наговорами, что и отъ уроковъ шепчутся.

13. Обмирание. Обмираютъ дѣти при появлениі на свѣтѣ (см. уходъ за новорожденными); обмираниемъ часто сопровождается „младенецко—цвѣтъ“, паденіе съ высоты, ушибъ, коклюшъ и т. д. Обмирающихъ „отрясаютъ“ нося на рукахъ, окуриваютъ богословской малой и проч.

13. Поносъ. Вн. нав. № 712. Средства противъ него тѣже, какія указаны выше. (См. Грызь на нутрѣ).

14. Подопрѣлость. Присыпаютъ бѣлой глиной, толчеными гнилушками, мелко скобленымъ кирпичнымъ чаемъ и пережаренной мукой.

„Понятно, за чистотой ребенка должна глядѣть, говоритъ Ал. А—на, сама мать. Случается однако, что прѣть малютокъ заставляютъ бабушки наши. Я видала младенца, у которого вся головка, шейка и одна бровь взялись сплошнымъ струпомъ; мнѣ думается оттого, что не чисто промыли на немъ родины, о чёмъ должна заботиться бабушка“.

15. Полуношникъ. „Днемъ ребенокъ спокоенъ и даже спитъ за то какъ вечеръ наступить, просыпается и съ открытыми глазами все кричитъ, все кричитъ; съ инымъ дѣлается это, когда пропоютъ пѣтухи,— это полуношникъ на ребенкѣ. Съ вечера когда не спится ему, несешь на вечернюю зорю; съ полночи просыпается— на утреню“. Ал. А—на; (см. наг. № 2).

Поять настоемъ маковыхъ головокъ, какъ бы отъ безсонницы.

Н. С. А—на отъ полуношника носить на вечернюю зорю и читаетъ наговоръ № 13.

Такъ какъ полагаютъ, что полуношнику всегда предшествуетъ переополохъ, озѣвъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, то послѣ ношения на зоры, лѣкарка ладитъ еще отъ переополоха и т. п.: пошепчетъ то на воду, которой поить, или умываетъ, то на самострѣлъ, который кладется затѣмъ подъ подушку дитяти, чтобы „отстрѣливалъ“ отъ него весь „младенецки скорби и болѣзни“; то на наваръ какой нибудь травы и проч., что признается существенно хорошимъ средствомъ противъ безсонницы, на которую стараются дѣйствовать особо успокаивающими или снотворными надобьями.

Иногда, утверждаетъ Палагея А—на, полуношникъ совпадаетъ съ чекотухой, тогда читаютъ наговоръ отъ чекотуна - полуношника (№ 12); другія наговариваютъ отъ полуношника и особо лѣчатъ отъ чекотухи (см. нагов. № 3 и 14). Кромѣ наговоровъ лѣчать также надобьями, указанными выше (см. Безсонница).

15. Прорѣзыванье зубовъ. Когда чешутся десна, даютъ муслины солодковый корень; если поносъ имѣется, даютъ грызть старые пятаки.

¹⁾ Нитяныя части ткацкаго станка, черезъ которыя продѣвается пряжа основы.

17. Родимчикъ. (См. Младенчецко). Вн. нов. №№ 28, 99 и 110.

18. Собачья старость. „Если женщина въ тяжести пинать когда собаку, новорожденного будетъ мучить собачья старость“. Ужурск. в.

„Въ собачьей старости младенецъ уже со дня рожденія какъ то чахнетъ, сохнетъ и скоро умирать. Выжившій долго не ходитъ (иной до 3 лѣтъ все не умѣть ходить), ножки у него искривлены бывають, животикъ, какъ пузырь, а самъ тѣльцемъ тощей такой да не боской“. Н. А—на.

Опредѣлить собачью старость, оказывается возможно. Надо, говорить, просять немного золы черезъ перевернутое вверхъ дномъ сито, распустить въ горяченькой водѣ и процѣдить щелокъ черезъ чистую скатерть въ корыто или сѣяльницу. Тамъ и купаютъ дитя, завернутое въ другой чистой скатерти: послѣ чего въ обмылки высыпаютъ оставшуюся золу, процѣживаютъ снова, золу выжимаютъ и смотрятъ, не найдется ли въ ней „шерстинки“; если окажутся таковыя, — „собачья старость, значитъ“. Куланье повторяется; обмылки сливаются уже на свѣжепросѣянную золу, цѣдятъ, выжимаютъ и смотрятъ, иѣтъ ли щетинокъ; найдутся если, снова выполняется также процедура, до тѣхъ поръ, пока волосковъ незамѣтно будетъ въ золѣ; тогда мытье заканчивается. На первыхъ порахъ оно, говорятъ, „въ пользу идетъ“. Н. А—на.

Катаютъ по спинкѣ младенца (безъ всякаго наговора) три колобочка изъ тѣста, замѣшанного на грудномъ молокѣ и бросаютъ ихъ на сѣщеніе кобелю или сучкѣ, смотря какого пола младенецъ. А. А—на.

Большенькихъ сажаютъ ножками въ брюшину только что заколотаго барана. Купаютъ въ наварѣ собачихъ ягодъ. А. Н—на.

Больныхъ носятъ также въ баню со щенкомъ соотвѣтствующаго пола. Тѣльце предварительно смазывается мазью № 63, затѣмъ бабушка, лѣкарка же паритъ вѣникомъ щенка (съ наговоромъ), а потомъ ребенка, и такъ продѣливаетъ нѣсколько разъ... „Если щенокъ послѣ бани подохнетъ, — младенецъ пойдетъ на поправу“. Щенка, между прочимъ, надлежитъ парить „не вольготно“, а какъ слѣдуетъ, чтобы, такъ сказать, запарить его, иначе больному „польги“ не будетъ. Пр. А—на, Ал. А—на и друг.

20. Стиски. Подъ ними Ал. Тр—ва разумѣеть тоже, что замѣчается у младенца, когда „грудца подходитъ“. (См. Грудца).

21. Стѣни. „Робенокъ чахнетъ, реветъ и не растетъ“, говорить Ал. Трофимова.

„Поди по дорогѣ (въ улицѣ хотя бы), говоритъ она, съ запада на востокъ и набирай 3×9 селименокъ, которы кресть-на-крестъ лежать, каждый разъ приговаривая „Господи Иисусе! Селименки сварить надо со свинымъ подорожникомъ, отваръ слить на литовку съ острія до пятки: имъ обливай подъ куринымъ сѣдаломъ,—пособлять. Или

Смѣрь тѣльце робенка, голову, руки, ноги, — всего надо сурою ниткой, завязывая каждый разъ узелокъ; робенка неси къ притвору (съ ниткой въ рукахъ); поставь одной ножкой на порогъ, и немного выше головы надо провертѣть въ двери дыру нопарьемъ (для памяти); ребенка обольешь простой водой надъ квашенкой предъ цѣломъ печки, говоря: „Господи благословесь! На утро, только затопиши печь, брось эту нитку въ первый огонь, а про себя шепчи: „Какъ эта нитка говоритъ, такъ и всѣ хворости пусть у раба божьяго (имя рекъ) сгорять“! Ал. Т—ва отождествляетъ „стѣни“ „съ собачьей старостью“, „криксы“ съ „полуношникомъ“.

22. Творожокъ цвѣтеть въ ротикѣ. Это, собственно, про-

стые виды плѣсневицы, или молочницы, весьма обыкновенные у грудныхъ дѣтей. Вышеописанные пріемы кормленія, какъ нельзя лучше способствуютъ цвѣтенію творожка.

Творожокъ изъ ротика выскребаютъ просто пальцемъ. Если моютъ дитя въ банѣ, то листикомъ вѣника, или мать своеї косой скребетъ; иногда засыпаютъ сахаромъ, мажутъ медомъ въ надеждѣ, что „робенокъ прососетъ творожокъ со сладенькимъ“; засимъ опять слѣдуетъ дача иногда прокисшаго, или плохо выжаренного рожка, и „безутишно“ продолжается накачиванье коровьимъ молокомъ.

23. Тѣльце цвѣтеть. „Сыпь такая по тѣльцу новорожденного другой разъ быватъ. Должно отъ мыла же, когда моешь робятъ, пріключатся,—къ въ книгѣ вотъ сказано“, замѣтила при этомъ Ал. А—на.

Вообще же происхожденіе сыпи относять къ банный приткѣ. Сговаряется однородными съ послѣдней средствами. (См. банная притка).

24. Уроки, страхи и т. д. Изурочать ли, озѣваютъ (похвалиять напр.) зворовье дитяти, въ такихъ случаяхъ, говорить Ал. А—на, робенокъ спить тревожно, часто просыпается, „вздрагивать во снѣ и лопочеть“; это — „малые уроки съ нимъ“. Но бываетъ, что дитя, „особливо когда испужаютъ его“, совсѣмъ лишается сна, мало есть, или вовсе не принимаетъ груди; „реветъ, точно его рѣжутъ, весь разгорать, мечется; другого почнетъ цвѣтъ бить“; это будутъ „большіе уроки — урочища“. При малыхъ урокахъ „робенка своего напоишь съ трехъ угольковъ, или обольешь чистой водой (безъ наговора) и больше ничего: дитя притихнетъ и уснетъ“. При урочищахъ „лайши на воду, наговариваешь отъ уроковъ, либо носишь на зорю, ровно бы отъ полуночины, и поишь травами, либо другимъ надобьемъ“. Ал. А—на (см. наг. № 1 и 2).

Василій Бормота ручается, что изуроченнымъ „шибко пособлять“ его наговоръ отъ уроковъ; (см. наг. № 30).

Полагая А—на въ такихъ случаяхъ „на воду ладила“ (съ наговоромъ № 10); ею поила и умывала.

Н. А—на носить отъ уроковъ на зорю; (нагов. № 13).

При общеизвѣстной нервной восприимчивости дѣтей, особенно рельефной и въ первые дни по рожденію на свѣтъ, когда вообще предрасположеніе къ заболѣваніямъ весьма велико“, — какъ говорить д-ръ Андреевскій ¹⁾, весьма возможно, что ужасающій видъ живаго существа, внезапный крикъ, ударъ и пр. способны вызвать въ нихъ тѣ болѣзnenныя страданія, на какія указываетъ здѣсь Ал. А—на, какія близко подходитъ, въ остромъ теченіи своеі (когда заканчиваются „младенецкимъ“ и „цвѣтомъ“), къ припадкамъ, напр., дѣтскаго родимчика, признающагося и научной медициной. Но нельзя, конечно, происхожденіе сего послѣдняго и болѣе легкія формы дѣтскихъ недомоганій ставить въ зависимость отъ однихъ только видахъ причинъ и придавать въ этомъ случаѣ такое сильное вліяніе многообразнымъ „люскимъ озѣвищамъ“, какъ это допускается крестьянствомъ. Доказано, что и помимо ихъ съ дѣтьми могутъ происходить „судороги“, такъ сказать, естественнымъ путемъ, развиваясь на почвѣ аномалий, замѣчаемыхъ въ общемъ строѣ дѣтской организаціи, которая бываетъ крайне несовершенна по втечениі первого года жизни²⁾. Такимъ образомъ уроки и т. п. озѣвища людскія сами по себѣ не будутъ составлять той или иной формы болѣзни, а являются въ отношеніи послѣднихъ только первопричинами,

¹⁾ „Школа здоровья“, стр. 213.

²⁾ Ibidem.

лишь косвенно вліающими на ихъ происхожденія. Это вѣрно и въ отношеніи взрослыхъ и въ примѣненіи къ дѣтямъ.

25. Цвѣтъ. См. „Младенчецко“ Нав. № 23, 38, 49, 69, 99, 113 (Отд. I).

26. Чекотуха. „Робенокъ сучить рученками и ноженками, на пяткахъ и подошвахъ краснота, ему не спится, — чекотуха съ нимъ“. Ужур. вол.

Избавить отъ нея дитя можно: „надо снять рубашенку, вымочить въ лохани, подойти съ ребенкомъ къ двери, отворить, повѣсить на нее рубашенку, затворить и взапятки уйти на кровать; дѣлается ночью, когда все спятъ. Будетъ ревѣть на другой день, неси къ лѣкаркѣ“ Анна А—на; д. Лугунова, Назар. вол.

Лѣкарки носить на зорю, особенно если чекотуха совпадаетъ съ полуношникомъ (наг. № 2 и 12) и лѣчать особо: чертять пяткой веретешка, обмокнутаго въ смолѣ, пятки подошвы, лобъ, темя ребенка съ известными приговорами, какъ поступаютъ А. А—на и Н. Клейменова. (См. наг. № 3 и 14).

Определенія жизни и смерти дѣтей. Средствами къ тому служатъ нѣкоторыя травы. Прасковья А—на указываетъ на бѣлую траву (*Ballota lanata L.*). Ал. Трофимова на мелкую траву *Patentilla anserina L.*). (См. Сборникъ, отд. III № 1 и 4).

Женскія болѣзни.

Психо-физіологическое состояніе крестьянки, изображаемое сообщеніями Ал. Ананьиной по народному акушерству, непреувеличивая, можно назвать мучительно-тяжелымъ и безотраднымъ.

Не смотря на краткость и нѣкоторую неполноту, сообщенія А—ной, на себѣ не разъ испытавшей „родильныя муки“, все же проливаютъ достаточно свѣта на картину совершающихся въ деревнѣ дѣторожденій, причиняющихъ матерямъ бездну безысходного горя и ненужныхъ страданій, въ результатѣ же дающихъ ужасающую сумму безвинныхъ смертей и разбитую жизнь родителей.

Въ этихъ сообщеніяхъ, кроме того, наглядно выступаютъ родъ и сущность специально женскихъ болѣзней и становятся понятіемъ причины происхожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе распространенныхъ среди крестьянокъ, напр.: „болѣтки брюха“, „бѣла и красна грыжа“, „женское безплодіе“ и проч., изложеніемъ которыхъ и закончится послѣдній отдыгъ Матеріаловъ.

1. Безплодіе. „Кто знать, отчего оно. Бывать, портить себя еще въ дѣвкахъ черезъ то, что „балуютъ шибко“. Ина забеременѣть старается выжить плодъ, друга хлопочеть, чтобы не забрюхатить вовсе; вотъ и пьютъ всякие надобья, ходять къ бабкамъ и портятъ себя; по выходѣ же замужъ не носять робять; черезъ то даже лѣченье не помогаютъ“.

Предположенія, высказываемыя Ал. А—ной, не смотря на свою односторонность, все же отчасти вѣроятны: въ Ужурѣ имѣется два подобныхъ примѣра.

Къ причинамъ, вліающимъ на полное, или временное прекращеніе женской плодоспособности, Ананьина относить: а) „перенесеніе неправильныхъ родовъ“; б) упущенія повитухъ при подачѣ помощи родильни-

цамъ, благодаря чьему послѣднія всю жизнь потомъ „маются болѣтками брюха; с) „бередѣ брюха“ во время беременности, вызывающій затѣмъ выкидыши, или преждевременные роды; д) „надсаду“; е) „бѣлую и красную грыжу“, словомъ все то, что и на самомъ дѣлѣ можетъ повредить „плодуху“ и произвести другія измѣненія въ строеніи и дѣятельности половыхъ органовъ женщины.

Справедливость своихъ замѣчаній она подтверждаетъ фактами, изъ которыхъ приведу болѣе подходящіе. Жена Семена Анаѣнина принесла первенца (онъ вскорѣ умеръ) и перестала носить отъ того, что „съ родинъ что-то подѣялось“; Матрена Каргополова „имѣла трехъ ребяти, теперь не носить: бередила сильно, когда ходила беременна первыми двумя“; за мужемъ 9 лѣтъ.

Безплодіе для крестьянки — самое болѣвное мѣсто: въ общемъ хорѣ той среды оно признается „порокомъ“, дѣлающимъ отвѣтственной одержимую имъ женщину; оно является для нея нерѣдко источникомъ морального приниженія, часто безвинно претерпѣваемаго ею въ семье мужа; лишаетъ ее, наконецъ, единственной радости имѣть дѣтей, чрезъ которыхъ мать прочно внѣдряется въ семью мужа и получаетъ залогъ утѣшения и покоя на старости лѣтъ. Поэтому каждая изъ замужнихъ, намѣренно, или случайно лишившаяся способности къ дѣторожденію, всѣми, силами стремится возстановить ее и всѣ „средства“ испробуетъ.

Чтобы носить робятъ. Для этого пьютъ навары травъ: нутреца, теплышника и травы чирь и правятъ животъ у лѣкарокъ. Такъ лѣкарка Монакова дѣлала той женѣ Семена 12 бань, правила животъ, поила наваромъ травы чира и извергной, послѣ чего будто-бы (хотя достовѣрный фактъ) заберемѣнѣла и принесла парня на десятомъ году своего бесплодія; спустя годъ принесла другого. Жена Трофима Ан—на имѣла 6 ребятъ (4 живыхъ); за послѣднімъ перестала носить, что длилось 9 лѣтъ; лѣтъ-то, она родила (въ 90 г.) парня, а въ 93-мъ—дѣвочку; оба живы. Жена Луки Ал. А—на по выходѣ замужъ не носила дѣтей 9 лѣтъ; употребляя внутрь наварь корней теплышника, посовѣту лѣчившей ее бабушки (которая „накидывала ей горшокъ“ на животъ, ровно бы отъ надсады, пользовала баниями и кое-чѣмъ другимъ, мнѣ неизвѣстнымъ), Анаѣнина, не болѣе 5 лѣтъ назадъ, принесла послѣ того четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ два въ живыхъ. Съ той же цѣлью пьютъ наварь нутреца. Какъ болѣе поразительный примѣръ того, что лѣкарки своимъ лѣченiemъ и надобьями могутъ иногда вызывать, или вернуть способность къ дѣторожденію, Ал. А—на привела случай женой Василья Сураза.

„Она, говорила, сошлась съ Василемъ молоденькой; 16-ти лѣтъ заберемѣнѣла; года не вышли—попѣ не сталъ вѣнчать; она принесла. Василій сложился съ ней и сталъ жить, какъ мужъ съ женой; ребенокъ же умеръ и дѣтей больше не было. Долгое время жили невѣчаны; собравшись съ денежками, повѣнчались. Баба начала лѣчиться, черезъ то стала носить робятъ: не въ долгихъ тутъ (черезъ 17 лѣтъ послѣ первого) принесла мальчика и дѣвочку (умерла)“.

Иная, говорить Ал. А—на, „ради этого пьютъ пуповину, которая отпадать у робятъ; запарять въ чайникъ и эту срамную воду пьютъ“. Однако питье пуповины не принесло желанныхъ результатовъ женѣ Алексѣя Ан—на, которая сначала замужества, около 11 лѣтъ, не имѣть дѣтей. Такихъ абсолютно-бездѣтныхъ, сравнительно еще молодыхъ женѣ, быть можетъ столь же тщетно дѣлающихъ попытки имѣть дѣтей черезъ лѣченіе,—Анаѣнина насчитала до 11.

Но рядомъ съ такими стремленіями женщинъ существуютъ явле-

нія іного порядка: секретними средствами успівають, будто, добитися того.

Чтобы не носить робятъ. Подобное желаніе въ замужней крестьянкѣ на первый взглядъ совершенно немыслимо, а если что и практикуется въ этомъ смыслѣ, то развѣ дѣвушками по известнымъ только имъ мотивамъ. Какъ бы то ни было, но средства къ выполненію подобного намѣренія, утверждаютъ, есть. Соломонида А—на (уроженка д. Марьиной, по рч. Черешѣ) передавала, что односельчанки указывали ей на траву ладошки *Orichis militaris S.*), корешки которой предохраняютъ отъ беременности на 1—5 лѣтъ, смотря по тому, сколько одинъ корешокъ или пять. На сколько это указаніе вѣрно, она не знаетъ.

Чтобы выжить ребенка. При подобномъ желаніи пьютъ, говорятъ, порохъ, суплему и пользуются советами бабушекъ.

Для предупрежденія уничтоженія плода поять наваромъ росянаго ладона.

2. Бередъ брюха (жизота). „Бередилась“ — тревожила, ушибла чѣмъ нибудь животъ. Бередъ брюха можетъ произойти отъ удара въ животъ, отъ сотрясенія при паденіи, отъ натуга и т. п. причинъ и случайностей. Бередить брюхо для женщины особенно опасно въ періодѣ беременности. Отъ этого, говорятъ, можетъ послѣдовать выкидыши или преждевременные роды и все такое, отъ чего всю жизнь потомъ будешь „маяться болѣтками“. Когда „потревожишь себя, слѣдуетъ сейчасъ же начать пить извередну траву, либо уразный звѣробой, позвать духтарху, чтобы растирала брюхо и прочее, что дѣлать нужно“. Ал. Ап—на.

3. Болѣтки брюха. Это общий терминъ, которымъ имѣется въ виду показать, что не все въ порядкѣ на „нутрѣ“. По отношенію къ женщинѣ онъ почти всегда означаетъ, особенно въ послѣ-родовомъ состояніи, страданія, главнымъ образомъ половыхъ органовъ. Если нѣть явныхъ признаковъ болѣзни или просто не поддаются определенію, то обыкновенно говорятъ: „болѣтки каки-то все ходятъ; то спускаются ниже пупка, то подкатятся... Попѣшь чего-нибудь,—пріотдастъ маленько, на часъ полегчать“. Когда же болѣзнь вполнѣ известна, но нежелаютъ разглашать женскія секреты, то говорятъ также односложно, въ родѣ того, что „не брюхатить,—болѣткамъ маєтъ“, хотя потомъ окажется, что у ней, напр., „плодуха опустилась“ или „залевища“ имѣются и т. п.

Лѣченіе женскихъ болѣтковъ производить, сообразуясь съ положеніемъ и характеромъ ихъ. Вообще же при „болѣткахъ брюха“, говорятъ, можно пить „безбоязненно“ девятильникъ, и другія растенія, поименованныя въ этомъ отдѣлѣ женскихъ болѣзней.

4) Груди женскія (титки). Забrusенъе грудей—грудница, —вѣтренній переломъ. Сопровождается одервенѣемъ припухлостью одной, или обѣихъ титекъ, ломотой въ нихъ и остановкой молока. Послѣднее, зависимое отъ нѣкоторыхъ болѣзней и случайностей,—испуга и т. п.,—само по себѣ производить забrusеніе грудей. Название „вѣтренній переломъ“ присоединяетъ еще одну причину,—простуду, оказывающую влияніе на образованіе „забrusенъя—грудницу“, имѣющую много сходнаго съ „грудницей“, описываемой д—ромъ Андреевскимъ (стр. 762).

Ал. А—на лѣчитъ грудницу наговоромъ № 6; Пал. А—на,—какъ отъ „вѣтренаго перелому, наговоромъ №№ 10—11. Кромѣ того дѣлаютъ втирание мази № 62; прикладываютъ листья бѣлены, какъ Ефр. Бокорина; примѣняютъ припарки изъ свѣжаго, также сухого звѣробоя, какъ Н. Клейменова, которой привелось хворать грудницей послѣ описанной выше смерти ея дочери.

Испугъ, вызванный ожогомъ дочери, мученія отъ сознанія своей

вины въ страданіяхъ ребенка и его смерти, а также неожиданная пріостановка въ кормлениі грудью,—вся эта совокупность „непредвидѣнныхъ обстоятельствъ“ отразилась на бѣдной матери въ формѣ забру-сѣнія одной изъ грудей.

Послѣ припарокъ изъ лугового звѣробоя на груди образовался провалъ, изъ которого вышло „много дури“; затѣмъ опухоль опала, ломота „утишилась“ и Кл.—ва скоро поправилась.

Нарывы на грудяхъ. Сн. припарки лугового звѣробоя; листья воронца, бѣлены, мазь № 62.

Свищи. Снаружи втирается мазь № 62.

Соски трескаются. Мажутъ свѣжими сливками, а изрѣдка перестаютъ сосить ребенка.

Язвы титекъ. Сн. мазь № 51, или пластырь № 73.

Слаботитье. Млекотеченіе¹⁾, — „отъ него нѣтъ лѣченія, развѣ что чаще отчиркивашь молоко“. Ал. А—на.

Туготитье. Объясняютъ недостаткомъ молока въ грудяхъ пьють отваръ сѣмянъ аниса. Анна Д. А—на.

5. Дѣланыя родовыя муки. Происходятъ будто бы съ женщинами небеременными и даже съ мужиками оттого, что ихъ „могутъ дѣлать,—есть таки люди“; избавиться отъ нихъ можно, если найдешь того, кто „снять сможетъ“. Бабушка Хавровны.

6. Женская грыжа. (См., грыжа отд. I).

Бѣла грыжа. Страданіе бѣлями.

Внутрь мелко-истолченый хрусталь съ водой, или коноплянымъ молокомъ. Н. А—на.

Внутрь водочный настой сулемы.

Отваръ волосянки женской и наваръ № 121.

Красна грыжа. Вѣроятно тоже, что д-ръ Андреевскій (стр. 933) обозначаетъ словами: „слишкомъ обильный мѣсячный очищенія и кровотеченія изъ матки“. Для крестьянокъ очевиденъ только фактъ кровотеченія,—„заливища“, происходящаго въ необычное время и въ обильномъ количествѣ, независимо отъ того, чѣмъ онъ вызывается, изъ какихъ частей „родовъ“ исходитъ. По длительному характеру и „грызущимъ“ свойствамъ эта боль, какъ и бѣли, относится къ одному изъ видовъ грыжи; по виѣшнимъ же ея признакамъ—теченію „красокъ“—прибавляютъ эпитетъ „красной“.

При красной грыжѣ употребляются: настой женской волосянки, отваръ № 44, навары №№ 54, 70, 76 и 121.

Залевища. См. краски.

Золотникъ. „Матка опускается къ лунѣ“, говорить Ал. А—на въ видѣ поясненія того, что значитъ—хворать золотникомъ. При этомъ слышна „боль у пупа“; она даетъ роженицѣ ни фѣсть, ни спать; какъ ребенка сосить такъ въ жаръ бросать, къ сердцу и бокамъ болѣтки подступаютъ: оттого что коры бабки „не правятъ брюхо съ родинѣ“. Болѣнь эта не у каждой приключается, по человѣку гляди тоже: коры „брюхомъ крѣпки“, тѣ встаютъ на другое, или трети сутки иробятся.

Отъ этой боли бабушки правятъ животъ. Утромъ поправятъ, подважутъ рукотерникомъ брюхо пониже пупка, а вечеромъ опять поправятъ и такъ до 3—6 дней; поять еще наваромъ № 141 или 146.

Говорятъ еще

Плодуха (матка) опустиласъ. Отъ надсады, или другихъ причинъ. Употребляется отваръ теплыжника. Н. А—на.

Рванины. Замѣтное припуханіе венъ (шишки) на ногахъ, жи-

¹⁾ Андреевскій, стр. 764.

вотъ и др. частяхъ тѣла, часто случающееся у беременныхъ; нерѣдко шишки мѣстами прорвутся (пропукаютъ) и истекаютъ кровью; отсюда название боли — „рваницы“.

Средства для лѣченія рваницъ весьма ограничены. Пытаются предупредить „набуханіе жиль“ тѣмъ, что мажутъ пораженные части мѣстомъ отъ первого своего ребенка; кровь откроется — заговариваютъ (см. заговоры №№ 20 и 21), или „перетягиваютъ жилы тесемкамъ“; дѣлаются также припарки изъ камчака. Ал. А—на.

„Нельзя глядѣть на женщину, у которой есть рваницы: у самой будутъ онѣ“, — Ужур. вол.

„У нашей невѣстки, говорила Ал. А—на, рваницы завсегда живутъ, даже въ просто время; когда ходить въ тяжестяхъ, нагрубаютъ шибай, на ногахъ и животѣ дѣлаются шишки; ходить и робить уже трудно тогда ей. Разъ мылась это она въ банѣ; зашла туда Д. Б. и тоже стала мыться; увидала это невѣстку, испуждалась и говорить: зачѣмъ это меня черть занесъ сюда, прости Господи! Срамно-то глядѣть на тебя, Маланьюшка“. — Недомывшись убѣгла.. Что-же? Послѣ того сама мучилась рванинами.

Рѣзачка	Порченая	См. грыжи, отд. I.
	и Непорченая.	
Хомутикъ	Верховой	Ibidem.
	и Нутряной.	

7. Краски. Подъ ними разумѣютъ обычныя и необычныя мѣсячныя очищенія и различного рода кровотеченія изъ „родовъ“. Когда краски открываются, или прекращаются въ необычное время, или же становятся слишкомъ обильны и переходятъ нерѣдко въ „залевища“, — это вызываетъ серьезная опасенія и заставляетъ крестьянокъ стараться какъ-нибудь упорядочить ходъ ихъ.

Брюхо вздыматъ. Ал. А—на предполагаетъ, что это бываетъ „отъ малыхъ родовыхъ кровей“, или

Долго красокъ не бывать, съ родинъ, или какихъ-нибудь другихъ причинъ.

Въ обоихъ случаяхъ пьютъ полевую ромашку, калганную настойку, хмѣль и др. надобья, поименованныя въ „Сухихъ родахъ“

Красокъ нѣтъ, — и ей дутъ краски. Означаетъ полное прекращеніе мѣсячныхъ. Оно случается, говорить, чаще послѣ роженья, но происходитъ и въ дѣвическомъ возрастѣ. Тогда его называютъ.

Дѣвичей немочью, (блѣдная немочь), которая развивается въ дѣвицахъ, по утвержденію повитухъ, иногда отъ того, что „мать унесеть краски въ землю“, т. е., умреть въ день регулъ дочери, или смерть совпадетъ съ первымъ появлениемъ ихъ. Такъ случилось, говоритъ Ал. А—на, съ дочерью Ник. Стрищинского, у которого жена умерла „мѣстомъ“. Авдотья осталась отъ матери на 15 году ишибко убивалась по ней; потомъ стала блѣднѣть какъ-то, худеть и съ работы приставала. За послѣднее время все кахикала и зачахла, не имѣя до самой смерти красокъ (умерла на 94 г.).

При отсутствіи менструацій и дѣвичей немочи стараются „вызвать краски“ соотвѣтствующими надобьями.

Залевища. Обильныя краски. Заговариваютъ кровь и поять измаденомъ; но вообще домашнее лѣченіе рѣдко бываетъ успѣшно. Такъ у второй жены Прохора Ананьина еще въ дѣвушкахъ открылись „злевища красокъ“; „всѣ наши духтарки, передавала Ал. А—на, не смогли остановить ихъ. Думали, что помретъ. Только дохтуръ Старо-

городской пособиль". Эта женщина уже вышла за втораго и ни отъ одного не имѣла дѣтей, хотя въ замужествѣ уже 7 лѣтъ. Надо думать, что залевища не остались безъ вліянія на ея безплодие.

Смѣртны ключи красокъ. См. отд. нар. акушерства.

8. Онѣмѣніе рукъ и ногъ. Случается у беременныхъ. Мажутъ руки и ноги нарочно припасаемыми для этого обмылками съ мертвца.

9. Поносить брюхо. Подъ этимъ разумѣютъ беременность женщинъ. Она, извѣстно сопровождается цѣльмъ рядомъ болѣзнейныхъ явлений, которые понимаются Ал. А — ной нѣсколько односторонне и выливаются въ ея представлениіи въ формѣ прихоти въ пищѣ. Чтобы облегчить это состояніе, слѣдуетъ, идя топить баню, „взять съ собой калачикъ, или корочку хлѣба и съѣсть єё, пока топится первая каменка“ (первая истопель). Пьютъ также наваръ гранатника.

10. Пусто брюхо. См. Акушерство.

11. Рвота. На нее смотрятъ, какъ на обычный симптомъ беременности.

12. Судороги. Заставляютъ топтать босыми ногами горячее помело.

13. Тошнота. — Также какъ и блевота всего чаще случаются при беременностяхъ, когда „поносить брюхомъ“. „Проблюешься и — только“, говорять.

14. Уроки. Большею долею „урочливости“, по мнѣнію крестьянокъ, обладаютъ беременные и родильницы. (См. „уроки“, „цвѣтъ“ въ I отд.; „Если Богъ не дастъ скоро“ и поясненіе къ этому тексту во II отд.; поясненіе къ „урокамъ“ въ III отд.; также наговоры отъ „уроковъ“).

15. Цвѣтъ. Послѣднихъ, какъ говорилось выше, также и „цвѣтъ бѣть“ то по причинѣ исключительного положенія ихъ, то вслѣдствіе потрясающихъ обстоятельствъ и второстепенныхъ случаевъ (См. „цвѣтъ“ отд. I). Проявленіе „цвѣта“ среди беременныхъ женщинъ приближаетъ и самая причина происхожденія его къ причинамъ вызывающимъ у родильницъ и беременныхъ родимчикъ, истерику, обмирания. „Цвѣтъ“ въ данномъ случаѣ есть какъ бы общее наименование этихъ болѣзней.

Главнѣйшиe термины, употребляемые въ народномъ акушерствѣ.

Богъ не дастъ скоро — продолжительные роды.

Богъ проститъ — разрѣшиться отъ беременности.

Богъ проститъ легко — своевременно и безъ лишнихъ затрудненій родить.

Брюхомъ крѣпкой быть — встать на другіе-третыи сутки послѣ родовъ и работать.

Брюхомъ вздымать — послѣродовая сокращенія матки, ея болѣзни и т. п.

Брюхомъ взнимать станетъ — начало родовыхъ потугъ.

Воды пролились — пузырь лопнуль.

Въ тяжестяхъ ходить — беременной быть.

Давать силу — тужиться, усиливать давленіе на матку.

Долго красокъ нѣтъ — временная остановка менструаций.

Долго муки идутъ — долго потуги продолжаются; плодъ не выталкивается.

Голову обносить — головокруженіе.

Животъ править — дѣлать растиранья во время потугъ; направлять положеніе младенца въ утробѣ; направлять его во время выхода; послѣ родовъ подымать матку и т. п.

Залевища — усиленная менструація, кровоизліянія изъ матки.

Золотникъ — матка.

Золотникомъ хворать — страданія матки.

Краски — менструація, послѣродовая кровь.

Красокъ нѣтъ — не идутъ — полное прекращеніе менструацій.

Краски хвошуть — льются обильно.

Муки — "родовая боли, схватки и сопровождающая ихъ болезненныя ощущенія".

Муки взимаютъ — мучиться въ родахъ.

Мѣсто — послѣдъ.

Мѣсто не вышло — послѣда не было.

На вносяхъ } послѣдніе дни беременности.
На тѣхъ порахъ }

Надыматъся — тужиться, "силу давать".

Обмирать — ослабѣть, быть въ обморокѣ.

Поконъ — вытѣсненіе плода.

Поконъ тяжелый — вытѣсненіе плода съ затрудненіями и длительное.

Плодуха — матка-золотникъ.

Плодуха опустилась — выпаденіе матки.

Померѣть красками — отъ послѣродовыхъ кровей, залевища.

Померѣть въ мукахъ — не разрѣшился отъ беременности, умерѣть во время потугъ или отъ невышедшаго плода.

Померѣть мѣстомъ — умерѣть отъ не выхода послѣда.

Приспѣть часъ родить — моментъ совершеннія родовъ.

Пропукнетъ пузырь — самопроизвольно лопнетъ.

Прощипать пузырь — прорвать насильно.

Поносить брюхо — болезненныя состоянія на первыхъ порахъ беременности; зачатіе.

Пусто брюхо — выкидышъ.

Робенокъ повернулся — неправильное положеніе младенца въ утробѣ; неправильный выходъ его.

Растряслась — принесла, разрѣшилась отъ беременности, родила.

Рванины — припуханіе венъ во время беременности.

Роды — половые части женщины (см. неправильные роды).

Родинъ — послѣродовая краски, воды и проч.

Роженіе — весь процессъ родовъ.

Смѣртны ключи красокъ — безостановочно-усиленная кровоизліянія изъ матки.

Сухи роды — когда водъ нѣтъ, красокъ мало или не было.

Тяжела — беременна.

Хоронить мѣсто — прятать послѣдъ.

A. Макаренко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губерніи.

Огонь, какъ извѣстно, издавно являлся предметомъ особенного почитанія для многихъ народовъ. Вездѣ почти его возводили на степень божества и покланялись ему. Въ настоящее время символическое значеніе огня безсомнѣнія умалилось въ глазахъ народностей болѣе культурныхъ странъ. Но и здѣсь отыщутся укромные уголки, гдѣ населеніе еще вѣрно отжившимъ традиціямъ оботворенія огня. Въ нашемъ отечествѣ, напр., найдется не мало подобныхъ фактовъ. Сослалася хотя на свидѣтельство „Нов. Время“¹⁾, перепечатанное затѣмъ журналомъ „Жив. Стар.“²⁾. Оно передаетъ о томъ, что жители волынского Полѣсся на своихъ свадьбахъ примѣняютъ огонь съ цѣлью разоблаченія интимной жизни молодой за времена предшествовавшее ея замужеству. День Ивана-Купала (24 июня) въ Малороссіи рѣдко когда обходится безъ огня. Тамъ подъ сурдинку „купальскихъ“ напѣвовъ парубки и дѣвушки скачутъ черезъ пламя костровъ, разводимыхъ нарочно вечеромъ этого дня³⁾. Живя недолго въ Кременчужскомъ уѣздѣ, Полтав. губ., между прочимъ, мнѣ пришлось видѣть, какъ парубки въ продолженіи всей Ивановской ночи ходили съ зажженными пучками соломы, укрепленныхъ ивовыми прутьями къ длиннымъ шестамъ: при свѣтѣ такихъ своеобразныхъ факеловъ они переходили изъ хутора въ хуторъ, съ цѣлью навѣстить своихъ „коханокъ“.—При видѣ огня молнии люди большею частью впадаютъ въ паническій страхъ; когда слышится, что молния зажжетъ избу, зародѣли сѣна и т. п., большинство крестьянъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ затушить пожаръ, такъ какъ признается, что огонь молнии неугасимъ, онъ есть божеское наказаніе, противиться которому не должно. Такимъ образомъ заурядное физическое явленіе возводится въ культуру и почитается какъ нѣчто сверхъестественное. Кремневый огонь, высѣкаемый огнivомъ изъ кремня, примѣняется повсемѣстно при лѣченіи „летучаго огня“ и тоже надѣляется силой, способной уничтожить злокачественную сыпь... Эти и т. п. примѣры составляютъ наслѣдие, цѣликомъ перешедшее къ намъ издревле, они суть отзовки былыхъ языческихъ вѣрованій, до сихъ поръ осѣляемыхъ ореоломъ фантастической поэзіи.

На огонь, какъ на очистительное средство, смотрятъ также

¹⁾ № 5808.

²⁾ Вып. II, 90 г., стр. 188.

³⁾ Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ „купальскихъ“ обрядовъ и игрищъ.—„Жив. Ст.“, стр. 128, вып. I, 96 г.

крестьяне-сибиряки трехъ округовъ Енисейской губ.¹⁾). Они пользуются, напр., кремневымъ огнемъ. Во время чумы на домашний скотъпускаются ими въ ходъ, такъ называемыя „курева“, которыя раскладываются въ разныхъ мѣстахъ паскотины²⁾ каждой деревушки той мѣстности, что объявлена на карантинномъ положеніи. Курева — это зажженныя кучи навоза (назыму), горѣніе ихъ поддерживается обыкновенно нанятыми для этого „приворотниками“³⁾. Кроме того они обязаны подвергать предварительному окуриванію лошадей проѣзжихъ и пасущійся въ паскотины скотъ, когда тотъ возвращается въ деревню. Дѣлается это весьма просто: животныя подпускаются къ куреву съ подвѣтренной стороны, чтобы охватило ихъ дымомъ. Операция длится одно мгновеніе и можетъ, какъ полагаютъ, „очистить“, т. е. привести къ выздоровлѣнію зачумленный уже скотъ, а здоровую часть его предохранить отъ зараженія — „сильнѣе лишь уповай на Бога“! — говорится въ заключеніи. Упрощенная до нельзяя теорія огненнаго очищенія, понятно, не оправдывается на практикѣ и даетъ самые печальные результаты. Прибѣгаешьъ народъ къ ея помощи, самъ собой разумѣется, въ силу незнанія лучшихъ и дѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ явленіями эпизоотіи. Но где ему почерпнуть нужные для этого свѣдѣнія?

Тоже самое слѣдуетъ сказать по поводу очищенія при посредствѣ огня, производимаго въ моменты „люскихъ болѣстей“, принимающихъ эпидемическій характеръ. Оно тождественно съ предыдущимъ способомъ и выполняется по одному и тому же шаблону, съ тою только разницей, что окуриванію подвергаются преимущественно люди, входящія и выходящія черезъ врата временнаго чистилища. Такъ было при мнѣ въ Ужурской вол., Ачинскаго окр. во время холеры 1892 года⁴⁾.

Нѣчто подобное разсказывается г. Шустиковымъ въ его передачѣ о „пovѣryахъ, суевѣryахъ и жителей Троицкаго⁵⁾.

Для человѣка не крестьянской среды „нальмная курева“ будуть лишь непріятнымъ препятствиемъ, безцѣльно задерживающимъ путника въ дорогѣ — и больше ничего. Для крестьянъ эти смердящія кучи являются достовѣрными указателями на несчастье, которому подверглось то или другое селеніе; онѣ для нихъ предметъ суевѣрного изучанія, ради которого сельчане безпрекословно подвергаются немногосложнымъ правиламъ, предписываемымъ оригинальнымъ обычаемъ народнаго карантина. Внутри каждой дымящейся наземной кучи, изготавляемой въ экстраординарныхъ случаяхъ, горитъ огонь, играющій въ жизни крестьянъ выдающуюся роль. Онъ не какой нибудь простой огонь, а „деревянный“, которому приписывается мнѣніемъ крестьянской среды вышеозначенныхъ округовъ чрезвычайная цѣлебная сила.

¹⁾ Это вѣрно по отношенію крестьянъ Ачинскаго, Енисейскаго и части Красноярскаго округовъ.

²⁾ Выгонъ для скота, примыкающій къ жилымъ строеніямъ деревни; онъ обносится изгородью, дѣлавшагося изъ жердей, на тотъ случай, чтобы пасущійся скотъ не могъ свободно попасть на пашни и причинить вредъ хлѣбамъ.

³⁾ Приворотникъ — сидящій у воротъ паскотины; занятіе его состоитъ въ томъ, чтобы впускать и выпускать изъ деревни проѣзжихъ; его нанимаютъ вскорѣ послѣ весеннаго сѣва вплоть до уборки съ полей хлѣба.

⁴⁾ Объ этомъ подробнѣе разсказано въ неизданныхъ еще „Материалахъ по народъ медиц.“ Ужурск. вол., Ачинск. окр., Енис. губ., составленныхъ при моеемъ участіи.

⁵⁾ Троицкаго Кадниковскаго уѣз., Вологод. губ. — „Жив. Стар.“, стр. 120 вып. III, 95 г.

Въ той же Ужурской волости, особливо въ старину, съ помощью деревянного огня окуривался домашній скотъ. Дѣлалось это въ великой четвергъ, когда начиналась заутреня, въ видахъ огражденія животныхъ отъ продѣлокъ нечистой силы, отъ мора и т. п. напастей, уносящихъ съ собой сотни и тысячи головъ весьма полезныхъ пособниковъ человѣка. Надо думать, этотъ же огонь зажигается въ куревахъ и теперь еще во время падежа скота, но возможно, что обходятся безъ него, и курева зажигаются обыкновеннымъ огнемъ скорѣе всего изъ подражанія къ прошлому вѣрованію, не успѣвшему окончательно остыть въ людяхъ, еще не такъ давно бывшихъ въ полной власти суевѣрного почитанія деревянного огня. Въ такомъ именно переходномъ состояніи находятся жители подгородныхъ деревень Красноярского округа. Тамъ можно встрѣтить крестьянъ, которые употребленіе деревянного огня относятъ всецѣло на счетъ старины и „дурачества“ своихъ предковъ; другіе, болѣе пожилые, сохранили одно лишь воспоминаніе о томъ времени, когда деревянный огонь добывался по великимъ четвергамъ — но лѣтъ 15—20 уже прошло, какъ и это перестали дѣлать ¹⁾.

За то въ с. Усть-Тунгузскомъ, Маклаков. вол., Енисейск. окр., деревянный огонь добывается каждый разъ во время валежки домашнаго скота. Разсказчица Анна Казанцева, уроженка этого села, завѣряла, что такой же точно огонь воспроизводится въ тожественныхъ случаяхъ по всей Маклаковской волости. Когда этотъ обычай вошелъ въ употребленіе, „того времени, говорить она, и наши дѣдушки не запомнятъ“.

Давность существующаго почитанія деревянного огня подтверждаетъ отзывъ извѣстной уже читателямъ „Жив. Стар.“ ²⁾ древней старушки Марины Лыткиной. Она передавала, что въ далекомъ дѣствѣ, будучи ребенкомъ 8—9 лѣтъ, сидѣла однажды на брусе, держа въ рученкахъ трутъ, въ ожиданіи, пока не нагреется брусь, о который терли сухой лучиной, чтобы потомъ приложить къ нему трутъ и раздуть огонь. Ей перевалило за 80 лѣтъ; сама она уроженка д. Лопаткиной Казачинской вол. ³⁾. Этой же волости крестьянинъ д. Мысовской (Мысы-тожъ) Сергій Семеновъ (нынѣ живущій въ с. Казачинскомъ) говоритъ, когда „случалось или случатся неблагополучіе на скотѣ, у нихъ зажигаютъ по паскотинѣ деревянный огонь, и это заведеніе установлено еще ихъ отцами“. Деревнюшка Мысы близко граничитъ, между прочимъ, (всего въ 20 вер.) съ Бѣльской и Яланской волостями, гдѣ, по сказанію Семенова, жителями практикуется тоже самое. Въ чергѣ села Казачинскаго, 10—12 лѣтъ тому назадъ, было „неблагополучіе на рогатомъ скотѣ“, и тогда зажигался по паскотинѣ деревянный огонь, — это помнить парень (18 л.) Василій Лыткинъ. Наконецъ, у воротъ паскотины д. Курбатовой (Башкиры тоже), лежащей въ 4 вер. отъ с. Казачинскаго, не далѣе какъ въ 1895 г. горѣль деревянный огонь ради предупрежденія распространенія чумной заразы, начинавшей было пошаливать въ этой деревнѣ.

¹⁾ Изъ личныхъ разспросовъ крестьянъ-ямщиковъ Красноярск. окр., проходившихъ съ обозомъ чрезъ с. Козачинское въ декабрѣ 1896 г.

²⁾ Вып. III и IV, 1895 г., стр. 351—352.

³⁾ Эта деревня не только соединилась постройками съ примыкавшими къ ней с. Рождественскимъ (гдѣ раньше находился женскій монастырь одного съ нимъ названія, нынѣ перенесенный въ г. Енисейскъ), но и вошла цѣликомъ въ его администр. управленіе и приняло его наименованіе; теперь отъ прежней д. Лопаткиной осталась лишь улица, именуемая Лопатовской.

Ограничась приведенными сообщеніями фактическихъ данныхъ относительно вѣрованія крестьянъ-сибиряковъ въ животворную силу деревяннаго огня, перейду затѣмъ къ описанію пріемовъ добыванія его, весьма распространенныхъ въ районѣ знакомыхъ намъ мѣстностей.

Добываніе деревяннаго огня.

Деревянный огонь—изъ дерева добытый огонь самымъ примитивнымъ способомъ, путемъ простаго тренія куска дерева о дерево на подобіе того, какъ это дѣлалось народами въ доисторической періодъ.

Въ Ужурской волости, по словамъ старожиловъ, деревянный огонь добывался слѣдующимъ порядкомъ.

Между пятками двухъ деревянныхъ стоекъ незатѣйливо сдѣланаго подобія токарного станка (см. рис. 1) вставляется хорошо высу-

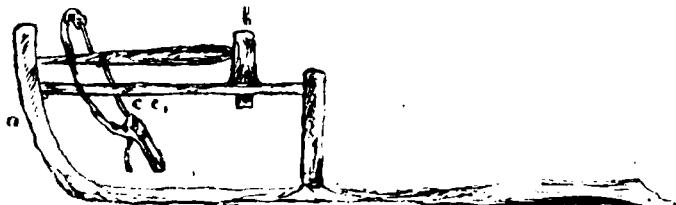

Рис. 1. Одна изъ стоекъ а) составляетъ изогнутую часть полоза старыхъ саней, другая б) будеть вертикальная плашка съ заклинкой на нижнемъ концѣ; она передви- гается руками вдоль горизонтально-параллельныхъ между собой двухъ брусковъ (cc.). На этомъ станочкѣ до сихъ поръ обтачиваются и обжигаются всѣмъ известныя веретена (веретешки).

шенный и гладко обдѣланный обрубочекъ изъ березового дерева; на него надѣвается лучекъ, ременной тетивой своей онъ обнимаетъ обрубочекъ взаплетъ; лучекъ дергается лѣвой рукой вверхъ и внизъ; движенія руки должны быть ускорены и безостановочны; обрубочекъ быстро вертится и трется о лучинку, приставленную къ его утолщенному концу; они обоядно нагрѣваются, отчего появляется дымокъ; тогда подносятъ къ мѣсту наибольшаго тренія кусочекъ трута: на него переходитъ съ обрубочка едва замѣтная искорка и зажигаетъ—это и будетъ деревянный огонь; тлѣющій трутъ „придуваютъ“ къ сосновымъ уголькамъ, какъ болѣе мягкимъ и быстро разгорающимся; отъ нихъ зажигается лучинка, а затѣмъ дрова въ печи; послѣ ихъ сгоранія угли загребались въ загнѣти и тщательно засыпались пепломъ. Въ самую заутреню уголки доставались изъ загнѣти и клались на желѣзко; на нихъ жгли „вихорево гнѣздо“ (*Plica Betulae albae*) ¹⁾, представляющее собой скопленіе въ одномъ мѣстѣ на березѣ множества мелкихъ сухихъ вѣточекъ. Съ такимъ куревомъ домохозяева обходили вокругъ домашняго скота. Въ великій четвергъ слѣдующаго года деревянный огонь добывался заново ²⁾.

¹⁾ По опредѣленію завѣдывающаго Мишусинскимъ Публич. Музеемъ Н. М. Мартынова.

²⁾ Выписка изъ тѣхъ же „Материаловъ по народ. медиц. Ужурск. вол.“, нѣсколько дополненная.

Усть-Тунгушенцы добывают деревянный огонь одинаковымъ образомъ на такого же типа станкѣ. Между стоеckъ вставляется гладкій болвашекъ сухаго березового дерева; добыватель лѣвой рукой быстро вращаетъ его лучкомъ, другой приставляетъ къ нему тонейшую луchinку¹⁾ съ небольшой выимочкой на передовомъ концѣ, такъ что она обхватываетъ болвашикъ въ видѣ обоймы. Верченіе длится, пока надъ нимъ не покажется дымокъ; тогда, по просьбѣ добывателя, кто нибудь изъ присутствующихъ подноситъ къ болвашику трутъ; тотъ берется огонькомъ; его придуваютъ сперва къ сосновымъ уголькамъ; отъ нихъ, черезъ лучинки, зажигаютъ два-три костра дровъ, раскладываемыхъ по краямъ села; костры заваливаются назъмомъ, чтобы огонь не пыдалъ пламенемъ, — онъ долженъ только „шаять“ (плѣтъ); это и будутъ курева самыя настоящія: окуриваются ими, „скотъ не станетъ заражаться чумой“. Курева поддерживаются поочередно самими домохозяевами этого села или нанятыми для этого людьми.

„Въ д. Лопаткиной, говоритъ М. Лыткина, въ досельщину²⁾ дѣлалось такъ: на брусьяхъ кутняго угла избы (что у печи) высѣкали не-глубокія зарубы; въ нихъ вкладывался концами катокъ (что употребляется для катки бѣлья), а на него надѣвали ремень; концы его наматывали на обѣ руки и скорехонько передергивали ими вверхъ и внизъ; катокъ, вертясь, терся о брусья, нагрѣвался и брался дымкомъ; опосля того къ одному изъ его концевъ приклывали трутъ, онъ зажигался. Каждую весну добывали деревянный огонь и отъ него зажигали наземны курева, которые клались подъ крышки³⁾; такихъ крышекъ было нѣсколько по паскотинѣ: скотъ сходился къ куревамъ, чтобы избѣжать мошки, да и отъ заразы спасался.

Уроженецъ села Устюгъ, Красноярск. окр., крестьянинъ С. Чупровъ передавалъ, что у нихъ деревянный огонь добывался такъ: сухой сосновой палкой терли о брусья кутняго угла, отчего тотъ нагрѣвался и испускалъ дымъ, тогда торопились приложить къ мѣсту тренія кусочекъ трута, который брался огонькомъ; имъ затеплялась луchinка, отъ нея дрова, а съ угольковъ послѣднихъ окуривался домашній скотъ.

Въ с. Казачинскомъ поступали нѣсколько иначе. Отецъ и дядя Василія Лыткина приподымами верхнюю заплотину (бревешко въ заборѣ), въ отверстіе просовывали трехгранную палку, чисто выстругенную изъ березового полѣна, длиной немного больше аршина; одинъ изъ нихъ, находясь внутри двора, тащить ее къ себѣ, другой, стоя снаружи, дѣлалъ тоже самое, какъ будто бы пилили что; оба работали съ одинаковымъ усердіемъ, пока заплотина не зашайла; тогда мальчику было приказано приложить трутъ, гдѣ терли палкой, что тотъ съ успѣхомъ и выполнилъ, — трутъ вскорѣ загорѣлся.

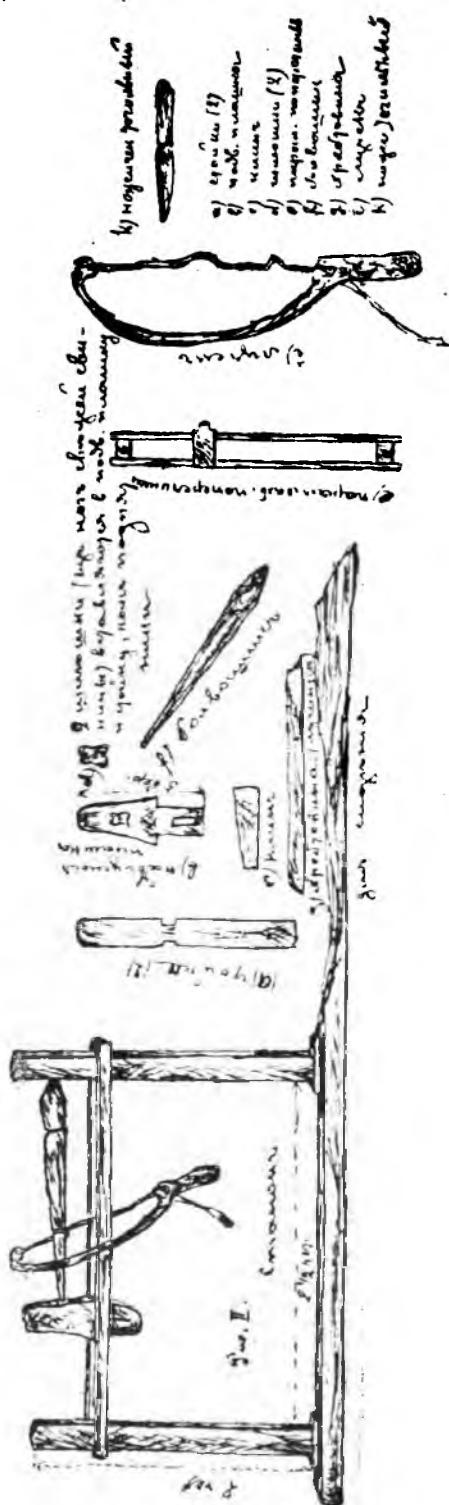
Чтобы провѣрить полученные показанія о добываніи деревянного огня, я обратился къ Сергею Семенову съ: проѣбой пожаловать, какъ это дѣлается на практикѣ. Онъ извѣстилъ согласіе. Дѣло это было для него привычное: онъ самъ умѣлъ точить веретенки и держалъ для этого нужный станкѣ и прочія принадлежности (см. рис. II). Тотчасъ же его сняли съ вышки, гдѣ давно уже валялся безъ всякаго употребленія, кое-какъ исправили, вытесали болвашикъ изъ сухаго полена,

¹⁾ Луchinкой служить „хребтовина“ (верхній слой) соковаго полѣна, заготовляемаго весной изъ березы, когда съ нея легко сдирается кора.

²⁾ Досельщина — старина; досельный — старинный.

³⁾ На четырехъ столбахъ дѣлался наявъ изъ тонкаго теса, — это и были крышки, о которыхъ говорить Л.—на.

„мало-малы“ обточили и, немедля ни минуты, приступили къ добыванію огня.

Оно производилось одинаково, какъ описано было по отношенію къ с. Ужуру. Не дальше какъ черезъ минуту болвашикъ курился сизоватымъ дымкомъ съ специфическимъ запахомъ горѣлого дерева, сейчасъ же паднесли кусочекъ трута... но увы! Прошло 45 минутъ въ тщетныхъ усилияхъ, а огня не до были: при верченіи болвашика вбиты на скорую руку заклинки расползались, подвижная стойка не держалась на мѣстѣ; въ концѣ концовъ станокъ окончательно „расхлябался“; болвашикъ то и дѣло выскакивалъ изъ своихъ гнѣздъ; надо бы горѣть труту, а тутъ—трахъ, и весь наладъ разстраивался. При такихъ несовершенныхъ условіяхъ работы нельзя было разсчитывать на успѣхъ. Пришлось оставить занятіе. Пробовали терѣть о брусья лущиной, но и изъ того ничего не вышло.

Все же видѣть, какъ добывается деревянный огонь, было довольно интересно. Ради этого я продолжалъ искать умѣлого человѣка. Благодаря содѣйствію псаломщика Н. Быстрова, мнѣ удалось сойтись съ звонаремъ казачинской церкви Терентіемъ Алексѣевичемъ, какъ обыкновенно его зовутъ. Онъ оказался самымъ подходящимъ для этого случая, такъ какъ постоянно занимался вытачиваніемъ веретешекъ, кромѣ того не разъ и не два былъ приглашаемъ для добыванія деревяннаго огня во время „неблагополучій на скотъ“ и вообще слыть какъ мастеръ своего дѣла. Т. А.—чѣ велѣлъ зайти къ нему черезъ три дня, нужно было приготовить болвашикъ и хребтовину, хорошенько просушить, иначе немыслимо было, по его мнѣнію, добыть деревянный огонь. Въ назначенный срокъ мы уже были въ церковной сторожкѣ. Т. А.—чѣ ужиналь. Мы осмотрѣли станокъ¹⁾, вставили болвашикъ, надѣли пучекъ, дергали вверхъ и внизъ, но не равномѣрно съ продолжительными паузами, оттого кромѣ дыму

¹⁾ Почти одинаковой конструкціи со станкомъ Семенова. См. рис. II.

вичего не получалось. Т. А.—чъ ехидно посмѣвался. Закончивъ трапезу, онъ усѣлся за станокъ, предварительно помывъ руки, испачканныя въ рыбѣ; негоропаясь укрѣпилъ болвашикъ, обточилъ на веретеншко, приставилъ хребтовину и тогда уже ускоренно задергалъ лучкомъ; вскорѣ лучинка какъ бы врѣзилась въ болвашикъ и опоясала черноватымъ кольцомъ; изъ глубины его вился уже дымокъ, дѣлавшійся все гуще и гуще. Дерево визжало. Терентій съ трудомъ дышалъ, обливаясь потомъ, но не переставалъ работать лѣвой рукой... И вотъ слышится „Приложъ-ко трутъ“! Приказавіе моментально было исполнено. Едва трутъ коснулся разгоряченаго дерева, какъ зашаталъ и взялся огонькомъ... Цѣль была достигнута.

Совершившій фактъ, будто бы, доказываетъ, что Терентій Алексѣевичъ принадлежитъ къ числу счастливыхъ людей, которымъ, по общему увѣренію, только и дается добыча деревянного огня. Семеновъ, съ которымъ впервые мы потерпѣли неудачу, съ своей стороны утверждаетъ, что, живя въ д. Мысы, ему приходилось несолько разъ добывать этотъ огонь на своеемъ станкѣ. Не вѣрить этому нѣтъ основанія. Очевидно тутъ дѣло не въ счастіи, а въ исправности прежде всего токарного ставка, въ благороднейшей заготовкѣ необходимаго материала, въ терпѣніи и сноровкѣ мастера. Это безусловно вѣрно. По крайней мѣрѣ въ „новыхъ деревняхъ“, говорить Семеновъ, не могутъ добыть деревянного огня потому только, что не знаютъ, какъ выполнить это. Не далеко отъ ихъ деревни поселились переселенцы, по происхожденію зыряны и образовали „новую деревню“, наименовавъ ее Зыряны. Однажды въ ней случилось „неблагополучіе ва рогатомъ скотѣ“, зыряны старались бороться съ напастю „своимъ средствомъ“ и, наслышавшись о пользѣ деревянного огня, вздумали добыть себѣ. Вадумано—сдѣлано. Зыряны завели станокъ, натесали болвашиковъ... но сколько не потѣли надѣять ими, огня не добыли. Тогда они просили мысовскихъ, тѣ, добывъ дома, возили въ Зыряны деревянный огонь въ видѣ головней, обугленныхъ на кострѣ такого огня.

На основаніи сообщеній живыхъ свидѣтелей можно вывести цѣлый рядъ заключеній: 1) почитаніе огня въ Сибири фактъ безспорный; 2) оно танется непрерывно сѣтью (пока доказано) черезъ три округа Енисейской губерніи и, теряясь въ вѣдрахъ глубокой старины, еще живо наканунѣ XX столѣтія; 3) между различными видами огня, почитаемыхъ крестьянами—сибиряками, первенствующее мѣсто занимаетъ несомнѣнно деревянный огонь; 4) что по мѣрѣ передвиженія на сѣверъ Енисейской губ., на значительномъ пространствѣ округа одного съ иею названія (енисейскаго), вѣрованіе въ целебную силу деревянного огня остается пока во всей первобытной чистотѣ.

Конечно этими соображеніями не исчерпывается вопросъ о почитаніи крестьянами-сибиряками огня вообще и деревянного въ частности. Остается пожелать, чтобы другіе изслѣдователи обратили на него свое вниманіе. Можетъ быть отыщутся болѣе солидныя данные, которые не оставлять сомнѣній на счетъ сущности вѣрованія народа въ огонь.

Алексѣй Макаренко.

г. Енисейскъ.

1897 г.

Миоологические отрывки.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября).

При собираниі материаловъ по литовской этнографіи, мнѣ удалось со словъ народа записать нѣсколько миоологическихъ отрывковъ о культѣ огня, воды, духахъ-вѣлѣсахъ, коими, въ виду интереса самаго предмета, я намѣренъ подѣлиться съ читателемъ.

A. Apie ugnį.¹⁾

1. Elzé Sakalauskytė, mergā apie 70 metu, tūrinti, gyvēnantį kaimę, iš vaistųjūje Plökštšiu, gubernijoje Suvalku, paklaustą manęs (1896 m.), kā, jī dāro sū ugnelė, eidamā va-karė guisti, atsakė ir papasakojo šia ka:

Kā darysi! imū gražja apžar-stau ugnelę pelenaīs iš pérzegnoju sakýdamas: Šventā Gobija, Šventā Vlisija, Šventā Agotā būk ramai iš-spakainā. Tōs maldeles manė, išmo-kino Juozas Adomaitis, iš kaimo Lauciškiu, parapijos, Lukšiu, labai dievotas ir mokinčias žmogus. Užžarstau ugnelę netik pás savę, bét ir pás kitūs. Su ugnelė visadōs reikja gražiai apsiestgti. Kaip buvau sluginaitė Briedžiuosė pás vieną gaspadörju, Matijūšą Žukautską vaikai búdavo paims i dantis žarijas ir pūtšja arbà dēganti, pagali, sukinėja, o àš sakau gaspadinei: ugnelė, ne pieménė, uždrausk vai-káms teip darýti, bét jí atsakyda-vo: „kā, kvaili vaikai kā, jiems darysi“. Paskui dūsyk ugnelę iš dēgantšjo kakaljo i priemene, visa, liepsnā išėjó, atkštyn pasikélé, apsvilino varpeles pastogeje kabants-jas ir velei sugrižo nieko tuomsyk pikto nepadārjus. Kadà paskui pér-rejau pás kitą gaspadörju, už slu-

A. Объ огнѣ.

1. Эльзэ Сакалауските, женщи на 70 лѣтъ, проживающая въ селѣ и гминѣ Благословенствѣ Сувалкской губ. епрошенная мною (въ 1896 году), какъ поступаетъ она, отправляясь спать, съ огнемъ, отвѣтила:

— Что-же дѣлать? прикрываю хорошенъко огонекъ золою и кре-пцу говоря: св. Гобия, св. Висія, св. Агота, будь смирна и спокой-на. Этой молитвы выучилъ меня Юзасъ Адомайтисъ изъ села Лау-цишки, прихода Лукше, очень на-божный и ученый человѣкъ. Я прикрываю золою огонекъ не толь-ко у себя, но и у другихъ. Съ огнемъ всегда нужно поступать бережно. Когда я была въ д. Бредзѣ служанкой у хозяина Матеуша Жуковскаго, дѣти его, взявъ горячіе угли между зубами начи-наютъ, бывало, дуть или вертѣть горячими полѣньями, а я говорю хозяїкѣ: огонекъ не пастухъ, вос-прети дѣтямъ такъ поступать, а она отвѣчаетъ: „что-же подѣлать? глупыя дѣти“. Послѣ того 2 раза изъ печки вышелъ огонекъ въ сѣ-ни, поднялся вверхъ, поджогъ ви-сяція подъ крышей колосья и опять возвратился, не причинивъ никакого зла. Когда, затѣмъ, по-

¹⁾ Черточка надъ буквой означаетъ облечепное ударение (circumflex), а не долготу гласной.

ginę nezinią iš kō atsitikō pàs sēnaji, gaspadörju, gaisras, sùdege vīsos tróbos, pasilikò tiktai stuba, bét paskui ugnelé pasùko ir ant jós ir ji sùdege.

2. Magdē Rimkūniénė iš tō paties káimo Plókstsju, paklaustà (1897 m.) apie tā, pati, dalyką, šia kā, pasaké: „Einant guſti reik užkarstyti ugnelę pelenais, pérzegnoti šventū vandennimi ir pasakýti vardą ugnies: Magietà, Gobietà ir Šventà Agotà, búk ant viétos, búk rami, tåvo ploštšjum šventū apdengk.“

3. Domeikiénė iš Kaimeljo 1897 m. pasaké: „Einant guſti reik užkarstyti ugnelę, pérzegnoti ir sakyti: Šventà Gabijà, búk rami ant viétos. Jéi teip padarysi, tai ugnele neišeis“.

4. Grigáitienė iš káimo Raudonenu, Kauno gubernijos, paklaustà apie Gabiją, šia kā, papásakojo:

a) Kaip ainù guſti, pagal tevélju, patarimą, užkarstau ugnelę ir paſlakštšjus grýnu vandeneljū pérzegnodama sakau: Šventà Gabijà, aš tavè, pérzegnoju su štšyrà širdimi, búk rami ir laiminga.

b) Kaip viralas nusilieja ant ugnélés, ar druskà iš netytšju, ant jós nubyra ir íma sprageti, sakau: Šventà Gabijà, búk pasótinta.— Tevéljai liépē nesigaileti pasótinti ugnelę, sakýdam: „nesigailékit búsit nuô ugnélés rámus“. Si, met bùvo gaisras pàs kaimýna, nét mûsu, lanqai i, kaito, o tik mûs namai neužsidegę.

5. Elgetà Bendorienė klausinéta vieno mano b. draugo Jasjuláitsjo, mokíntojaus gimnázijos, apie i, vairjus senovës pàprotsjus pati pakláusë: „ar žinote vardą, ugnies?“ ir pati atsaké: Atsitikus kokjoje trobojé gaisrui reikia trisyk apeiti dë-

ступила и на службу къ другому хозяину; отъ неизвѣстной причины вспыхнуль у предыдущаго хозяина пожаръ, сгорѣли все строенія, остался только жилой домъ, но затѣмъ повернуль огонекъ и на него, и онъ сгорѣлъ.

2. Магдэ Римкунѣнэ изъ того же села Благославенство, спрошеннай о томъ же, рассказала слѣдующее: отправляясь спать, нужно прикрыть огонекъ золою, крестить, вспрыкивая св. водою и произнести заговоръ (буквально = имя) огня: Магѣтѣ, Гобѣтѣ и св. Агота будь на мѣстѣ, будь смирна, твоимъ святымъ плащемъ покрой.

3. Домэйкѣнэ, жительница села Каймэлисъ, по данному предмету, сообщила мнѣ слѣдующее: „Отправляясь спать, нужно прикрыть огонекъ золою, осѣнить крестомъ и произнести: св. Габія, будь спокойна, оставаясь на мѣстѣ. Если такъ поступишь, то огонекъ не выйдетъ“.

4. Григайтѣнэ, старушка изъ д. Раудонэнай, Ковен. губ., спрошеннай о Габіи, вотъ что рассказала: а) Отправляясь спать, по совѣту батюшки и матушки, прикрываю огонекъ золою и, спрыснувъ его чистой водицей, осѣняю крестомъ говоря: Св. Габія, я тебя перекрещиваю съ чистымъ сердцемъ, будь спокойна и счастлива. в) Когда варево прольется на огонекъ или соль случайно просыпется и станетъ трещать, я говорю: „Св. Габія будь сыта (дословно. насыщена). Родители мои внушили мнѣ не жалѣть накормить (насытить) огонекъ, говоря: „Не жалѣйте, будете безопасны отъ огонька“. Въ нынѣшнемъ году былъ пожаръ усосѣда, такъ что окна раскалились, а все-таки нашъ домъ не загорѣлся.

5. Ницай Бендорѣнэ, спрошеннай моимъ бывшимъ сотоварищемъ учителемъ гимназии Яслуайти-сомъ, сама обратилась къ нему съ вопросомъ: „знаете - ли заговоръ огня?“ и сама тутъ-же отвѣтила: „если загорится какое - нибудь

gantęjį tróba ir sakýti: Šventà Gabija! neplatavók! tadà ugnélē su-sigaubja ir neaina toljaus.

6. Bùvo karta, du kaimýnu gas-padoiriū. Vienas juju, netéke, s ugnélēs nuéjo parsinésti jós pás kai-mýna,, bét parsinéše, ja, nérérzegnojo. Negerbiama ugnélē pasiskundé ugnélei kaimýno ir rízosi pás ja, sugri, šti. kuri pasaké: „Jsei-dama nesudéginck akétsjas mano gaspadörjaus, kurjós pás tavo gas-padörju, pasieny kabo.—Kaip saké ugnélē teip ir padaré. Jsei-nant jai blýkstéré, visas námas stüdegé, apart akétsjau kaimýno, kurjós laiké gaisro bríkt nukrito nuo sienos ant žémés ir likosi visai neužgáutos ugnies.

(Pasakojo Paljukaitis iš m. Vilka-viško).

7. Rinkinyjé nepaži, stamo kuni, go B. T., kuri, gavau nuo kuni, go Jaunjaus Kazjo, radau užrasýta, sekantsja, dainelė:

Kad áš mazas buvau
Silé vózjus ganjau.
Ant kupstéljo sédédams
I, voželi, veizédams
Teip savy dainavau:
Tù voželi juodbarzdéli
A'ugk, áugk, áugk,

Dievúks mûsu, tavé.
Láuk, láuk, láuk.
Paupále yr pilálé

Kur ugnélē, kaip žvaiqzdéle
Diéna, nakti, smiela.
Tén Ruginis su Zvaginjù

Vožjus Diévi smáug.
Po Rugséjo prieš ziemélę
Vésma tavé, juodbarzdéli

Ant tó tát kalnéljo,
Vo Ruginis sù Zvaginjù
Tavé, mûsu, vožéleli

строеніе, нужно трижды обойти его кругомъ и сказать: св. Габій! не расходись! тогда огонекъ свертывается и дальше неидетъ.

6. Жили однажды въ сосѣдствѣ 2 хозяина. Одинъ изъ нихъ недостатъ однажды огня; отправилъся за нимъ къ сосѣду и принесъ его домой, но дома не освѣнилъ его крестомъ. Непочитаемый огонекъ пожаловался огонькусосѣда и рѣшился къ нему возвратиться, а тотъ заявилъ: уходя изъ дома, несожги моего хозяина борону, которая у твоего хозяина висить на стѣнѣ. Огонекъ свое рѣшеніе привезъ въ исполненіе. Когда онъ уходилъ, вспыхнула въ домѣ пожаръ, и домъ сгорѣлъ, за исключениемъ бороны, которая во время пожара упала съ трескомъ со стѣны на землю, не затронутая огнемъ.

(Рассказывалъ Палюкайтисъ изъ гор. Волковыскъ).

7. Въ сборникѣ неизвѣстнаго мнѣ лично ксендза, обозначенаго только начальными буквами В. Г., который я получилъ отъ моего б. сотоварища кс. Казимира Явниша, нашель записанную слѣдующую пѣснь:

Когда я былъ малъ
Пасъ козлять въ бору.
Сида на бугоркѣ
И поглядывая на козлять,
Такъ себѣ я распѣвалъ:
Ты, козленокъ чернобородый,
Подростай, подростай, под-
ростай,
Божокъ нашъ тебя
Ждеть, ждеть, ждеть,
У рѣченки есть городокъ,
(досл. сопки)
Гдѣ огонекъ какъ звѣздочка
Днемъ и ночью брезжить.
Тамъ Ругинисъ со Жвагини-
сомъ.

Козловъ Богу давитъ.
Послѣ сентября передъ зимою
Поведемъ тебя черноборо-
денкій
На эту-то горочку,
А Ругинисъ со Жвагинисомъ
Тебя, нашъ козленочекъ

Diēvu(=o?) garbei brauks.

8. Jei kokjuosé namuosé 9 pēt-
nytšjas iš eiljós dūona, képa, tai
ugnele, eina iš namu, ir ûždega
iujos.

(Paljukaitis iš m. Vilkaviškjo mokin-
tojų).

B. Apie vändeni.

1. Aukštjaus minėta elgeta Ben-
dorienė pasakė mano b. draugui
Jasjulaitėjui vandens varda, kalbė-
dama: a) Jéi ant vandens skesti
reikja sakýti: Šventas Viëšbone!
gélbek manè! b) Jéi lyja, grjáuna
reikja nueiti ī, úzkluoni, pérzeg-
noti ir sakyti: Šventas Viëšbone!
skirstyk! ir išsiskirstys.

2. Magdė Rimkūnienė iš kaimo Plökštēju, paklaustą apie úzimant-
šjus manę, dalykús (velès ir k.) atsakė, kā žinojo, ir paskui pati manės užkláusė, ar zinau vandens varda, ir nelaukdama atsakymo šia kā pasakė: Jéi ant vandens bùdamas imi skësti, reikja sakyti: Judai patrónai! gélbék dušja skë stantsia.

C. Apie veles ir vėlezoles.

1. Kadā būdamas priē numirēļo
namuošē arba ant kapinju, nusi-
ga stī iš netytšu kojai paslýdus,
i, kisus ja, i kókja, skyle ir t. t.
tadā vēlēs žmōgu, pakanda, žmogūs
visas pagei sta ir ima nykti. Toki,
žmónes pamate kláusja: ar vēlēs
tavē pakando? (Magde Rinkuniene
iš Plokštšu, Suvalku gub.)

2. Karalienė 70 m. našle iš kaimo Plökštžu, šjā kā papasakojo: a) vėlės pagáuna tiktais tā, kursai numirelio nusigasta, kaip nesyki atsitinka šarvójant arbà pláujant numiréli, kadà jisai krúpterja, nu-

Въ честь Бога умертвить
(букв. стереть).

8. Если въ какомъ-нибудь домѣ въ 9-ти подъ рядъ идущихъ пятницахъ пекутъ хлѣбъ, огонекъ выходитъ изъ дому и поджигаетъ его. (Палюкайтись учитель изъ гор. Волковыскъ).

В. О водѣ.

1. Выше упомянутая нищая Бендорфъэ сообщила моему б. сотоварищу заговоръ (досл. имя) воды, говоря. а) Если будучи на водѣ тонешь, нужно сказать: Св. Вѣшбоне! спасай меня!

в) Если идеть дождь, громъ гремитъ, нужно отправиться за гумно перекрестить и сказать: Св. Вѣшбонъ! разлѣтай, и разойдется.

2. Магдэ Римкун^иэ изъ д. Благославенство, спрошенная мною объ интересующихъ меня предметахъ (*veles'ахъ* и др.) отвѣтила, что знала и, затѣмъ, сама меня спросила, знаю ли я заговоръ (досл. имя) воды, и не ожидая отвѣта, заявила слѣдующее: Ежели будучи на водѣ начинаешь тонуть, нужно говорить: Юдай патронай (заступникъ)! Спасай тонущую душу.

С. О вэлэсахъ и вэлэзъльяхъ.

1. Если кто будучи при покойнике въ домѣ или на кладбищѣ испугается, случайно поскользнувшись или всунувъ ноги въ какую-нибудь дыру и т. п., то вѣлѣсы подкашиваются (досл. подкусываются) человѣка (зи. его), начинаетъ онъ желтѣть и чахнуть. Увидавъ такого человѣка люди спрашиваютъ: не подкосили ли тебя вѣлѣсы? (Магдѣ Рымкунѣн изъ д. Благославенство Сувалк. губ.).

2. Карагъвэ 70 лѣтъ вдова изъ д. Благославенство, рассказала сълѣдующее:

а) вэлэсы овладѣваютъ только такимъ, который испугается по-
койника, какъ это не разъ слу-

lėidžja ranka, ir t. t. b) Jau 3 mėtai, kaip Rožė Glodiéné, gyvenanti Plókštšjuose, ējo ant šermenu, Ma-jauskiénės ir žengdamá per slenkstį, staigà numýnè i, duobèle, po išim-tai plynai, atgač atvirto ir nusigando: jai pasiródë, kād numírelis tiesjok, eina ant jos per duris. Jš tō bais-jai i sirgo, mėtosi tåso ja, i visas pusës, šaukja, mykja išduodamà iš vidurju, kažinkoki baſsa, bë žödžju. Vazjójo pàs dàktarus, bët tie niéko nepagelbejo. Jšgirdus, kād vartas Gelgaudiškju Ràtšjuvaitis nuo prieupolo gydo, nuvažjavo ši met (1896 m.) pavasari, pàs ji, tas gi apžjuréjës ja, rado 2 spen-jukù pašonéje, ir pasaké: „nëg kā, gydytis ir pàs dàktarus važi-neti, niéko iš to nebùs, delto kād išsigandai numíreljo ir vélès tavé pagávo“. Kada parvažjavo namo, Endriene (Jievà Sneiderienè) pàtaré jài, kād pabandytu zinoma, ir jös išmeginta, buda, atsiljuosuoti nuo žudantsju, jā, velju. Jai liepë šiteip padaryti: paimti 2 gijas vilno-niús sjúlus) ir nunéšus jas ant kapinjų viena, ju, ilga, i sàvo stu-o-meni, patiesti išilgai ant šviežjo kapo, kitągi patiesti skërsai ir atsiklaupus sukalbëti. 7) ištisus pò-terius (Téve mûsu, Sveikà Marijà, Tikjù i Dieva Téva, ir Garbë búk Diëvui Tévui) ir atsikélus eiti namo neatsižurint ir sù niekú nésnekant. Glodiéné teip ir padarë, bet niéko negélbejo: vélès, kurjós turé pasilikti ant kapiniu, neliko tenais ir toliaus várgina nabâge.

чается, при одѣвании или обмы-
вани покойника, когда онъ дрог-
нетъ, опустить руку и т. п.

b) Три года тому назадъ Рожэ Глодънэ, проживающая въ д. Бла-
гославенствъ, шла на похороны
Манускѣни и, ступая черезъ по-
рогъ, внезапно опустила ногу въ
углубление постѣ вынутаго кир-
пича, повалилась назадъ и испу-
галась: ей показалось, что покой-
никъ черезъ двери, прямо идетъ
на нее. Отъ этого она очень раз-
болѣлась, судорожно мечется во
всѣ стороны, кричать мычить,
издавая Богъ вѣсть какой голосъ
безъ словъ изнутри. Возили
ее къ докторамъ, но тѣ ничего
не помогли. Узнавъ, что лѣсов-
щикъ им. Гелгудышки Рачувай-
тись лѣчить отъ ирѣполаса (т. е.
болѣзни происшедшой отъ испу-
га) поѣхала весною сего года
(1896) къ нему, который, осмот-
рѣвъ ее, нашель въ боку 2 гриди
и сказалъ: „не стоитъ лѣчиться
и къ докторамъ ѳздить, ничего
изъ этого не выйдетъ, потому
что ты испугалась покойника и
тобою овладѣли вѣлѣсы“. Когда
она прїехала домой, Эндрѣнэ
(Ева Шнейдѣрѣнэ) посовѣтовала
ей, чтобы она испробовала из-
вѣстное и ею испытанное сред-
ство освободиться отъ удручаю-
щихъ ее вѣлѣсовъ, именно вель-
ла ей поступить слѣдующимъ об-
разомъ: ваять 2 ги (т. е. шер-
стяные нити), занести ихъ на
кладбище и тамъ одну изъ нихъ,
длиною въ свой ростъ, протянуть
въ длину на свѣжей могилѣ, дру-
гую же протянуть поперегъ ея и
произнести 7 разъ полную мо-
литву (Отче Нашъ, Радуйся bla-
годатная Марія, Вѣрую въ Бога
Отца и Слава тебѣ Боже) и, за-
тѣмъ, вставъ идти домой неогля-
дываясь и ни съ кѣмъ не разго-
варивая. Глодънэ поступила со-
гласно съ вышеуказаннымъ
указаниемъ, но это ничего не по-
могло: вѣлѣсы, которые должны
были остаться на могилѣ, не оста-
лись тамъ и продолжаютъ му-
чить несчастную.

C. Nórint nuo velju, atsiljuosuoti reikja tuojaus, kaip tik nusigąsti numirėlio, nukirpti jo plauku, paminti skaràs, kurjomis mazgójo ir šluostę numiréli, užkurinti jas ir parukinti savè.

3. Nuo priepuolo yrà velezoles, jùodšaknës ir budujonai.

a) Reikja ja, s ijdéti i, šálta vándezni, gerai suvirinti ir paskui atausinus duoti gerti (Juozienë iš Plokštstu).

b) Reikja jomis gerai pasismilkinti (pasirukinti) ir išgysi (Magdë Rimkunienë iš Plókštstu, ir Démikiene iš k. Kaimeljo).

c) Желая отъ вэлэсовъ освободиться, нужно сейчасъ, какъ только испугаешься покойника, срѣзать часть его волосъ, взять куски полотна, коими омывали и отирали покойника, зажечь ихъ и окурить себя.

3. Отъ прыщуола (болѣзни прошедшей отъ испуга) лѣчатъ вэлэ-зѣліями, а также зѣліями: юодшакнѣсъ и будріонай.

a) Нужно ихъ вложить въ холодную воду, хорошоенько сварить и затѣмъ, простудивъ, дать пить. (Юоаѣнѣ изъ Благославенства).

b) Нужно ими хорошоенько окурить себя, и выздоровѣешь. (Магдэ Римкунѣнѣ изъ села Благославенство и Демикѣнѣ изъ дер. Каймелистъ).

Нѣсколько примѣчаній къ вышеупомянутымъ отрывкамъ:

I. Призываюма въ вышеозначенной молитвѣ вмѣстѣ съ Gabija, Magietà и Visija также ſvēnta Agotà ничто другое, какъ мученица 3-го столѣтія св. Агафія, но лат. Agatha, сжаренная сицилійскими язычниками на огнѣ; къ ней и обращаются христіане, какъ защитницѣ отъ огня. Желая себя обезпечить отъ такой страшной стихіи, какъ огонь, нѣкоторыя литвинки недовольствуются молитвой, обращенной къ одной св. Агафіи, а присовокупляютъ къ ней, на всякий случай, и другихъ покровительницъ домашняго очага: Габію, Магѣту и Висію, которая, по всей вѣроятности, составляють остатокъ языческаго міра.

II. Magietà и Visija и Viēšbonas въ первый разъ упоминаются въ приведенныхъ мною отрывкахъ и увеличиваются и безъ того многочисленный литовскій Олимпъ. а) Visija, какъ по значенію, корню, такъ, отчасти, и суфиксу, очень близко напоминаетъ греческую Εσ-τ-ία, іон. істіη, арк. Гіз-т-іа, лат. Ves-ta, богиню-защитницу домашняго очага (т. е. свѣтящаго горящаго очага), къ корню коего vas лингвисты Vaníček и др. относятъ слова лит. vás-aga, лѣто, т. е. жаркая часть года, санскр. vas-anta весна, славянск. вес-на. Есть литовское слово: vis-ti, veis-tis плодиться, размножаться, къ корню коего прибавивъ суф. ija, получимъ: visija, плододательница, плодомножительница. б) Viēšbonas состоитъ изъ 2 словъ: 1 viēšas общій, общественный, всеобщій и 2) bonas, которое, если непередѣлано изъ лит. слова ronas, древ. пер. rāna господинъ, (см. Iusti Iranisches Namenbuch), что трудно допустить,—то оно или заимствовано въ раннія времена отъ кого-нибудь изъ южныхъ словянъ: хорватовъ, сербовъ или болгаръ, у коихъ находится соотвѣтственное слово bān (см. Mikl. Vergl. Wört.) или перешло прямо отъ Краинцевъ, гдѣ встрѣчается bān въ значеніи владѣлецъ, господинъ (см. Iusti Iranisches Namenbuch. 1895). Согласно вышеизложеному Viēšbonas значитъ Вседержецъ и т. под. б) Слово Magietà напоминаетъ литов. имя Magrieta=лат. Margarita, но такъ какъ святыя того имени малоизвѣстны въ Литвѣ и не имѣютъ никакого отношенія къ огню, то это

предположеніе становится маловѣроятнымъ. Въ литовскомъ языѣ есть слово: *magoti* способствовать, содѣйствовать, споспѣшствовать, пособлять, *magau-ti* сильно желать, *ra-maginti*, разъюхотить къ корню коего прибавивъ суфиксъ eta, (ср. *elgeta meleta, vargeta*) получили бы слово *mageta* обозначающее пособница, благоджелательница по формѣ очень близко подходящая къ слову *Magieta*. Индо-европейскій корень слова *mag-oti* есть *magh.* trs. *begaben, fördern, wozu helfen, intr. begabt, gefördert, fähig sein, mögen* (Fick. Vergl. Wörter).

III. *Gabija* сдѣлалась раньше извѣстна миѳологамъ. Первый о ней свѣдѣнія сообщилъ Ласицкій, писатель 16 столѣтія, въ своемъ сочиненіи: *De diis Samogitarum*, гдѣ онъ пишетъ: *Cum autem nimia aestatis brevitas fruges demessas siccari non sinat, fit hoc sub tectis ad ignem. Tum vero precandum est hisce verbis Gabie deus: Gabie devaite pokielki garu, nuleiski kirbixtu: Flammam eleva, at ne demittas scintillas.* Исправленный Акелевичемъ литовскій текстъ имѣеть слѣдующій видъ: *Gabija dievaite pakelk gara, neleisk kibirkstu*, т. е. Богиня *Gabija*, усиль жаръ, не пускай искръ. Доцентъ Варшавскаго университета Микутцкій (нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершій) сообщилъ профессору миѳологу Мѣржинскому по данному предмету слѣдующее: Вечеромъ, когда хо-зяйка собираетъ на очагѣ огонь въ кучку для сохраненія его до слѣ-дующаго дня, произносятъ молитву: *sventa Gabienta gyvenk su tumis linksmai*, т. е. святая Габѣта весело проживай съ нами; кромѣ того имѣется замѣчаніе Акелевича (литовца собирателя народныхъ преданій) у историка Лелевеля (т. V, стр. 462 примѣч. 30), что *Gabija* или *šventa Gabija* есть торжественное название огня. Затѣмъ Акелевичъ въ своемъ сочиненіи: *Gramatyka języka litewskiego* пишетъ, что въ нѣко-торыхъ мѣстностяхъ литвы и по настоящее время, отправляясь спать, надъ собраннымъ въ кучу огнемъ произносятъ молитву: *šventa gabentä gyvénk linksmai su tumis*, т. е. святая Габента пребывай весело съ нами.

Наконецъ Вольтеръ въ изданномъ имъ сборникѣ—Материалы для этнографії латышскаго племени Витебской губ.,—между прочимъ, гово-ритъ, что въ Шавельскомъ, и Россіенскомъ уѣздахъ огонь называется *šventa ugnis*, другое же прозвище *šventa gabijä, šventa gabéta* или *gabét*; тамъ же находимъ, что въ Ворнянахъ Тельшевскаго уѣзда *Gabéta* покровительница огня, защищаетъ вмѣстѣ со св. Агатою отъ пожара, причемъ существуетъ прибаутка: *švinta Agota su švinta Gabéta keravokit muni nu ugnies* т. е. св. Агата вмѣстѣ со св. Габіею, спасайте меня отъ огня.

О происхожденіи слова *Gabija* существуетъ нѣсколько мнѣній: 1) Миѳологъ Мѣржинскій производить его отъ слова *gabénti* переве-денного имъ: приносить, сносить, сносить въ кучу (состѣ. значить забирать, хватать, отправлять, таскать), такъ что *Gabija* значило-бы огонь снесенный въ кучку. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, такъ какъ слово *gabénti* (или лучше еще первоначальное *gōb-ti*) хапать, хва-тать, братъ, отъ коего происходитъ *hōb-šas* хапунъ, жадный, *gabana* охабка, *gab-lys*, придирищикъ, *gabljoti* цѣплять, задирать, польск. *ga-bać*, *gab-ras* злой духъ, разгуливающей съ мяtelю, вовсе не обозна-чаетъ огня, жара и т. п. чтобы отъ него можно было-бы производить *gabijä*, какъ напр. *vinksnijä* вязникъ отъ *vinksna* вязъ, или *lap-ijä* листье отъ *lapas* листъ.

2) Гринбергеръ въ своемъ сочиненіи: *Die Baltica des Libellus Lasicki. Untersuchungen zur litauischen Mythologie*, принимая *Gabie dievaite* Ласицкаго за звателный пад. существительного мужскаго рода *gabjas* и производя его отъ корня кел.-герм.-балт. *ghabbi*, давать

брать (гот. *giban*, *gaf*; келт. *gabō* даю, лит. *gabénti* убирать, отправлять) переводить его *Geber*, *Beförderer der Einbringung der Ernte*. Это объяснение мнѣ кажется невѣрнымъ уже потому, что слово *Gabjas*, если его считать литовскимъ, можно произвести только отъ лит. *gab-ti*, *göbti* (см. выше), послѣднее же не имѣеть значенія ни „*geben*“, ни „*befördern*“.

3) I. Бендеръ, какъ видно изъ приведенного сочиненія Гринбергера, подъ словомъ *Gabija* понимаетъ прямо: огонь, *focus lucens*, Акелевичъ, какъ мы видѣли выше, тоже заявляетъ, что *Gabija* или *šventa Gabija* это торжественное название огня. Къ ихъ мнѣнію и я присоединяюсь, добавляя этимологическое объясненіе, коего у нихъ нѣтъ. Есть въ литовскомъ языке слова: *žib-in* затѣжигать, жечь, *žib-snėle* малое пламя, *žib-snénti* пламенѣть, *žib-tereti* блеснуть, сверкнуть, *žib-urgys* свѣтило, свѣтильникъ, огонь, *žibas* и уменшительное слово *žib-utis* (собственныя имѣна); послѣднее также значитъ блестка латышск. *zibens* молнія (лит. *žai-bas zeba* человѣкъ свѣтишій глазами т. е. имѣющій устремленіе на кого либо глаза съ цѣлью получения чего либо; *žab-alas* близорукій т. е. слабо воспринимающій свѣтовыя впечатления). Корни приведенныхъ словъ будутъ *žib*, *zeb*, *žab*, кои возвѣденные къ древнѣйшей формѣ, будутъ имѣть видъ: *gib*, *geb* и наконецъ *gab* (ср. лит. *gor-ýoti* и *žor-ýoti* пылать) къ корню *gab* присоединивъ суфиксъ *iјa*, получимъ слово *gabija*, которое можетъ означать или 1) пламя, огонь образованное на подобіе *žar-iјa* раскаленный уголь, жаръ, или 2) массу огня какъ регіонія множество сверкающихъ молній, какъ *vugija* собраніе мужчинъ, какъ *larijā* листвіе или 3) мѣсто, где хранится огонь, очагъ, *focus lucens*, польск. *ognisko*, образованное на подобіе *vilkija* мѣстопребываніе волковъ.

IV. *Žvaginis* проходитъ отъ прилаг. *žvagūs resonans, sonorus* и обозначаетъ что-нибудь (вещь или лицо) звучащее, трескучее, откуда проходитъ также название растенія *žvaginis* (*Rhinanthus, crista galli*) колокольчики. *Ruginis* значитъ и ржаной и имѣющій отношеніе ко ржи напр. *ragine bóba* обитающая во ржи баба, которою пугаютъ дѣтей. Это прилагательное употребляется также, какъ и предъидущее, въ значеніи существительнаго.

V. Собранные мною матеріалы о *velès-ахъ* пополняетъ свѣдѣнія находящійся въ литовскомъ катехизисѣ Вольтера и въ вышеупомянутомъ сочиненіи Гринбергера.

Петръ Краучунасъ.

ОТДѢЛЪ Ш.

Критика и бібліографія.

Narodopisný Sborník českoslovanský. Svazek první. Vydává narodopisná Společnost českoslovanská a národopisné Museum českoslovanské. Redactor prof. Fr. Pasternek. V. Praze 1897.

Чешское возрождение первой половины нашего вѣка тѣсно связано, по своему происхождению и развитию, съ пристальными и любовными изученіями чехо-мораво- словацкой народности въ этнографическомъ отношеніи. Этнографические труды Ганки, Челяковскаго, Камарита, Коллара, Шафарика и Палацкаго нашли свое продолженіе и развитіе въ многочисленныхъ сборникахъ и монографіяхъ послѣдующихъ десятилѣтій, обозрѣніе которыхъ даютъ статьи польской „Wisla“ (II ч., 1888 г.) и русской „Живой старины“ (II ч., 1892 г.), принадлежащія шеру др. Поливки. Съ 1891 года чешскія этнографическія изученія нашли себѣ объединяющій органъ въ основанномъ Зибромъ и Нидерле журналѣ „český Lid“, который съ 1895 г. посвященъ фольклору въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ 1895 г. въ Прагѣ была устроена и „Чешско-славянская этнографическая выставка“, оставившая послѣ себя богатое наслѣдство въ видѣ собранного материала—съ одной стороны, и многихъ теоретическихъ трудовъ, общенародной любви и интереса къ этнографическимъ изученіямъ—съ другой. Это наслѣдство приняло на себя „Чешско-славянское Этнографическое Общество“; съ нѣкоторыми пунктами его устава мы познакомимъ и русскаго читателя. Общество имѣть свое мѣстопребываніе въ Прагѣ, однако, имѣть право устраивать отдѣленія и внѣ Праги—въ Чехіи, Моравіи, Силезіи, равно и въ остальныхъ королевствахъ и земляхъ, представленныхъ на имперскомъ сеймѣ. Цѣль общества—производить, поддерживать и организовать изученіе чешско-славянской народности. Средства для достижениія этихъ цѣлей: 1) организація дѣятельности по собиранію материала, 2) заботы о сохраненіи и упорядоченіи его, 3) устройство чтеній и специальныхъ изданий, 4) устройство этнографическихъ выставокъ и участіе въ чужихъ подобныхъ выставкахъ, 5) поддержка изысканій, 6) издание сочиненій и журналовъ по чешско-славянской этнографіи и 7) управлениe уже устроеннымъ этнографическимъ музеемъ. Всѣ дѣла общества ведутся на чешскомъ языке. Члены общества—1) основатели, 2) соревнователи, 3) дѣйствительные, 4) почетные, 5) корреспонденты; первые платятъ 200 flor. единовременно или въ теченіе 5 лѣтъ, вторые—ежегодно 20 flor., треты—ежегодно назначаемый взносъ (на 1897-й—2 flor.). За эти взносы члены общества имѣютъ свободный входъ въ Музей и получаютъ даромъ изданія „Общества“ и „Музея“. До сихъ поръ вышли: „Zpráva o N. Museu Česk.“ Нидерле, „Príspěvky k dejinám česk. národopisu“ Шуберта, № 1-й. Даромъ можно получать также „Vestník“ (6 разъ въ годъ, подъ редакціей Нидерле), содержащей свѣдѣнія о дѣятельности Общества. Приплачивая 1 flor.

въ годъ, члены могутъ получать еще „Národopisný sborník českoslovanský“, выходящій 2 раза въ годъ. Съ первою вышедшою книгою этого сборника мы и желаемъ познакомить русскихъ этнографовъ.

Разнообразная и интересная по содержанию книга открывается теоретической статьей „Этнографія и задачи Чешско-славянского Этнографического Общества“ (стр. 1—13), принадлежащей перу Ем. Kovářa. Kovářъ видитъ главную задачу Общества въ изданіи этнографической энциклопедіи чешской народности; при этомъ онъ развиваетъ подробный проспектъ такой энциклопедіи, отмѣтая степень доселѣшной разработки отдѣловъ ея. Схема энциклопедіи такова. 1) Введеніе. а) Землевѣдѣніе, б) исторія (археологія, вѣщняя исторія, культурная и соціальная исторія), в) племена (введеніе: народъ и нація). 2) Антропология: а) физическая, б) психическая. 3) Демографія (статистика). 4) Фольклоръ: Введеніе—источники народного образованія (народное воспитаніе, чтеніе и пр.). А) Народное знаніе: а) взглѣды народа на природу, исторію, географію и пр.) народная медицина, β) правовые отношенія, γ) религія и суевѣріе, В) Народное искусство: а) Народная поэзія, музыка и танцы, β) рисование и живопись, γ) вышивки, δ) керамика, ε) народная постройки. Прибавленіе: самоучки. С) народная эстетика и народные одежды, D) Народный языкъ. 5) Жилище. 6) Правы. (Семейная жизнь, питаніе, праздники, нравы и обычаи, игры, общественная жизнь); 7) Занятія народа (земледѣліе, скотоводство, охота, рыболовство. Домашнее производство; промыслы, торговля, отхожие промыслы); 8) Этнографическая литература и значеніе народа въ творческомъ искусствѣ; 9) Производство и торговля всей націи; 10) Городская жизнь; 11) Культурное и соціальное состояніе всей націи.—Такой проспектъ будущей энциклопедіи вызываетъ, м. б., возраженія съ точки зрењія малой органической связи ея составныхъ частей. Широко-задуманный планъ даетъ автору возможность установить фактъ незначительной разработки чешского этнографического материала по большинству изъ намѣченныхъ имъ рубрикъ.

Въ слѣдующей статьѣ Тилле „Чешскія сказки“ (стр. 14—48) дана попытка хотя отчасти разобраться въ чешскомъ сказочномъ материалѣ. Авторъ имѣть въ виду лишь сказки о богатствѣ. Онъ раздѣляетъ ихъ на два отдѣла: 1) сказки, гдѣ богатырь совершає сверхъестественные дѣла не только съ помощью врожденныхъ сверхъестественныхъ свойствъ, но и съ помощью встрѣчающихся ему сверхъестественныхъ существъ и вещей; 2) сказки, гдѣ богатырь производить свои подвиги съ помощью врожденныхъ (иногда сверхъестественныхъ) физическихъ и психическихъ свойствъ. Въ настоящемъ выпускѣ Тилле разсматривается первый отдѣлъ. Этотъ отдѣлъ распадается на восемь группъ. Первая группа—измѣненія богатыря: онъ различнымъ образомъ приобрѣтаетъ способность обращаться въ звѣрей и предметы (4 темы). Вторую группу составляютъ сказки, гдѣ богатырь добываетъ чудодѣйственные предметы; разсказъ о нихъ составляетъ центръ тяжести сказки. Группа распадается на двѣ подгруппы: 1) богатырь добываетъ нѣсколько (обычно 3) чудодѣйственныхъ предметовъ (въ темѣ съ нѣсколькими вариантами); 2) богатырь добываетъ одну главную чудодѣйственную вещь; въ первой части сказокъ получаетъ, благодаря ей, богатство и принцессу, во второй—теряетъ вещь и принцессу, ищетъ ихъ и находитъ (3 темы—съ вариантами). Третья группа обнимаетъ сказки, въ которыхъ богатырь освобождаетъ принцессу (ъ) отъ чудовищъ (4—съ вариантами). Четвертая группа—сказки, гдѣ богатырь старается получить руку принцессы; здѣсь еще устанавливаются двѣ подгруппы: 1) богатырь исполняетъ порученія, даваемыя претендентамъ принцес-

сою или ея отцомъ, и (иногда) помогаетъ королю въ сраженіи; 2) богатырь, желая достать принцессу въ жены, насилино и хитростью похищаетъ ее (2). Въ сказкахъ, первой подгруппы богатырь или а) открыто выступаетъ претендентомъ (3 и варианты), или б) подъ чужимъ видомъ, тайно (2 и варианты). Въ сказкахъ пятой группы богатырь предпринимаетъ путешествіе (съ опредѣленной цѣлью) и приобрѣтаетъ принцессу въ жены (б и варианты). Въ сказкахъ шестой группы богатырь отправляется въ путь, чтобы найти свою пропавшую жену (2—стъ вариантами). Седьмая группа—нѣсколько богатырей, одновременныхъ претендентовъ, домогаются дѣвушки (2). Въ сказкахъ восьмой группы богатырь предпринимаетъ путешествіе и борется съ разными чудовищами (2).

Статья Поливки: „Рыбакъ и золотая рыбка“ (стр. 49—63) представляетъ изъ себя сравнительный очеркъ различныхъ вариантовъ извѣстной сказки и классификаціи ихъ по содержанію и географическому распространенію. Общая мысль всѣхъ версій таковой: ненасытное честолюбіе достойно наказанія. Распадаются онѣ на нѣсколько группъ: 1) версіи русская, шведская, жмудская, нѣмецкая, хорватская: желанія ненасытной рыбачки исполняетъ чудесная рыбка; 2) версіи русскія и алтайская, гдѣ вмѣсто рыбки выступаетъ котъ или лиса; 3) версіи русская и моравская—вмѣсто рыбки является птичка, при чемъ въ латышской и эльзасской птичка сама обѣщаетъ и даетъ блага; 4) 3 русскія и 2 латышскія версіи, гдѣ чудодѣйственнымъ существомъ выступаетъ лѣсной духъ, обратившійся въ польской—въ св. Михаила; въ малороссійской благодѣтелемъ бѣдняка оказывается старецъ (Богъ); 5) версіи романскія, отступающія отъ предыдущихъ: бѣднякъ достаетъ отъ св. Петра, съ неба, чудодѣйственные вещи и посыпается на небо честолюбивою женою. Авторъ отказывается опредѣленно указать мѣсторожденіе сказки и ея распространеніе; онъ замѣчаетъ только, что не языкъ опредѣляетъ распространенность мотивовъ и сюжетовъ, а напротивъ послѣдняй зависитъ отъ отношеній культурныхъ и географическихъ.

Влукя далъ замѣтку о двухъ статуеткахъ домашнихъ боговъ (*Dadci chlì hospodářici*) изъ Силезіи—съ рисунками (стр. 63—65), а Нидерле—описаніе (съ рисунками) алтарного платка и двухъ блюձь словацкой работы XVIII в. изъ собраній „Этнографического Музея“ (стр. 66—68).

Гостинскій въ статьѣ „О просодії и риѳмикѣ чешскихъ народныхъ пѣсенъ“ (стр. 68—71) доказываетъ, что въ нихъ господствуетъ не количество, а удареніе.

Остальныя двѣ трети книги посвящены бібліографіи по этнографії.

Коварэнъ даетъ очеркъ исторіи фольклористики у Славянъ: у Русскихъ (стр. 73—87), Юго-славянъ (87—94), Лужицкихъ Сербовъ (95—6), Поляковъ (96—102), у Чеховъ (102—9). Далѣе помѣщены рецензіи книгъ: „Dialektologie Moravská“ Бартенса (Пастрнекъ), „Ходячія и мѣткія слова“ Михельсона (Кадлецъ), „Märchen aus Mallorca“ эрцгерц. Лудвига Сальватора (Поливка); критическая бібліографія трудовъ по скандинавскому фольклору (*Thyregod*, пер. Крауса), румынскому и албанскому (Ярникъ)—за 1895—6 года. Стр. 145—160 посвящены обозрѣнію этнографическихъ журналовъ—славинскихъ и неславянскихъ, а 160—197—бібліографіи за 1895-й годъ, гдѣ дано обозрѣніе и фольклора азиатского, африканского и американского.

Въ концѣ книги посвящено по нѣсколько строкъ умершимъ писателямъ, работы которыхъ касались этнографії; наиболѣе вниманія отведено Матову и Вальявицу.

ОТДѢЛЪ IV.

СМѢСЬ.

Этнографические изыскания Восточно-Сибирского Отдѣла Император- ского Русского Географического Общества.

Недавно вышла въ Иркутскѣ небольшая брошюра подъ заглавиемъ „Программа изданія трудовъ Якутской экспедиціи“. Программа эта составлена, по порученію Отдѣла, В. А. Обручевымъ „на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ участниками экспедиціи, ихъ отчетовъ, писемъ и программъ“.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой программѣ разсказана исторія возникновенія якутской экспедиціи на средства, пожертвованныя И. М. Сибириковымъ, ея организація и способъ распределенія работъ между участниками ея. Изслѣдованіе началось въ 94 году и продолжалось съ особой интенсивностью въ этомъ и слѣд. году, пока не истощились и безъ того скучные средства экскурсантовъ; некоторые же изъ нихъ, какъ сказано въ предисловіи, „настолько заинтересовались своею задачей и ея возможно обстоятельнымъ разрѣщеніемъ, что намѣрены продолжать и безъ пособія отъ отдѣла собираніе материаловъ; пока не представляется возможность ихъ обработки и изданія“. Способы собиранія материаловъ были различны, въ зависимости отъ задачъ изслѣдованія и программъ: одни изъ изслѣдователей были постоянно въ разѣздахъ отъ одного раздѣленного пункта до другого; другіе двигались неравномѣрно, кочуя вмѣстѣ съ бродячими инородцами, треты посѣщали центры инородческо йжизни, какъ-то наслежныя и улусныя управы, ярмарки, миссионерскіе станы и т. п., и, наконецъ, четвертые не отлучались никуда изъ своихъ мѣстъ совсѣмъ, черпая свой материалъ изъ давно знакомыхъ имъ окружающихъ условій и дополнняя его опросами сосѣдей или небольшими экскурсіями въ предѣлахъ своего же улуса или наслега.

Постоянное общеніе между изслѣдователями, обмѣнъ мыслей и впечатлѣній, взаимная помощь сообщеніемъ различныхъ полезныхъ свѣдѣній и указаній значительно содѣйствовали успѣху дѣла и экономіи въ трудахъ и во времени. Однимъ изъ такихъ проявлений взаимопомощи былъ сѣездъ изслѣдователей въ Якутскѣ въ концѣ 94-го и началѣ 95-го года, на которомъ представлены были первые отчеты экскурсантовъ, читались рефераты, обсуждались теоретические и практические вопросы изслѣдованія.

Въ конечномъ результатаѣ изысканій по Якутской области получился огромный материалъ, отчасти уже поступившій въ распоряженіе Восточно-Сибирскаго отдѣла, отчасти представленный въ видѣ подробныхъ отчетовъ и докладовъ. Для удобствъ оперированія надъ этимъ разнообразнымъ материаломъ и облегченія самаго изданія, составлена

приблизительна схема его въ печати. Все издание распадается на 3 отдѣла изъ 13 томовъ, — въ большинствѣ случаевъ, по нѣсколько частей и выпусксовъ въ каждомъ, — представляющихъ отдѣльныя монографіи и цѣльные работы.

Отдѣлъ I. Общія изслѣдованія. Томъ I. Демографія. И. И. Майновъ. Томъ II. Антропологія. Часть I. Якуты (Якут. и Колым. округовъ). Н. Л. Геккеръ. II. Тунгусы (Якут. и Олекмин. окр.). И. И. Майновъ. III. Русскіе якутии (Якут. и Олек. окр.). И. И. Майновъ и IV. Физіологич. данные объ якутахъ и русскихъ якутияхъ. Ф. Конъ.

Отдѣлъ II. Якуты. Томъ V. Языкъ якутовъ и ихъ народное творчество. Часть I. Якутско-русский словарь. Э. К. Пекарскій. II. Грамматика якут. яз. С. В. Ястребецкій. III и IV. Образцы народной словесности. В. Іоновъ. Э. Пекарскій, С. Ястребецкій и др. Томъ IV. Вѣрованія якутовъ. В. М. Іоновъ. Томъ V. Матеріальная культура, домашій и семейный бытъ. Состоитъ изъ 8-ми частей: работъ В. Е. Гориновича (жилище, одежда и пища; 3 части), В. В. Никифоровъ (семейный бытъ). В. В. Ливадина (занятія и ремесла, Г. Ф. Осмоловскаго и А. И. Некрасова (лавровство и рыболовство, игры и развлечения; 2 части), А. И. Поповъ (нравы и национальный характеръ). Томъ VI. Экономический строй якутовъ. Л. Г. Левенталь. Томъ VII. Юридический бытъ якутовъ. Н. А. Виташевскій. Томъ VIII. Экономическое положеніе якутовъ Олекминского и Киренского округовъ и влияние на нихъ золотопромышленности. С. В. Коваликъ.

Отдѣлъ III. Народности Колымского округа. Томъ IX. Юкагиры. В. И. Іохельсонъ (6 частей: словарь, грамматика, образцы народной словесности, письмена на берестѣ антрополог. и этнограф. данных). Томъ X. Якуты Колымского улуса и округа и Жиганского улуса Верхоянского окр. В. И. Іохельсонъ. Томъ XI. Чукчи. В. Богоразъ (6 частей: словарь, грамматика, образцы словесности, антроп. данных и проч.). Томъ XII. Русское населеніе по р. Колымѣ В. Богоразъ (6 частей: словарь низне-колым. рус. нарѣчія и проч.). Томъ XIII. Каменные ламуты и чуванцы В. Богоразъ (6 частей: словарь ламут. языка, опытъ грамматики, образцы словесности, антропологич. и этнографическая данные, экономич. положеніе, замѣтки о чуванскомъ языке).

По предварительному разсчету составителя сметы, все издание должно представлять отъ 486 до 528 печатныхъ листовъ, не считая картъ, таблицъ, диаграммъ и фототипій, и стоить 27,950 рублей, изъ которыхъ 11,600 руб. предполагается израсходовать на обработку материаловъ и 16,350 руб. на печатаніе трудовъ. (Вост. Обозр.).